

Содержание

<i>Предисловие</i>	<i>2</i>
<i>Глава 1. Новые видящие</i>	<i>7</i>
<i>Глава 2. Мелкие тираны</i>	<i>18</i>
<i>Глава 3. Эманации Орла</i>	<i>40</i>
<i>Глава 4. Светимость осознания</i>	<i>57</i>
<i>Глава 5. Первое внимание</i>	<i>73</i>
<i>Глава 6. Неорганические существа</i>	<i>90</i>
<i>Глава 7. Точка сборки</i>	<i>120</i>
<i>Глава 8. Положение точки сборки</i>	<i>140</i>
<i>Глава 9. Сдвиг вниз</i>	<i>153</i>
<i>Глава 10</i>	
<i>Большие полосы эманаций</i>	<i>171</i>
<i>Глава 11</i>	
<i>Сталкинг, намерение и позиция сновидения</i>	<i>181</i>
<i>Глава 12. Нагуаль Хулиан</i>	<i>197</i>
<i>Глава 13. Толчок земли</i>	<i>216</i>
<i>Глава 14. Накатывающаяся сила</i>	<i>231</i>
<i>Глава 15. Бросившие вызов смерти</i>	<i>244</i>
<i>Глава 16. Человеческая матрица</i>	<i>270</i>
<i>Глава 17</i>	
<i>Путешествие тела сновидения</i>	<i>284</i>
<i>Глава 18</i>	
<i>Разрушение барьера восприятия</i>	<i>300</i>
<i>Эпилог</i>	<i>308</i>

Предисловие

Мои предыдущие книги были подробными отчетами, в которых я описывал свое ученичество у дон Хуана – индейского мага из Мексики. Дон Хуан хотел, чтобы я понял и усвоил понятия и практические методы, бывшие для меня совершенно чуждыми. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как только представить его учение в виде повествования о том, что происходило, ничего не изменяя и не добавляя от себя.

В основе метода обучения, которым пользовался дон Хуан, лежала концепция двух типов человеческого осознания. Он называл их «правая сторона» и «левая сторона». Дон Хуан говорил, что правостороннее осознание – это нормальное состояние осознания, нужное для адекватного функционирования в повседневной жизни. В левостороннем же осознании заключено все, что есть в человеческом существе загадочного. Левостороннее осознание – это состояние осознания, в котором человек действует как маг и видящий. Соответственно этой классификации типов осознания дон Хуан разделял свое обучение на две части – обучение для правой стороны и обучение для левой стороны.

Все инструкции для правой стороны дон Хуан давал мне, когда я находился в состоянии нормального осознания. Описанию именно этой части обучения и посвящены мои предыдущие книги. Дон Хуан сообщил мне, что он маг, когда я был в обычном состоянии осознания. Он также познакомил меня с другим магом – доном Хенаро Флоресом. Из того, какие взаимоотношения установились между нами, логически вытекало, что они взяли меня в ученики.

Это ученичество закончилось непостижимым действием, к выполнению которого подготовили меня дон Хуан и дон Хенаро. Они сделали так, что я смог прыгнуть с вершины плоской горы в пропасть.

Все, что произошло там, на вершине, описано в одной из моих книг. Это последняя драма в учении дона Хуана для правой стороны была разыграна самим доном Хуаном, доном Хенаро, двумя их учениками – Паблито и Нестором, и мной. Паблито, Нестор и я прыгнули тогда с вершины в пропасть.

Прошли годы, в течение которых я был уверен – для подавления рационального страха, возникшего во мне перед лицом реального уничтожения, было достаточно только лишь моей абсолютной веры в дона Хуана и дона Хенаро. Сейчас я знаю, что это не так. Секрет моего непостижимого поступка заключался в учении дона Хуана для левой стороны. Теперь я отдаю себе отчет в том, какая огромная дисциплина и настойчивость требовались для того, чтобы передать мне это учение.

Прошло десять лет, прежде чем мне удалось вспомнить в точности все, что происходило, когда дон Хуан проводил обучение для левой стороны, что позволило мне быть настолько готовым к тому, чтобы совершить столь непостижимое действие, как прыжок в пропасть.

Именно в учении для левой стороны заключался основной смысл того, что дон Хуан, дон Хенаро и их помощники делали со мной в действительности. И именно там лежала разгадка того, кем они на самом деле были. Они вовсе не обучали меня магии, но учили меня, как владеть тремя аспектами древнего знания, которыми обладали сами. Осознание, сталкинг и намерение – так называются эти три аспекта. Сами же дон Хуан, дон Хенаро и их помощники не были магами. Они были видящими. А дон Хуан, кроме того, был еще и нагуалем.

Многое из того, что касалось понятий «видение» и «нагуаль», дон Хуан объяснил мне еще в учении для правой стороны. Насколько я тогда понял, видение является способностью человеческих существ расширить область своего восприятия настолько, что они становятся способными определять не только внешние проявления, но сущность всего. Дон Хуан так же объяснил мне, что видящие видят человека как поле энергии, которое выглядит как светящееся яйцо. У большинства людей это поле

энергии разделено на две части. Однако некоторые мужчины и женщины состоят из четырех или трех частей. Так как эти люди более жизнеспособны чем обычные, то, научившись видеть, они могут стать нагуалями.

В своем учении для левой стороны дон Хуан развернул передо мной всю сложность того, что значит видеть и быть нагуалем. «Быть нагуалем, – говорил он, – это нечто гораздо более сложное и далеко идущее, чем просто быть особо жизнеспособным человеком, который научился видеть. Быть нагуалем – значит быть лидером, учителем, быть тем, кто ведет и указывает путь».

В качестве нагуаля дон Хуан возглавлял группу видящих. Согласно традиции, такая группа называется отрядом или партией нагуаля. В партию дон Хуана входили восемь женщин видящих – Сесилия, Делия, Эрмелинда, Кармела, Нелида, Флоринда, Зулейка и Зойла, три видящих мужчины – Висенте, Сильвио Мануэль и Хенаро, а также четыре курьера или вестника – Эмилито, Джон Тума, Марта и Тереза.

Дон Хуан не только возглавлял свою партию нагуаля, но также обучал и вел группу видящих учеников. Это была новая партия нагуаля. Она состояла из четырех молодых мужчин – Паблито, Нестора, Элихио, Бениньо и пяти женщин – Соледад, Ла Горды, Лидии, Хосефины и Розы. Номинальным лидером новой партии нагуаля являлся я совместно с женщиной-нагуалем Кэрол.

Чтобы быть в состоянии воспринять учение дон Хуана для левой стороны, мне необходимо было входить в совершенно особое состояние ясности восприятия. Это состояние называется известно как состояние повышенного осознания. В это состояние меня вводил дон Хуан. В течение всех лет нашего с ним общения он использовал для этого особый удар ладонью по верхней части моей спины.

Как объяснял дон Хуан, в состоянии повышенного осознания ученик может вести себя почти так же естественно, как в обычной жизни, но разум его способен при этом концентрироваться на чем угодно с необычной силой и ясностью. Однако неотъемлемым свойством состояния повышенного осознания является то, что оно не

восприимчиво к обычному вспоминанию. То, что происходит в этом состоянии, становится частью ежедневного осознания ученика только через потрясающие усилия по восстановлению этого опыта.

То, что происходило между мной и партией нагуаля, было примером этой трудности вспомнить. Я взаимодействовал с ними только тогда, когда находился в состоянии повышенного осознания. Исключение составлял лишь дон Хенаро. Поэтому в своей повседневной жизни я не мог вспомнить ни одного из этих людей. Даже смутными образами во сне они мне не являлись. То, каким образом мы с ними каждый раз встречались, было почти ритуалом. Я приезжал к дому дон Хенаро в небольшом городке на юге Мексики. К нам с доном Хенаро сразу же присоединялся дон Хуан, и втроем мы проходили какую-то часть учения для правой стороны. Затем дон Хуан изменял уровень моего осознания, и после этого мы отправлялись в соседний городок, где жил сам дон Хуан и остальные пятнадцать видящих.

Каждый раз, входя в состояние повышенного осознания, я не переставал изумляться тому, насколько различны эти две стороны моего существа. Ощущение всегда было таким, словно занавес поднимался перед моими глазами. Как будто я был полуслеп и вдруг мгновенно становился зрячим. То ощущение свободы и всеобъемлющей радости, охватывающее меня в этих случаях, нельзя было сравнить ни с чем когда-либо мной испытанным. И в то же время в этом ощущении присутствовало пугающее чувство печали и тоски. Они были неотделимы от свободы и радости. Дон Хуан говорил, что без печали и тоски нет полноты. Без них нет ни доброты, ни уравновешенности. А мудрость без доброты и знание без уравновешенности бесполезны, говорил дон Хуан.

В соответствии с организацией обучения для левой стороны требовалось, чтобы дон Хуан совместно с некоторыми из своих товарищей видящих раскрыл передо мной три аспекта своего знания: владение осознанием, владение сталкингом и владение намерением.

Данная книга посвящена владению осознанием, которое является частью полного комплекса обучения для левой стороны,

комплекса, использованного доном Хуаном для того, чтобы подготовить меня к поразительному поступку – прыжку в пропасть.

Вследствие того факта, что опыт, описываемый мною здесь, имел место в повышенном осознании, он не может иметь структуры повседневной жизни. Ему не хватает словесного контекста, хотя я и попытался, как только мог, восполнить его, ничего не выдумывая. Дело в том, что, находясь в состоянии повышенного осознания, человек в минимальной степени отдает себе отчет в происходящем вокруг него, поскольку его полная концентрация захватывается деталями деятельности, в которую он вовлечён. В данном случае деятельностью, в которую я был вовлечён, являлось разъяснение владения осознанием. В понимании дона Хуана, владение осознанием было современной версией чрезвычайно старой традиции, которую он называл «традицией древних видящих-толтеков».

Несмотря на то, что дон Хуан чувствовал свою неразрывную связь с этой древней традицией, себя он относил к числу видящих нового цикла. Когда я как-то спросил его, чем же собственно отличаются видящие нового цикла, он ответил, что они – воины полной свободы. Они такие мастера осознания, сталкинга и намерения, что не схвачены смертью, как обычные смертные люди, а сами выбирают момент и способ покидания этого мира. В тот момент они поглощаются огнём изнутри и исчезают с лица земли, свободные, как если бы никогда не существовали.

Глава 1. Новые видящие

По пути в горы в поисках дона Хуана я заехал в Оахаку – город в южной Мексике. Утром, уезжая из города, я почувствовал, что неплохо было бы проехать через главную площадь. Дон Хуан сидел там на своей любимой скамейке, словно специально меня поджидая.

Я сел рядом. Он сказал, что приехал в город по делам и остановился в маленькой частной гостинице, где найдется место и для меня. Мы немного поговорили о моей работе, о проблемах мира академической науки.

Как обычно, он внезапно ударил меня по спине, когда я менее всего ожидал этого, и этот удар сдвинул меня в состояние повышенного осознания.

Мы долго сидели молча. Я с нетерпением ждал, когда дон Хуан наконец заговорит, и все же первые его слова застали меня врасплох.

– За века до того, как в Мексику пришли испанцы, – произнес дон Хуан, – здесь жили необыкновенные люди – видящие-толтеки. Они были способны на невероятные, непостижимые вещи. Эти видящие являлись последним звеном в длинной цепи знания, продолжавшейся в течение тысячелетий.

– Видящие-толтеки воистину были людьми необыкновенными, – продолжал он, – могучими магами, мрачными и одержимыми. Им удалось разгадать тайны знания, с помощью которого они влияли на людей и полностью подчиняли их своей воле.

Для этого они фиксировали на чем-нибудь, по своему выбору, осознание своих жертв.

Дон Хуан замолчал и пристально посмотрел на меня. Я чувствовал, что он ждет вопроса. Но я не знал, о чем спросить. Тогда он продолжил:

– Я должен подчеркнуть важный факт. Эти маги знали, как фиксировать осознание своих жертв. Ты не обратил на это внимания, потому что для тебя мои слова ничего не значили. Это не удивительно, ибо одной из самых тяжёлых вещей является признать то, что осознанием можно манипулировать. Я был в замешательстве. Я знал, что он старается к чему-то меня подвести. Появилось неприятное предчувствие – оно уже было мне знакомо, поскольку неизменно возникало в начале каждого нового этапа обучения.

Я сообщил дону Хуану о том, что со мной происходит. Он слегка улыбнулся. Обычно его улыбка излучала радость и веселье, однако в этот раз он был, несомненно, озабочен. Какое-то время он, казалось, колебался – продолжать или нет. Он еще раз пристально на меня посмотрел, медленно двигаясь взглядом вдоль всего моего тела. Затем с явным удовлетворением кивнул и заявил, что я готов к последнему этапу тренировки. Через это должен пройти каждый из воинов, прежде чем решить, что он готов к самостоятельному пути. Я был заинтригован более чем когда-либо.

– Ну что ж, поговорим об осознании, – сказал дон Хуан. – Видящие-толтеки знали искусство управления осознанием. Фактически они были непревзойденными мастерами этого искусства. Когда я говорю о том, что они знали, как фиксировать осознание своих жертв, я имею в виду следующее: их секретные знания и практики позволили им проникнуть в тайну сущности осознания. Изрядная часть этих практик сохранилась до сих пор, но, к счастью, в модифицированном виде. Я говорю «к счастью», поскольку то, что делали древние видящие-толтеки, – почему, я объясню позже, – не привело их к свободе, но, напротив, стало для них роковым.

– А ты сам знаком с этими практиками? – спросил я.

– Ну, разумеется, – ответил дон Хуан. – Мы не можем их не знать. Однако это не означает, что мы ими пользуемся. У нас другие взгляды, другой подход. Ведь мы принадлежим к новому циклу.

– И ты не считаешь себя магом, дон Хуан, правда? – спросил я.

– Не считаю, – ответил он. – Я – воин, который видит. И вообще, все мы – los nuevos videntes – новые видящие. Магами были древние видящие.

– Обычный человек, – продолжал дон Хуан, – воспринимает магию как нечто скорее отрицательное, тем не менее, она его привлекает.

Именно поэтому, когда ты находился в состоянии нормального осознания, я сделал так, чтобы ты считал нас магами. Так рекомендуется поступать, чтобы пробудить интерес. Но на самом деле для нас сделаться магами – тупик.

Мне хотелось узнать, что он имеет в виду, но дон Хуан отказался говорить на эту тему. Он сказал, что все встанет на свои места по мере того, как он будет рассказывать об осознании.

Потом я спросил его об истоках толтекского знания.

– Первый шаг по пути знания толтеки сделали, поедая растения силы, – ответил дон Хуан. – То ли из любопытства, то ли от голода, а может быть даже по ошибке, но они их ели. Ну а остальное было лишь вопросом времени. Не могло быть так, чтобы рано или поздно кто-то из них не занялся анализом своих ощущений. Я полагаю, что те, кто первыми встал на путь знания, были людьми чрезвычайно отважными, но они очень сильно ошибались.

– Дон Хуан, а что если все это – твои личные домыслы?

– Нет, это не мои личные домыслы. Ведь я – видящий, и, когда я фокусирую своё видение на том далеком времени, я знаю все, что тогда происходило.

– И ты можешь видеть прошлое во всех подробностях? – спросил я.

– Видение – это особое чувство знания, – ответил дон Хуан. – Знания чего-то без тени сомнения. В данном же случае мне доподлинно известно, что именно делали те люди, не только

благодаря видению, но также и потому, что между нами и ними существует тесная связь.

Затем дон Хуан объяснил, что термином «толтек» он обозначает вовсе не то, что под этим понимаю я. Для меня это было название представителя определенной культуры – Толтекской Империи. Он же, говоря «толтек», подразумевал «человек знания».

Дон Хуан рассказал мне, что в те далекие времена – за сотни, а скорее даже за тысячи лет до Конкисты – завоевания Центральной Америки испанцами, эти люди знания жили в пределах довольно обширной области, простиравшейся на север и на юг от долины Мехико. Они занимались специфическими видами деятельности – целительством, колдовством, сказительством, танцем, гаданием и прорицаниями, приготовлением пищи и напитков. Благодаря такому направлению деятельности у них выработалась особая мудрость, которая отличала их от обычных людей. Однако толтеки не были оторваны от социума, более того, они входили в структуру повседневной жизни людей, в значительной степени подобно тому, как в структуру повседневной жизни современного общества входят врачи, учителя, священники и торговцы. Толтеки практиковали свое профессиональное искусство под строгим контролем организованных братств, приобретая все более высокую квалификацию и все большее могущество. В конце концов, влияние их сделалось настолько сильным, что они даже стали доминировать над этническими группами, расселявшимися за пределами географической области, занятой толтеками.

Дон Хуан сказал, что после того, как некоторые из этих людей окончательно научились видеть – а на это ушли столетия экспериментов с растениями силы, – наиболее предприимчивые из них взялись за обучение видению других людей знания. И это стало началом их конца. С течением времени видящих становилось все больше и больше, но их одержимость тем, что они видели, тем, что наполняло их благоговением и страхом, стала настолько интенсивной, что они перестали быть людьми знания. Их мастерство в видении стало необыкновенным, доходило даже до того, что они были способны управлять всем, что было в тех странных мирах,

которые они воспринимали. Но это было бесполезно. Видение подорвало силу этих людей и сделало их одержимыми увиденным.

– Однако среди видящих были и такие, которым удалось избежать этой участи, – продолжал дон Хуан. – Это были великие люди. Несмотря на свое видение, они оставались людьми знания. Некоторые из них находили способы положительного использования видения и учили этому других людей. Я убежден, что под их руководством жители целых городов уходили в другие миры, чтобы никогда сюда не вернуться.

Те же видящие, которые умели только видеть, были обречены. И когда на их землю пришли завоеватели, они оказались такими же незащитными, как и все остальные.

– Завоеватели, – говорил дон Хуан, – покорили мир толтеков. Они присвоили себе все. Но они так никогда и не научились видеть.

– Но почему ты полагаешь, что они так никогда и не научились видеть?

– Потому что они копировали толтекскую практику, не обладая внутренним знанием, которым владели толтеки. До сих пор по всей Мексике встречается множество магов – последователей тех завоевателей. Они следуют по пути толтеков, но понятия не имеют ни о том, что сами делают, ни о том, о чем говорят, поскольку не являются видящими.

– Кто были эти завоеватели, дон Хуан?

– Индейцы других племен, – ответил он. – К тому времени, когда здесь появились испанцы, с момента исчезновения древних видящих уже прошли столетия. Но существовало новое поколение видящих, которое начало занимать свое место в новом цикле.

– Новое поколение видящих, – что ты имеешь в виду?

– После того, как мир первых толтеков был разрушен, те видящие, кому удалось выжить, ушли в подполье и принялись за серьезнейший пересмотр своих практических методов. И первое, что

они сделали, – выделили сталкинг, сновидение и намерение в качестве ключевых техник, в то же время ограничив применение растений силы. Это, кстати, может послужить нам намеком на то, что в действительности случилось с ними из-за растений силы.

Новый цикл только-только сформировался, когда пришли испанские захватчики. К счастью, новые видящие успели как следует подготовиться к такого рода опасности. Они уже стали непревзойденными мастерами практики искусства сталкинга.

Последовавшие за этим столетия порабощения обеспечили новым видящим идеальные условия для дальнейшего совершенствования их мастерства. Это может показаться довольно странным, но именно исключительная суровость и жестокость тех времен дали им импульс к очистке их новых принципов. А благодаря тому, что они никогда не афишировали свою деятельность, их оставили в покое, так что они получили возможность разобраться в своих находках.

– Во времена Конкисты видящих было очень много? – спросил я.

– Поначалу – да. Но к концу осталось горсточка. Остальных уничтожили.

– А как в наше время, дон Хуан?

– Немного. Видишь ли, они как бы рассеяны повсюду.

– Ты знаешь их? – спросил я.

– На такой простой вопрос ответить очень трудно. Некоторых мы знаем достаточно хорошо. Но они на нас не слишком похожи, поскольку сосредоточились на других аспектах знания – таких как танец, целительство, колдовство, заговоры – а не на сталкинге, сновидении и намерении, как советуют новые видящие. Пути же тех, кто в точности похож на нас, никогда с нашими путями не пересекаются. Так устроили видящие, жившие во времена Конкисты, для того, чтобы испанцы их не истребили. Каждый из тех

видящих основал свою линию. Причем не все из них имели последователей, так что лишь немногие из линий сохранились.

— А ты лично знаком с кем-нибудь, кто в точности похож на нас?

— С несколькими, — лаконично ответил он. — Тогда я попросил его дать мне как можно более полную информацию об этих людях. Меня это очень заинтересовало, поскольку появилась возможность получить подтверждение со стороны. Я полагал, что очень важно узнать имена и адреса.

Однако дон Хуан явно не собирался идти мне навстречу. Он сказал:

— Знаешь, новые видящие уже прошли через это. Они достаточно занимались поисками подтверждений. Половина из них оставила свои кости в комнате подтверждений.

Так что теперь они — одинокие птицы. И давай оставим все как есть. Наша линия — единственная, о которой мы с тобой можем говорить. Но зато об этом ты и я можем говорить сколько угодно.

Потом дон Хуан объяснил, что все линии были основаны видящими в одно и то же время и по одному и тому же образцу. В конце шестнадцатого века каждый нагуаль намеренно изолировал себя и свою группу видящих, полностью исключив возможность каких бы то ни было открытых контактов с видящими других групп. Следствием такого резкого разделения было образование отдельных изолированных линий, каждая из которых обладала своими специфическими чертами. Наша линия состояла из четырнадцати нагуалей и ста двадцати шести видящих. Некоторые из этих нагуалей имели в своих группах всего по семь видящих, некоторые по одиннадцать, а некоторые — по пятнадцать.

Дон Хуан рассказал мне, что его учителем — он говорил «бенефактором¹» — был нагуаль Хулиан, а перед Хулианом был нагуаль Элиас. Я спросил, известны ли ему имена всех

¹ Benefactor — благодетель, покровитель.

четырнадцать нагуалей, и он перечислил их по порядку, чтобы я смог запомнить. Еще дон Хуан сказал, что лично был знаком с пятнадцатью видящими, составлявшими партию его бенефактора, и что он знал также учителя своего бенефактора – нагуалья Элиаса – и одиннадцать видящих его группы.

По словам дона Хуана, наша линия была полностью исключительной, поскольку в 1723 году претерпела коренное изменение. Его причиной явилось внешнее воздействие, которое очень сильно нас затронуло и безжалостно, неумолимо изменило наш курс. О том, что это было за событие, дон Хуан говорить не захотел. Он только отметил, что именно тот момент принято считать новым началом линии. И восемь нагуалей, возглавлявших ее после этого, существенно отличались от шести, бывших до них.

У дона Хуана в тот день были какие-то дела, поэтому я не видел его практически до полудня. Тем временем в городе появились трое из его учеников – Паблито, Нестор и Ла Горда. Они ездили по магазинам, покупая инструменты и материалы для столярной мастерской Паблито. Я присоединился к ним и помогал им, пока они не покончили с делом. Затем мы все вместе отправились в гостиницу.

Мы сидели и разговаривали у меня в номере, когда появился дон Хуан. Он сообщил, что после обеда мы уезжаем, но прежде он намерен кое о чем переговорить со мной наедине. Он назначил всем встречу в ресторане и сказал, что до этого мы с ним вдвоем прогуляемся по центральной площади.

Паблито с Нестором встали и вышли, сославшись на дела, которые им нужно сделать до нашей встречи. Лицо Ла Горды выражало крайнее недовольство.

– О чем это вы там собираетесь разговаривать? – выпалила она, но тут же захихикала, поняв, что погорячилась. Дон Хуан странно взглянул на нее, но не произнес ни слова.

Несколько ободренная его молчанием, Ла Горда заметила, что мы могли бы взять ее с собой. Она заверила нас, что ни в малейшей степени не собирается нам мешать.

– Нисколько в этом ни сомневаюсь, – ответил дон Хуан, – однако, видишь ли, дело в том, что я намерен говорить именно с ним и действительно не хочу, чтобы ты слышала хоть слово из нашей беседы.

Ла Горда пришла в ярость, и это было очевидно. Она вспыхнула, а когда мы с доном Хуаном выходили из номера, лицо ее мгновенно исказила гримаса напряжения и беспокойства. Рот ее был полуоткрыт, губы пересохли.

Настроение Ла Горды меня весьма беспокоило. Возникло явственное ощущение дискомфорта. Я ничего не сказал по этому поводу, но от внимания дона Хуана мое состояние, похоже, не ускользнуло, и он неожиданно произнес:

– Знаешь, а ведь ты должен денно и нощно благодарить Ла Горду. Она помогает тебе разрушить твою самозначительность². Ла Горда в твоей жизни исполняет роль мелкого тирана, однако до тебя это пока что не дошло.

Мы прогуливались вокруг площади, пока вся моя нервозность не улетучилась. Затем опять сели на любимую скамейку дона Хуана.

– На самом деле древним видящим удивительно повезло, – начал дон Хуан, – ведь у них было предостаточно времени на то, чтобы научиться замечательным вещам. Уверяю тебя, они владели знанием о таких чудесах, которые нам сегодня невозможно себе даже вообразить.

– Но кто их всему этому научил? – спросил я.

– Никто. Они научились всему самостоятельно посредством видения, – ответил он. – Львиная доля всего, что известно нашей линии, была обнаружена ими. Древние видящие допускали ошибки. Новые видящие эти ошибки исправили. Но корни всего, что мы знаем и делаем, уходят далеко в глубины времен древних толтеков. И он объяснил, что имеется в виду.

² Self-importance – важничанье, самомнение. Переводчиком выбрано слово «самозначительность», хотя «самомнение» – тоже неплохо. А «серьезное отношение к себе» – еще лучше.

– Одна из наиболее простых и в то же время наиболее важных с точки зрения обучения находок древних видящих заключалась в том, что они обнаружили: человек обладает двумя типами осознания. Древние видящие называли их правой и левой сторонами человека.

– Они также обнаружили, – продолжал дон Хуан, – что наилучшим способом обучения их знанию является обучение в состоянии, когда восприятие ученика сдвинуто влево, то есть когда ученик находится в состоянии повышенного осознания. Именно в этом состоянии происходит реальное обучение. Древним видящим отдавали в науку совсем маленьких детей, поэтому их ученики не знали иного образа жизни. Когда они вырастали, то, в свою очередь, брали в ученики маленьких детей. Можно только вообразить те вещи, которые они должны были раскрыть в своих сдвигах вправо и влево, после веков подобного вида сосредоточения.

Я заметил, что меня эти сдвиги приводят в глубокое замешательство. Дон Хуан сказал, что мой опыт был таким же, как и его собственный. Его бенефактору – нагуалю Хулиану – удалось сформировать в нем глубочайший раскол, сдвигая его восприятие туда и обратно – из одного типа осознания в другой. Настолько разительным был контраст между ясностью и свободой, испытываемыми им в повышенном осознании, и рациональной мотивацией, защитами, гневом, страхом, присущими нормальному состоянию осознания.

Древние видящие использовали такую полярность восприятия в своих узко специализированных целях: этим они заставляли учеников достигать глубокого сосредоточения, необходимого для освоения магических техник. Однако новые видящие пользуются этим иначе, а именно – приводят своих учеников к убеждению в том, что человек обладает огромнейшим потенциалом нереализованных возможностей.

Лучшее достижение новых видящих, – объяснял далее дон Хуан, – заключается в их объяснении тайны осознания. Они оформили его в виде ряда понятий и действий, которым ученик обучается, находясь в состоянии повышенного осознания.

Особая же ценность метода обучения, применяемого новыми видящими, заключается в невозможности запомнить что-либо из того, что происходит с человеком в состоянии повышенного осознания. Это ставит почти непреодолимый барьер для воинов, которые должны вспомнить все, чему их учили, если намерены продолжать путь. Только после лет борьбы и дисциплины, воины могут восстановить свои инструкции. К тому времени, когда это им удается, понятия и приемы, которым их учили, уже настолько глубоко внедряются в их существо, что обретают ту силу, которой должны обладать по замыслу новых видящих.

Глава 2. Мелкие тираны

Прошло несколько месяцев. За все это время дон Хуан ни разу не вернулся к теме владения искусством осознания. В тот день мы находились в доме, где жила команда нагуалья.

– Пойдем-ка прогуляемся, – сказал дон Хуан, положив руку мне на плечо. – Или нет, лучше идем на площадь – там как раз полно народу, – сядем на скамейку и потолкуем.

Я был несколько удивлен, так как находился в доме уже пару дней, но он со мной практически не общался, разве что поздоровается, и все.

Когда мы выходили из дома, путь нам преградила Ла Горда. Она потребовала, чтобы мы взяли ее с собой. Было похоже, что на этот раз она не собирается мириться с отказом. Но дон Хуан очень жестко сказал ей, что у него со мной предполагается сугубо личный разговор.

– Вы собрались говорить обо мне, – произнесла Ла Горда с выражением подозрительности и крайнего раздражения в голосе и жестах.

– Точно. Именно о тебе, – сухо подтвердил дон Хуан. И он прошел мимо Ла Горды, даже не взглянув в ее сторону.

Я последовал за ним, и в молчании мы дошли до городской площади. Когда мы сели на скамейку я спросил, почему вдруг мы будем говорить о Ла Горде.

Перед моими глазами все еще стояло ее лицо с выражением немой угрозы, когда мы покидали дом.

– Мы не собираемся обсуждать ни ее, ни кого бы то ни было другого, – ответил дон Хуан. – Я сказал это только для того, чтобы спровоцировать её громадную самозначительность. И это сработало. Сейчас Ла Горда в бешенстве. Насколько я её знаю, к этому моменту

она уже достаточно долго говорила с собой, чтобы выстроить уверенность и праведное негодование по поводу того, что ее так беспардонно отшили и выставили душой. Я не удивлюсь, если она вскоре явится и набросится на нас прямо здесь, на этой скамейке.

– Если мы не собираемся беседовать о Ла Горде, то о чем тогда мы будем говорить? – спросил я.

– Мы продолжим разговор, начатый когда-то в Оахаке, – ответил дон Хуан. – От тебя потребуются огромные усилия и готовность к сдвигам в одну и в другую сторону между уровнями осознания. Иначе объяснения осознания тебе не понять. На время нашей беседы я требую от тебя полнейшей концентрации и терпения.

Почти жалобно я сообщил ему, что, отказываясь говорить со мной на протяжении последних двух дней, он ставил меня в неловкое положение, заставляя ощущать изрядное неудобство. Дон Хуан взглянул на меня, вскинув брови. По губам его пробежала улыбка, которая тут же исчезла. Я понял – он дает мне понять, что я ничем не лучше Ла Горды.

– Я провоцировал твою самозначительность, – нахмурившись сообщил он. – Самозначительность – главнейший и самый могущественный из наших врагов. Подумай вот о чем: то, что ослабляет нас – это чувство оскорбления и обиды поступками и оплошностями окружающих нас. Наша самозначительность заставляет нас почти все время чувствовать себя оскорбленными кем-то или на кого-то обиженными.

Новые видящие рекомендуют направить все усилия на исключение самозначительности из жизни воина. Я все время следовал и следую этим рекомендациям. И значительная часть моих действий в отношении тебя направлена на то, чтобы ты увидел – без самозначительности мы неуязвимы.

Я внимательно слушал. Вдруг глаза дон Хуана заискрились, и я подумал, что он, похоже, вот-вот рассмеется. Явной причины для этого вроде бы не было, но не успел я сообразить, в чем дело, как

внезапно был огорошен резкой, звонкой и весьма болезненной затрещиной по правой стороне моего лица.

Я вскочил со скамейки. Сзади стояла Ла Горда со все еще поднятой рукой. Лицо ее гневно пылало.

– А теперь можете говорить обо мне все, что хотите! По крайней мере, теперь у вас есть повод! – прокричала она. – Но если у вас есть, что сказать, – скажите мне это прямо в лицо!

Этот взрыв словно исчерпал все ее силы, потому что она опустилась на асфальт и заплакала. Дон Хуан застыл на месте с выражением невыразимого ликования на лице. Меня же сковала бешеная ярость. Бросив на меня свирепый взгляд, Ла Горда повернулась к дону Хуану и жалобно промямлила, что мы не вправе ее критиковать.

Дон Хуан хохотал. Он сложился пополам. Он почти рухнул на землю. Два-три раза он пытался что-то сказать мне, но в конце концов просто повернулся и двинулся прочь, то и дело сотрясаясь всем телом в приступах гомерического смеха.

Я ринулся было за ним, все еще охваченный негодованием по адресу Ла Горды – в тот момент я презирал ее, – как вдруг со мной произошло нечто необычайное. Я понял, что именно так забавляло дона Хуана. Мы с Ла Гордой были похожи до ужаса. Наша самозначительность была монументальной. Мое удивление и моя ярость по поводу пощечины в точности соответствовали гневу и подозрительности Ла Горды. Дон Хуан был абсолютно прав. Бремя самозначительности в самом деле является жуткой обузой.

Я побежал вслед за доном Хуаном в восторге, со слезами, которые текли по моим щекам. Я догнал его и рассказал о том, что осознал за миг до этого. Глаза его сияли озорством и радостью.

– Но что мне делать с Ла Гордой? – спросил я.

– Ничего, – ответил он. – Осознание – всегда дело сугубо личное.

Он сменил тему, сообщив мне, что знаки говорят о том, что продолжить беседу мы должны у него дома — либо в большой комнате с удобными креслами, либо на заднем двореке, окруженном крытой галереей. Дон Хуан объяснил, что когда он кому-нибудь что-либо объясняет в одном из этих двух мест, никто другой туда не входит.

Мы вернулись в дом. Там дон Хуан рассказал всем о поступке Ла Горды. Все видящие принялись подтрунивать над Ла Гордой, делая это с явным удовольствием, что поставило Ла Горду в крайне незавидное положение.

— Щепетильность и тактичность — не помощники в борьбе с самозначительностью, — пояснил дон Хуан в ответ на мое выражение озабоченности по поводу положения Ла Горды.

Потом он попросил всех покинуть комнату. Мы сели, и дон Хуан начал объяснять. Он сказал, что видящие, как древние, так и новые, делятся на две категории. К первой относятся те, кто стремится практиковать самообуздание и способен направить свою деятельность в русло достижения прагматических целей, несущих благо другим видящим и человеку вообще. Другая категория — это те, кому нет дела до самообуздания и достижения прагматических целей. Среди видящих принято считать, что тем, кто составляет вторую категорию, не удалось справиться с проблемой самозначительности.

— Самозначительность, — пояснил дон Хуан, — не является чем-то простым и наивным. С одной стороны, это сердцевина всего наилучшего, что в нас имеется. А с другой — сердцевина всей нашей внутренней гнили. Избавление от этой гнилой части самозначительности требует шедевра стратегии. И во все века видящие давали высочайшую похвалу тому, кому удавалось это совершить.

Я пожаловался на то, что идея избавления от собственной значительности, временами для меня довольно привлекательная, кажется мне все же чем-то непостижимым. Я сказал, что нахожу его

указания относительно избавления от нее весьма туманными и потому не могу им следовать. На это дон Хуан ответил:

– Я говорил тебе не один раз: вставший на путь знания должен обладать огромным воображением. На этом пути, видишь ли, ничто не бывает таким ясным, как нам бы того хотелось.

Я ощущал некоторое неудобство, и это заставило меня вступить в спор. Я заявил, что его указания напоминают мне постулаты католической веры, и что после того, как мне всю жизнь твердили о греховности и грехе, я сделался невосприимчивым к подобного рода вещам.

– Для воина борьба с самозначительностью не принцип, а чисто стратегический вопрос, – ответил дон Хуан. – Твоя ошибка заключается в том, что ты рассматриваешь то, что я говорю, с точки зрения морали.

– Я действительно считаю тебя человеком высокоморальным, дон Хуан.

– Ты просто заметил мою безупречность. И это все, – произнес он.

– Безупречность, равно как и избавление от самозначительности – понятия слишком неопределенные, чтобы представлять для меня какую-либо ценность, – заметил я.

Дон Хуан чуть не задохнулся от смеха, и я в вызывающем тоне потребовал от него объяснения безупречности.

– Безупречность – это не более чем правильное использование энергии, – сказал он. – И все, что я говорю, к вопросам морали не имеет ни малейшего отношения. Я сохранил энергию, и это делает меня безупречным. Чтобы понять это, тебе необходимо самому сохранить достаточно энергии.

Довольно долго мы молчали. Мне хотелось обдумать сказанное доном Хуаном. Неожиданно он снова заговорил:

– Воин проводит стратегическую инвентаризацию. Он составляет список всего, что делает. А затем решает, какие пункты этого списка можно изменить, чтобы дать себе передышку в расходовании энергии.

Я возразил, что в такой перечень должно входить все, что только есть под солнцем. Дон Хуан терпеливо пояснил, что стратегической инвентаризации, о которой идет речь, подвергаются только те поведенческие структуры, которые не являются существенными с точки зрения выживания и благополучия.

Тут я буквально подскочил. Какая возможность! И я принялся говорить о том, что выживание и благополучие – категории, допускающие бесконечное количество толкований, и потому прийти к какому-нибудь определенному соглашению относительно того, что считать существенным, а что – несущественным с точки зрения выживания и благополучия, попросту невозможно.

По мере того, как я говорил, я начал терять исходный импульс. В конце концов, я умолк, так как осознал всю несерьезность своей аргументации.

Дон Хуан ответил, что в стратегической инвентаризации воина самозначительность фигурирует как деятельность, потребляющая самое большое количество энергии. Отсюда и усилия, которые воин прилагает для её искоренения.

– Одна из первейших забот воина – высвободить эту энергию, для того, чтобы с ее помощью встретиться с неизвестным, – продолжал дон Хуан. – Действие по перераспределению этой энергии называется безупречностью.

Наиболее эффективную стратегию, по словам дона Хуана, выработали видящие времен Конкисты – великие мастера искусства сталкинга³. Эту стратегию составляют шесть взаимодействующих между собой элементов. Пять из них называются атрибутами образа жизни воина: контроль, дисциплина, выдержка, чувство времени и

³ Stalking (от глагола to stalk) – выслеживание, подкрадывание, осторожное преследование.

воля⁴. Все они относятся к миру воина, ведущего битву с самозначительностью. Шестой же элемент – наиболее, пожалуй, важный из всех – относится к внешнему миру и называется мелким тираном.

Дон Хуан замолчал и взглянул на меня, как бы спрашивая, все ли я понял.

– Я, знаешь ли, весьма озадачен, – произнес я. – Ты вот все говоришь, что Ла Горда – мелкий тиран моей жизни. Но что же все-таки такое – мелкий тиран?

– Мелкий тиран – это мучитель, – объяснил дон Хуан. – Некто либо обладающий властью над жизнью и смертью воина, либо просто раздражающий его до безумия.

Дон Хуан говорил это с лучезарной улыбкой. Он сообщил мне, что новые видящие разработали собственную классификацию мелких тиранов, и, несмотря на то, что речь идет едва ли не о самых важных и серьезных вещах, классификация эта не лишена юмора. Дон Хуан заверил меня, что какую бы из классификаций, разработанных новыми видящими, мы не взяли, в ней всегда будет присутствовать оттенок ехидного юмора, потому что юмор – единственный способ противостоять пристрастию человеческого осознания к проведению инвентаризаций и составлению громоздких классификаций.

Сообразно своей практике новые видящие поставили во главу классификационного перечня первичный источник энергии, являющийся единственным и полноправным правителем всей вселенной, и назвали его просто тираном. Естественно, любые другие деспоты и диктаторы стоят неизмеримо ниже категории тирана. По сравнению с источником всего сущего самые могущественные и беспощадные тираны рода человеческого являются жалкими шутами и потому относятся к категории мелких тиранов – *pinches tiranos*. Кроме того, существует два подкласса малых мелких тиранов. Первый подкласс составляют мелкие тираны, которые преследуют и приносят страдания и невзгоды, но

⁴ Control, discipline, forbearance, timing and will

не могут непосредственно лишить кого-то жизни. Их называют мелкие тиранчики – *pinches tiranitos*. Второй подкласс состоит из мелких тиранов, которые лишь бесконечно раздражают и надоедают. Их название – мелюзговые тиранчики – *repinches tiranitos*, или крошечные тиранишки – *pinches tiranitos chiquititos*.

Мне эта его классификация показалась нелепой. Я был уверен, что испанская терминология – плод его импровизации. Я спросил его, так ли это.

– А вот и нет! – словно забавляясь, ответил дон Хуан. – Новые видящие – большие мастера по части составления классификаций. И Хенаро, вне всякого сомнения, – один из величайших. Так что если ты внимательно за ним понаблюдаешь, ты в точности поймешь, что новые видящие чувствуют по поводу своих классификаций.

Когда я спросил, не водит ли он попросту меня за нос, дон Хуан раскатисто захохотал.

– У меня и в мыслях этого не было! – наконец с улыбкой сказал он. – Хенаро – тот на такое способен, но не я, тем более, что мне известно твое отношение к классификациям. Просто новые видящие ужасно непочтительны.

Потом он добавил, что в подкласс мелких тиранчиков входят четыре их категории. Первая – те, которые мучают посредством жестокости и насилия. Вторая – те, кто делает это созданием необоримых опасений своей непорядочностью. Третья – угнетает печалью. Ну и последняя категория – те, которые мучают, приводя воина в бешенство.

– Ла Горда – это отдельный класс, – продолжал дон Хуан. – Активный мелюзговый тиранчик. Она смертельно тебя раздражает и к тому же приводит в бешенство. И даже дает затрецины! Всем этим она учит тебя отрешенности.

– Но это – невозможно! – воскликнул я.

– Ты пока что не свел воедино все составляющие стратегии новых видящих, – возразил он. – А когда ты это сделаешь, ты

поймешь, насколько эффективным и толковым приемом является использование мелкого тирана. Я могу с уверенностью сказать, что такая стратегия не только позволяет избавиться от самозначительности, но также готовит воина к окончательному осознанию того факта, что безупречность – это единственное, что идет в зачет на пути знания.

Он сказал, что новые видящие имели в виду смертельный номер, в котором мелкий тиран подобен горному пику, а атрибуты образа жизни воина – альпинистам, которые должны встретиться на его вершине.

– Обычно в игре участвуют только четыре атрибута, – продолжал дон Хуан. – Пятый – воля – всегда находится в запасе на случай, так сказать, рукопашной схватки.

– А почему так?

– Потому что воля принадлежит к иной сфере, сфере неизвестного. Остальные четыре относятся к сфере известного. И там же обитают мелкие тираны. По сути, в мелкого тирана человек превращается именно вследствие одержимости манипуляциями известным.

Далее дон Хуан объяснил мне, что заставить вступить во взаимодействие все пять составляющих способен только видящий, который, кроме того, является также истинным воином и владеет волей. Организация такого взаимодействия – сложнейший прием, абсолютно недоступный для обычного человека в его нормальном состоянии.

– Вообще-то, чтобы справиться с самым худшим из мелких тиранов, достаточно четырех составляющих, – продолжал дон Хуан. – Ну, разумеется, если мелкого тирана удалось отыскать. Я уже говорил – мелкий тиран является внешним элементом и относится к тому, чем мы не можем управлять непосредственно. И в то же время этот элемент – самый важный. Мой бенефактор говорил, что воин, которому удалось случайно наткнуться на мелкого тирана, – просто счастливчик. Он имел в виду, что если мелкий тиран сам возник на

твоим пути, тебе крупно повезло. Потому что в противном случае тебе придется отправиться на поиски одного из них.

Затем дон Хуан рассказал мне, что одним из величайших достижений видящих времен Конкисты было открытие конструкции, которую он назвал «трехфазной прогрессией». Постигнув человеческую природу, они смогли прийти к неоспоримому заключению: если видящий способен удержаться (сдержаться)⁵ в столкновении с мелким тираном, то он определенно сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в присутствии непознаваемого.

– Обычный человек, – продолжал дон Хуан, – изменил бы последовательность, имеющуюся в этом утверждении. Тогда получится, что видящий, способный удержаться в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за такой ошибки погибли многие великолепные видящие древности. Однако теперь мы в этом разобрались получше. И знаем – ничто так не закаляет дух воина, как вызов во взаимодействии с невыносимыми типами, обладающими реальной властью и силой. Только в таких условиях воин обретает трезвость и безмятежность, нужные для того, чтобы выдержать давление непознаваемого.

Я принялся бурно выражать свое несогласие. Я сказал дону Хуану, что, по моему мнению, тиран может только сделать свою жертву либо абсолютно беспомощной и жалкой, либо такой же злобной и жестокой, как он сам. Я сослался на множество работ по изучению воздействия физических и психологических пыток на психологию жертвы.

– Да, но ты сам только что сформулировал то, чем обусловлено принципиальное различие, – парировал дон Хуан. – Ты говоришь о жертве, а не о воине. Когда-то в отношении этого вопроса я испытывал такие же чувства, какие ты испытываешь сейчас. Потом я расскажу тебе, что заставило меня измениться, но сначала давай вернемся к временам Конкисты. Видящие тех времен не могли найти лучших условий. Испанцы были мелкими тиранами, которые

⁵ ...hold his own – сдерживать себя, удерживать себя

испытывали мастерство видящих до предела. После взаимодействия с завоевателями, видящие могли встретить что угодно.

Видящим тех времен крупно повезло. Мелких тиранов тогда было полным-полно, и встречались они повсеместно.

Да, но те замечательные времена изобилия давно прошли, и теперь дело обстоит несколько иначе. Никогда после здесь не было мелких тиранов такого масштаба, поскольку неограниченной власти их была лишь тогда. А ведь мелкий тиран, обладающий неограниченными правами и возможностями, — это идеальный компонент для получения выдающегося видящего.

Так что в наше время видящим, приходится идти на крайние меры, чтобы отыскать нечто достойное внимания. И, тем не менее, в большинстве случаев им приходится удовлетворяться очень-очень крохотными тиранчиками.

— А ты? Тебе-то удалось найти мелкого тирана, дон Хуан?

— Мне повезло. Он сам нашел меня — великолепный мелкий тиран, прямо-таки королевский экземпляр. Правда, отношение мое ко всему этому было тогда похоже на твое нынешнее. Так что счастливчиком я себя отнюдь не ощущал.

И дон Хуан рассказал, как началось его испытание — за несколько недель до того, как он встретил своего бенефактора. В то время дону Хуану едва исполнилось двадцать. Он устроился чернорабочим на сахарную фабрику. Получение работы, на которой требовались сильные мускулы, не было для него проблемой, поскольку он всегда отличался завидной физической силой. Однажды, когда он был занят перетаскиванием тяжелых мешков с сахаром, он заметил очень хорошо одетую женщину. На вид ей было лет за сорок. Дон Хуану она показалась очень властной. Проходя мимо, она взглянула на дону Хуана, потом что-то сказала управляющему и ушла. После этого тот подошел к дону Хуану и сказал, что за плату может помочь ему получить работу в доме владельца фабрики. Дон Хуан ответил, что у него нет денег. Управляющий с улыбкой сказал ему, что насчет этого беспокоиться не следует: скоро день зарплаты, и тогда у дон Хуана будет

достаточная сумма, чтобы расплатиться. Потом управляющий похлопал его по спине, сказав, что получить работу в доме хозяина – большая честь.

В то время дон Хуан был обычным невежественным индейским парнем. Кроме заработка, достаточного для того, чтобы прокормиться, его, в общем-то, ничто не интересовало. Поэтому он не только поверил каждому слову, но и решил, что добрая фея коснулась его. Он пообещал управляющему, что заплатит столько, сколько тот пожелает. Управляющий назвал сумму – очень большую – и сказал, что дон Хуан может выплачивать ее по частям.

Как только договоренность была достигнута, управляющий сразу же сам отвел дону Хуана в дом, находившийся на изрядном удалении от города. Там управляющий передал его другому управляющему – огромному, мрачному типу отвратительной наружности. Тот принялся задавать множество вопросов. Особенно его интересовало, есть ли у дона Хуана семья. Когда же дон Хуан ответил, что у него нет никого, управляющий от удовлетворения даже расплылся в улыбке, обнажив гнилые зубы.

Он заверил дону Хуана, что зарплата будет высокой, и тот даже сможет накопить немного денег, поскольку тратить их будет некуда – ведь и жить, и питаться предстоит прямо в доме.

Смех, который за этим последовал, поверг дону Хуана в ужас. Он понял, что нужно немедленно бежать. Он рванулся было к воротам, но его новый управляющий с револьвером в руке преградил ему путь.

– Тебя взяли сюда, чтобы ты работал до изнеможения, – сказал он. – Заруби это себе на носу.

И он развернул дону Хуана на сто восемьдесят градусов,огрев его при этом дубинкой. Затем отвел к дому и велел выкорчевать два огромных пня, предварительно заметив, что его люди работают здесь без выходных от зари и до заката, без перерывов. Еще он сказал, что пристрелит дону Хуана, если тот попытается бежать или пожалуется властям. Если же ему все-таки удастся ускользнуть и

подать жалобу, то управляющий под присягой заявит, что дон Хуан пытался убить хозяина фабрики.

– Ты будешь вкалывать, пока не подохнешь, – сообщил он дону Хуану, – а после этого твое место займет другой индеец. Ведь сейчас ты здесь тоже вместо индейца, который умер.

По словам дона Хуана, дом напоминал крепость. Повсюду были вооруженные мужчины с мачете. Поэтому дон Хуан принялся за работу, стараясь не думать о том, что его ожидает. Вечером вернулся управляющий и пинками погнал дона Хуана на кухню: ему не понравился вызов в глазах дона Хуана. Он пригрозил перерезать ему жилы на руках в случае неповиновения.

На кухне какая-то старуха принесла еду. Но дон Хуан был так расстроен и напуган, что не мог есть. Старуха посоветовала ему есть как можно больше. Она сказала, что нужно быть сильным, так как работе не будет конца. И еще она сообщила дону Хуану, что человек, место которого он занял, умер всего за день до этого. Он слишком ослаб, чтобы работать, и упал со второго этажа.

Потом дон Хуан рассказал мне, что в хозяйском доме он проработал три недели. Тот тип изо дня в день постоянно бил его, заставляя выполнять самую опасную и тяжелую работу, которую только можно представить. И все время угрожал ножом, револьвером и дубинкой. Ежедневно он заставлял дона Хуана чистить стойла в конюшне, когда в них стояли нервные жеребцы. И каждый день на рассвете дон Хуан думал, что настал последний день его жизни на земле. И то, что ему удавалось выжить, означало лишь новый круг ада на следующий день.

Развязка наступила неожиданно, когда дон Хуан попросил на день его отпустить. Он сказал, что ему нужно сходить в город, чтобы отдать долг управляющему с сахарной фабрики. Однако местный управляющий заявил, что ничего не получится, ведь дон Хуан не может оторваться от работы ни на минуту, поскольку он в долгах по самые уши за возможность работать в доме.

И тут дон Хуан понял, что пропал. До него дошло, в чем тут дело. Оба управляющих были в сговоре. Они брали простых

индейцев с фабрики, заставляли их работать до смерти, а зарплату их делили между собой. Догадка эта настолько разозлила дон Хуана, что он с воплем ринулся в кухню и через нее выбежал из комнаты. Для управляющего и остальных работников это было полнейшей неожиданностью. Выбежав через парадную дверь, дон Хуан совсем было поверил, что ему удастся убежать, однако управляющий догнал его и выстрелил ему в грудь. Решив, что дон Хуан убит, он ушел.

Однако дону Хуану не суждено было умереть в тот день. Его бенефактор подобрал его и выходил.

– Когда я рассказал бенефактору всю эту историю, – продолжал дон Хуан, – тот не мог скрыть своего возбуждения. Он сказал: «Да ведь этот управляющий – настоящий подарок. Он слишком хорош, его нельзя упускать. Однажды тебе предстоит вернуться в тот дом».

– Он что-то нес о том, насколько мне повезло, – говорил дон Хуан, – ведь это уникальный шанс – один из миллиона – мелкий тиран, обладающий неограниченной властью. Я же думал, что старик спятил. Прошли годы, прежде чем я смог наконец в полной мере понять, о чем он тогда говорил.

– Это одна из самых жутких историй из всего, что мне доводилось слышать, – прокомментировал я его рассказ. – И что, ты действительно вернулся в тот дом?

– Ну, конечно же. Через три года. Мой бенефактор был прав. Подобный мелкий тиран действительно может попасться в одном случае из миллиона. И его нельзя было упускать.

– Но как тебе удалось туда возвратиться?

– Мой бенефактор разработал стратегический план, в основу которого легли четыре атрибута образа жизни воина: контроль, дисциплина, выдержка и чувство времени.

И дон Хуан продолжил свой рассказ. Бенефактор объяснил ему, каким образом следует действовать, чтобы извлечь пользу из общения с людоедом типа того управляющего. Видящие считают, что

на пути знания имеются четыре основных шага. Первый – решение начать учиться. Второй шаг ученик делает тогда, когда ему удалось изменить свое отношение к себе самому и к миру. Ученик становится воином – это и есть второй шаг. Воин уже обладает железной дисциплиной и способностью к полнейшему самоконтролю. Третий шаг может быть сделан только после обретения выдержки и чувства времени. Заключается же этот третий шаг в том, что воин становится человеком знания. И когда человек знания обучается видению, он становится видящим, сделав тем самым четвертый шаг.

Бенефактор сказал, что к тому моменту дон Хуан находился на пути знания уже достаточно долго, чтобы обрести первые два атрибута – контроль и дисциплину – в минимально необходимом объеме. Дон Хуан подчеркнул, что и тот, и другой из этих двух атрибутов относятся к внутреннему состоянию. Воин ориентирован на себя, однако, не эгоистически, а в смысле полного и непрекращающегося изучения себя.

– Но я в то время совсем не владел двумя другими атрибутами, – продолжал дон Хуан. – Выдержка и чувство времени имеют отношение не только к внутреннему состоянию. Они относятся к сфере человека знания. Посредством своей стратегии мой бенефактор показал их мне.

– Означает ли это, что самостоятельно ты не смог бы справиться с мелким тираном? – спросил я.

– Я уверен, что смог бы сделать это и сам, но до сих пор сомневаюсь в том, что мне удалось бы решить задачу с таким чутьём и получить при этом столько удовольствия. Мой же бенефактор, направляя поединок, попросту им наслаждался. Идея использования мелкого тирана состоит не только в том, что это необходимо для совершенствования духа воина, но также и в том, чтобы извлечь из этого максимум радости и удовольствия.

– Но как же можно наслаждаться монстром, подобным тому типу, которого ты описал?

– Во времена Конкисты видящим доводилось иметь дело с настоящими чудовищами. Этот им и в подметки не годился. И, судя

по всему, видящие тех времен были вне себя от восторга. Они доказали: можно наслаждаться столкновением даже с наигнуснейшим и жесточайшим из тиранов. При условии, разумеется, что сам ты – воин.

Дон Хуан объяснил, в чем заключается основная ошибка обычного человека. Сталкиваясь с мелким тираном, обычный человек не имеет стратегии, на которую мог бы опереться. И самое слабое место обычного человека – слишком серьезное отношение к себе. Все свои действия и чувства, равно как действия и чувства мелкого тирана, обычный человек рассматривает как нечто предельно важное, как нечто, имеющее решающее значение. Воин же не только обладает хорошо продуманной стратегией, но и свободен от самозначительности. Его самозначительность обуздана пониманием того факта, что реальность – это делаемая нами интерпретация. Знание это стало решающим преимуществом, которым обладали новые видящие по отношению к простым и грубоватым испанцам. Дон Хуан сказал, что был убежден – ему удастся справиться с управляющим уже хотя бы благодаря осознанию того факта, что мелкие тираны относятся к самим себе со смертельной серьезностью, воины же – нет. Сообразно стратегическому плану бенефактора, дон Хуан снова устроился на ту же самую сахарную фабрику. Никто не помнил о том, что он там уже когда-то работал: рабочие-пеоны приходили на фабрику и уходили с нее, не оставив следа.

Стратегия бенефактора предусматривала, что дон Хуан должен сделать все возможное, чтобы его заметили, когда придут за очередной жертвой. Получилось так, что пришла та же самая женщина и точно так же выбрала его, как и три года назад. На этот раз физически он был даже сильнее, чем прежде.

Все повторилось, однако теперь, в соответствии со стратегическим планом, дон Хуан должен был с самого начала отказаться платить управляющему. Тот никогда раньше отказа не встречал и потому был ошарашен. Он пригрозил, что уволит дону Хуана. Дон Хуан пригрозил в ответ, что немедленно отправится в дом и все расскажет той женщине. Дон Хуан знал, что женщина была женой хозяина фабрики и не знала о темных делах своих двух

управляющих. Он сказал управляющему, что знает, где она живет, потому что работал в близлежащих полях на рубке сахарного тростника. Управляющий принялся торговаться, и дон Хуан потребовал, чтобы тот заплатил ему за согласие идти работать в дом. Управляющий сдался и дал ему несколько банкнот. Дон Хуан вполне отдавал себе отчет в том, что уступчивость управляющего – всего лишь уловка, цель которой – заманить его в дом.

– И опять он самолично отвел меня в дом, – рассказывал далее дон Хуан. – Это была старая гасиенда, принадлежавшая владельцам сахарной фабрики, людям богатым, которые то ли знали о том, что творится в доме, но не придавали этому значения, то ли им было настолько все равно, что они даже ничего не замечали.

Едва мы пришли, я тотчас же побежал в дом, отыскал хозяйку и, бухнувшись перед нею на колени, принялся целовать ей руки и рассыпаться в благодарностях. Оба управляющих были вне себя от злости.

Управляющий в доме действовал по той же схеме, что и прежде. Но я на этот раз был во всеоружии; я владел контролем, дисциплиной, выдержкой и чувством времени. Поэтому все получалось так, как планировал мой бенефактор. Благодаря контролю я мог выполнять самые идиотские требования этого типа. Ведь обычно в подобной ситуации мы тратим львиную долю своей энергии на переживания, обусловленные нашей самозначительностью. Любой человек, у которого есть хоть на йоту гордости, лопнуть готов, когда его заставляют чувствовать себя полнейшим ничтожеством.

Я с радостью выполнял все, что он требовал. Я был весел и силен. И мне было наплевать на гордость и страх. Я был там, как безупречный воин. Умение настраивать⁶ свой дух в то время, когда тебя попирают и топчут – вот что называется контролем.

Затем дон Хуан объяснил, что, согласно стратегическому плану бенефактора, он не стал испытывать чувство жалости к себе, как

⁶ Именно *настраивать* – to tune

делал раньше. Вместо этого он немедленно приступил к работе по выяснению сильных и слабых черт управляющего, а также особенностей его поведения.

Он обнаружил, что самыми сильными сторонами этого человека были его склонность к насилию и смелость. Он выстрелил в дон Хуана среди бела дня на глазах у множества свидетелей. Огромной же слабостью управляющего было то, что ему нравилась его работа, и он ни в коем случае не пошел бы ни на что, грозившее ему увольнением. Поэтому ни при каких обстоятельствах он не стал бы убивать дон Хуана в пределах усадьбы днем. Еще одной слабостью этого человека была семья. У него были жена и дети. Они жили в лачуге недалеко от усадьбы.

– Способность собирать подобного рода информацию в то время как тебя постоянно колотят – вот что такое дисциплина, – объяснил дон Хуан. – Этот человек был законченным негодяем, без малейшего намека на милосердие. Новые видящие считают, что совершенный мелкий тиран не должен иметь ни одной черты характера, которая смягчала бы его тиранические свойства.

Потом дон Хуан рассказал мне, что два оставшихся атрибута образа жизни воина – выдержка и чувство времени (ими он тогда еще не обладал) – были задействованы бенефактором автоматически благодаря избранной им стратегической линии. Выдержка – это умение терпеливо ждать. Без порывов, без нетерпения – просто спокойно и радостно ждать того, что должно произойти.

– Ежедневно я унижался, – рассказывал дон Хуан, – временами мне приходилось даже плакать под кнутом управляющего. Но все же я был счастлив. Стратегия моего бенефактора была той силой, которая позволяла мне проживать день за днем не впадая в ненависть к этому типу. Я был воином. Я знал, что жду, и знал, чего я жду. В этом – огромная радость пути воина.

Дон Хуан добавил, что, в соответствии со стратегическим планом бенефактора, он должен был систематически изводить управляющего, пользуясь как прикрытием кем-либо более

могущественным, чем тот. Так видящие времен Конкисты использовали в качестве прикрытия католическую церковь. Обычный священник в те времена иногда оказывался могущественнее дворянина.

Дону Хуану прикрытием служила дама, взявшая его на работу. Каждый раз, когда он ее видел, он падал перед нею на колени и начинал твердить, что она – святая. Он попросил у нее ладанку с изображением ее святого покровителя, чтобы молить небо о ее здоровье и благополучии.

– И она дала ее мне, – продолжал дон Хуан, – что окончательно выбило управляющего из состояния равновесия. А когда по вечерам я убедил слуг молиться со мною, его едва не хватил удар. Я думаю, именно в тот момент он принял решение прикончить меня. Позволить мне продолжать в том же духе он не мог.

В качестве контрмеры я организовал всех слуг в доме на поочередное всенощное бдение. Хозяйка решила, что во мне есть задатки исключительно набожного человека.

Сам же я с этого дня перестал спать крепко и больше не ложился в свою кровать. Каждую ночь я забирался на крышу. Оттуда мне было видно, как дважды управляющий повсюду искал меня среди ночи. И глаза его при этом были глазами убийцы.

Каждый день он заставлял меня чистить стойла жеребцов в надежде, что, в конце концов, один из них зашибет меня насмерть.

Но я соорудил щит из толстых досок, за которым прятался во время работы, отгораживая один из углов стойла. Тот тип об этом не знал, потому что не выносил лошадей, что было, кстати, еще одной его слабостью. Как оказалось впоследствии, именно это слабое место стало для него смертельным.

Дон Хуан объяснил, что чувство времени – это качество, которое управляет высвобождением всего, что, сдерживалось. Контроль, дисциплина и выдержка подобны плотине, за которой все накапливается. Чувство времени – шлюз в этой плотине.

Управляющий знал лишь насилие, посредством которого он и терроризировал всех. Когда же он не мог его применить, он становился почти беспомощным. Дон Хуан знал, что управляющий не отважится убить его прямо перед домом, поэтому однажды он публично оскорбил управляющего в присутствии множества людей и на глазах у хозяйки. Дон Хуан назвал его трусом, который до смерти боится жены хозяина.

Это было частью стратегического плана, разработанного бенефактором: выждать и, воспользовавшись подходящим моментом, поменяться с мелким тираном ролями. Неожданное всегда происходит именно так. Нижайший и покорнейший из рабов внезапно поднимает тирана на смех, издевается над ним, выставляет его идиотом в глазах тех, чье мнение для тирана имеет большое значение. И затем ускользает, не давая тирану возможности отомстить.

– В следующее мгновение тот тип буквально сошел с ума от бешенства, – продолжал дон Хуан, – однако я уже покорно ползал на коленях перед хозяйкой.

Далее дон Хуан рассказал, что, когда хозяйка ушла в дом, управляющий с приятелями позвали его на задний двор, якобы для того, чтобы дать какую-то работу. Управляющий был очень бледен, он буквально побелел от злости. По его тону, дон Хуан сразу же догадался, что тот собирается делать на самом деле. Дон Хуан сделал вид, что идет, но вместо того, чтобы отправиться на задний двор, неожиданно побежал к конюшне. Дон Хуан рассчитывал, что лошади поднимут невероятный шум, и хозяева выйдут из дома посмотреть, в чем дело. Он знал также, что управляющий не дерзнет его застрелить. Это произвело бы слишком много шума, а страх управляющего потерять работу был сильнее всех прочих побуждений. И еще дон Хуан был уверен – этот тип не войдет к лошадям, по крайней мере, пока окончательно не потеряет голову от ярости.

– Я заскочил в стойло к самому дикому из жеребцов, – продолжал свой рассказ дон Хуан, – а мелкий тиран, совершенно ослепленный бешенством, выхватил нож и прыгнул вслед за мной.

Я мгновенно спрятался за своими досками. Жеребцу достаточно было лишь раз его лягнуть, чтобы навсегда положить конец этой истории.

– Шесть месяцев я провел в том доме, и в течение всего этого времени я непрерывно отрабатывал четыре атрибута образа жизни воина. И благодаря им добился успеха. Я ни разу не пожалел себя и ни разу не раскис от бессилия. Я был радостен и безмятежен. Мой контроль и дисциплина были совершенны как никогда прежде, и я на непосредственном опыте постиг, что выдержка и чувство времени делают для безупречных воинов. И я ни разу не пожелал смерти этого человека.

– Бенефактор объяснил мне кое-что весьма интересное. Выдержка означает сдерживание с помощью духа того, в неизбежном приходе чего воин полностью отдает себе отчет. Но это не значит, что воин ходит вокруг да около, строя козни с целью кому-то навредить или свести с кем-нибудь счеты. Выдержка есть нечто независимое. В случае, когда воин обладает в полной мере контролем, дисциплиной и чувством времени, выдержка гарантирует – то, что должно случиться, неизбежно найдет того, кто этого заслуживает.

– А случается ли так, что в схватке побеждает мелкий тиран? – спросил я.

– Разумеется. Было время – в начале испанского завоевания – когда воинов выбивали как мух. Ряды их тогда сильно сократились. Ведь мелкие тираны в те времена могли убить кого угодно просто от нечего делать, по прихоти. Под действием такого прессинга видящие достигали грандиозных состояний. Дон Хуан сказал, что это было время, когда выжившие видящие прилагали предельные усилия для нахождения новых путей.

– Новые видящие использовали мелких тиранов, – продолжал дон Хуан, пристально глядя на меня, – не только для того, чтобы избавиться от самозначительности, но также и для того, чтобы осуществить сложный маневр по устранению себя из этого мира.

В чем он заключается, ты постепенно поймешь по мере того, как мы будем обсуждать владение осознанием.

Я объяснил дону Хуану, что меня интересовало, могут ли в наше время мелкие тираны из разряда тех, кого он называл «мелюзговыми», одержать победу над воином.

– Сколько угодно, – ответил он. – Последствия, конечно, сегодня не столь серьезны, как в те далекие времена. Очевидно, что в наше время у воина всегда имеется шанс восстановить силы и начать сначала. Но есть и другая сторона этой проблемы. Поражение, нанесенное мелюзговым мелким тираном, не смертельно, но опустошительно. И в переносном смысле уровень смертности воинов почти такой же, как и прежде. Я имею в виду, что воинов, поддавшихся мелюзговым мелким тиранам, уничтожает их собственное чувство неудачи и ощущение собственной никчемности. А я рассматриваю это как высокий уровень смертности.

– Но как оценить – кто потерпел поражение, а кто – нет?

– Побежден любой, кто пополняет ряды мелких тиранов. Действовать во гневе, без контроля и дисциплины, не имея выдержки – вот что значит потерпеть поражение.

– Что происходит после того, как воин потерпел поражение?

– Он либо пересматривает свои позиции и производит перегруппировку сил, либо оставляет поиски знания и, пополнив собой ряды мелких тиранов, остается там на всю жизнь.

Глава 3. Эманизии Орла

На следующий день мы с доном Хуаном отправились пройти по дороге, ведущей в Оахаку. Было два часа дня, и дорога была пустынна.

Мы неторопливо прогуливались, когда дон Хуан неожиданно заговорил. Он сказал, что разговор о мелких тиранах был не более чем введением к теме осознания. Я заметил, что этот разговор, тем не менее, заставил меня совершенно по-новому взглянуть на вещи. Дон Хуан попросил объяснить подробнее, что я имею в виду.

Я ответил, что это связано с нашим давним спором по поводу индейцев яки. Тогда, несколько лет назад, в ходе объяснения, учения, для правой стороны, он пытался рассказать мне о тех преимуществах, которые яки могли найти в положении угнетенных. Я страстно спорил в тот раз, утверждая, что, живя в столь ужасающих условиях, они не могли иметь никаких преимуществ. Я говорил ему, что мне непонятно, как его – индейца яки – совсем не трогает столь вопиющая несправедливость.

Он внимательно слушал. Потом, когда я был уверен, что он собирается отстаивать свою точку зрения, он вдруг согласился. Он сказал, что условия, в которых живут индейцы яки, действительно катастрофичны. Но тут же добавил, что бесполезно особо выделять условия жизни индейцев яки, поскольку человек вообще живет в ужасающих условиях.

– Так что не стоит жалеть бедненьких индейцев яки, – сказал он. – Пожалей тогда уж все человечество. А что касается индейцев яки, то им в известном смысле даже повезло. Их угнетают, и благодаря этому некоторые из них имеют возможность, в конце концов, оказаться победителями. А угнетатели – мелкие тираны, пожирающие их свободу – те не имеют, к дьяволу, ни единого шанса. Я немедленно разразился потоком политических лозунгов. Я вообще не понял его точку зрения. Он еще раз попытался объяснить мне

понятие мелкого тирана, но тогда эта идея прошла мимо моего понимания. И только теперь все стало на свои места.

– Ничто еще не стало на свои места, – сказал дон Хуан, смеясь над тем, что я ему рассказал. – Ибо завтра, вернувшись в нормальное состояние осознания, ты даже не вспомнишь о том, что сейчас осознал.

Я был глубоко подавлен. Я знал, что он прав.

– С тобой произойдет то, что в свое время произошло со мной, – продолжал дон Хуан. – Мой бенефактор – нагуаль Хулиан – заставил меня осознать то, что ты осознал относительно мелких тиранов, когда я находился в состоянии повышенного осознания. И в итоге, в повседневной жизни я изменил свое мнение, не понимая, почему.

Меня всю жизнь кто-нибудь угнетал, поэтому я был воистину зол на своих угнетателей. Можешь себе представить мое удивление, когда я вдруг обнаружил, что ищу компании мелких тиранов. Я думал, что потерял рассудок.

Мы подошли к месту, где сбоку от дороги были большие валуны, наполовину засыпанные давним оползнем. Дон Хуан направился к ним и опустился на плоский камень. Мне он сделал знак сесть напротив. Затем без дальнейших предисловий он приступил к объяснению владения осознанием.

Он объяснил, что существует ряд истин об осознании, открытых видящими – как древними, так и новыми. Для облегчения усвоения эти истины были сформулированы в определенной последовательности. Владение осознанием состоит в усвоении полной последовательности этих истин. Первая истина, сказал он, заключается в том, что наше близкое знакомство с миром, который мы воспринимаем, заставляет нас верить, что мы окружены объектами, которые, как и мы, существуют сами по себе, как мы это и воспринимаем. Тогда как фактически нет мира объектов, но есть Вселенная эманаций Орла.

Однако прежде чем рассказать мне об эманациях Орла, дон Хуан счел необходимым остановиться на понятиях известного, неизвестного и непознаваемого. Он сказал, что основная часть истин об осознании была открыта видящими древности. Однако последовательность, в которой они располагаются, разработали новые видящие. Ибо вне данной последовательности эти истины почти непостижимы.

Дон Хуан сказал, что древние видящие не пытались найти тот порядок, в котором должны располагаться истины об осознании. Это стало одной из их величайших ошибок, имевшей роковые последствия. Заключались эти последствия в том, что древние видящие решили: неизвестное и непознаваемое суть одно и то же. Новым видящим суждено было исправить эту ошибку. Они установили границы и определили неизвестное, как нечто скрытое от человека, окутанное, возможно, ужасающим контекстом, но которое, тем не менее, в пределах человеческого достижения. В некоторый момент времени неизвестное становится известным. Непознаваемое же суть нечто неопишуемое и не поддающееся ни описанию, ни осмыслению, ни осознанию. Непознаваемое никогда не перейдет в разряд известного, но, тем не менее, оно всегда там, ослепляя и в то же время ужасая нас своей безграничностью.

– Но как новые видящие отличают одно от другого? – поинтересовался я.

– Есть простое правило большого пальца, – сказал дон Хуан. – Перед лицом неизвестного человек отважен. Неизвестное обладает свойством давать нам надежду и ощущение счастья. Человек чувствует себя сильным, дерзким, бодрым. И даже беспокойство, при этом возникающее, действует благотворно. Новые видящие увидели: неизвестное раскрывает все лучшие в человеке.

Но когда за неизвестное принимается непознаваемое, результаты бывают катастрофическими. Видящий чувствует, что истощен и вконец запутан. Им овладевает глубочайшая подавленность. Тело теряет тонус, ясность и уравновешенность улетучиваются. Ведь непознаваемое не дает энергии. Оно находится вне пределов досягаемости человеческого существа, в области,

вторгаться в которую не следует ни бездумно, ни даже с величайшей осмотрительностью. Новые видящие поняли, что даже за малейший контакт с непознаваемым приходится платить поистине непомерную цену.

Дон Хуан объяснил, что новым видящим пришлось преодолевать тяжелейшие барьеры традиции. В начале нового цикла никто из них не знал, какие из превеликого множества традиционных магических практик были правильными, а какие – нет. Было вполне очевидно, что с древними видящими произошло что-то не так, но что именно – этого новые видящие не знали. Поэтому за отправную точку они взяли следующую установку: ошибочным было все, что делали их предшественники. Древние видящие были мастерами по части догадок. Прежде всего, они вообразили, что их мастерство в видении дает им гарантию безопасности. Они решили, что они неприкосновенны. И они думали так до тех пор, пока завоеватели не сокрушили их, предав большинство из них жуткой мучительной смерти. У древних видящих не было никакой защиты, несмотря на их полную убежденность в своей неуязвимости.

Новые видящие не стали тратить время попусту на попытки разобраться, в чем ошибка. Вместо этого они начали составлять план неизвестного для того, чтобы отделить его от непознаваемого.

– Как они составляли план неизвестного, дон Хуан?

– Посредством контролируемого использования видения, – ответил он.

Я спрашиваю о том, в чем заключается составление плана неизвестного.

– Составление плана неизвестного заключается в том, чтобы сделать его доступным нашему восприятию. Постоянная практика видения позволила новым видящим обнаружить, что неизвестное и известное в принципе составляют одно целое, поскольку и то и другое лежит в пределах досягаемости для человеческого восприятия. В некоторый момент видящий может покинуть сферу известного и войти в неизвестное.

То же, что находится за пределами возможностей нашего восприятия, суть непознаваемое. И способность отличать его от неизвестного имеет критическое значение. Если видящий путает их, то, столкнувшись с непознаваемым, он оказывается в крайне рискованном положении.

Древние видящие – когда это с ними произошло, – решили, что что-то не так в их практике. На самом же деле они просто столкнулись с вещами, лежащими вне пределов человеческого постижения. Однако это им и в голову не приходило, что с их стороны оказалось чудовищной ошибкой, за которую они дорого заплатили.

– А после того, как различие между неизвестным и непознаваемым было осознано, – что произошло тогда? – поинтересовался я.

– Начался новый цикл, – ответил дон Хуан. – Это различие и есть то, что разделяет древний и новый циклы. Ведь именно его понимание и лежит в основе всех достижений новых видящих.

Далее дон Хуан рассказал о том, что видение явилось критическим элементом как в разрушении мира древних видящих, так и в формировании нового подхода. Именно посредством видения новые видящие открыли некоторые неопровержимые факты, из которых последовал целый ряд выводов, совершивших революцию во взглядах видящих на природу человека и мира. Благодаря этим выводам появилась возможность для начала нового цикла, и были эти выводы именно теми истинами об осознании, которые излагал мне дон Хуан.

Он предложил прогуляться к центру города и побродить по площади. По пути речь зашла о технике и приборах для точных измерений. Дон Хуан заметил, что приборы являются всего лишь продолжениями наших органов чувств. Я же придерживался мнения, согласно которому некоторые приборы нельзя отнести к данной категории, поскольку они выполняют функции, на которые мы не способны по чисто физиологическим причинам.

– Наши органы чувств способны на все, – заверил меня дон Хуан.

– Я могу тебе возразить, что есть приборы, способные принимать радиосигналы, приходящие из открытого космоса, – сказал я. – А наши органы чувств этого делать не могут.

– Я на этот счет иного мнения, – не согласился дон Хуан. – Я полагаю, что наши органы чувств способны воспринимать все, что нас окружает.

– Ладно, тогда как насчет ультразвука? – не унимался я. – У нас нет соответствующих органов для его восприятия.

– Видящие убеждены, что мы имеем понятие лишь о небольшой части самих себя, – ответил он.

На некоторое время дон Хуан погрузился в размышление, словно пытаясь решить, что сказать дальше. Потом он с улыбкой заговорил:

– Как я уже сказал, первая из истин об осознании состоит в следующем: окружающий мир в действительности совсем иной, нежели мы его себе представляем. Мы полагаем, что имеем дело с миром объектов, однако он таковым не является.

Дон Хуан замолчал, как бы оценивая впечатление, которое произвели на меня его слова. Я сказал, что согласен с ним, поскольку любой объект можно рассматривать как поле энергии. Дон Хуан заметил, что с моей стороны это лишь чисто интуитивное приближение к истине. Однако сформулировать нечто на основании голых рассуждений – вовсе не значит удостоверить в этом на практике. Его абсолютно не интересует мое согласие или несогласие. Ему нужно, чтобы я попытался постичь внутреннюю сущность этой истины.

– Ты не способен воспринять поля энергии, – пояснил он. – Как и любой обычный человек. Если бы ты мог их видеть, ты был бы видящим, и в этом случае ты сам мог бы объяснить истины об осознании. Понимаешь, что я имею в виду?

Затем он сказал, что умозаключения, полученные на чисто интеллектуальной основе, мало что способны изменить в нашей жизни. Отсюда – масса примеров, когда люди, имея по какому-либо поводу совершенно четкие убеждения, снова и снова действуют диаметрально противоположным образом, в качестве оправдания ссылаясь единственно на то, что человеку свойственно ошибаться.

– Итак, первая истина: мир таков, каким он выглядит, но в тоже время он таковым не является, – продолжал дон Хуан. – Он не настолько плотен и реален, как мы привыкли считать, основываясь на своем восприятии, но в то же время он не является и миражом. Мир не иллюзорен, как иногда утверждают, он вполне реален. Но в то же время он и нереален. Обрати на это особое внимание. Тут недостаточно просто принять к сведению, тут необходимо понимание. Мы воспринимаем. Это – точно установленный факт. Но то, что, мы воспринимаем, не относится к числу фактов, столь же однозначно установленных, так как мы обучаемся тому, что воспринимать⁷.

Имеется нечто, воздействующее на наши органы чувств. Это та часть, которая реальна. Нереальная же часть суть то, что нам говорят об этом нечто наши органы чувств. Рассмотрим, к примеру, гору. Наши органы чувств говорят нам, что она – объект. Она имеет размер, цвет, форму. Мы даже подразделяем горы на вполне определенные категории. И здесь все верно, за исключением одной детали, что роль наших органов чувств весьма поверхностна. Способ, которым они воспринимают, обусловлен особым свойством нашего осознания. Именно это свойство заставляет их воспринимать так, а не иначе.

Я начал было снова соглашаться с ним, но вовсе не потому, что мне этого хотелось, поскольку я не совсем ясно понимал, что он имеет в виду. Это скорее была реакция на ситуацию. Я ощущал некую угрозу. Дон Хуан заставил меня замолчать.

– Для того чтобы обозначить все то, что нас окружает, я использую термин «мир». У меня, разумеется, есть более удачный

⁷ То есть то, что мы воспринимаем, фактически не является таким, каким мы воспринимаем это (или можно сказать «не только таким»).

термин, но для тебя он будет совершенно непостижим. Видящие утверждают, что мир объектов существует лишь вследствие нашего осознания. В реальности же есть эманации Орла – текущие, вечно движущиеся и в то же время неизменные, вечные.

Я собрался было спросить, что такое эманации Орла, но дон Хуан жестом остановил меня. Он объяснил, что одним из наиболее драматических откровений, оставленных нам в наследство древними видящими, было их открытие причины бытия всех существ, обладающих способностью воспринимать. Все они существуют для того, чтобы усиливать⁸ осознание. Это открытие дон Хуан назвал колоссальным.

Полушутя он спросил, могу ли я лучше ответить на вопрос о смысле жизни, вечно не дающий человеку покоя. Я немедленно занял оборонительную позицию и принялся спорить. Я сказал, что сам по себе этот вопрос лишен смысла, поскольку логический ответ на него невозможен. И вообще, говоря об этом, мы неизбежно придем к обсуждению религиозных верований, и сам вопрос, таким образом, неизбежно сведется к вопросу о вере. Но дон Хуан сказал:

– Древние видящие не только рассуждали о вере. Конечно, они были не столь практичны, как новые видящие, но их практичности все же хватало на то, чтобы знать, что именно они видели. Я же своим вопросом, который привел тебя в такое смущение, пытался подчеркнуть лишь одно: наше рациональное мышление в одиночку не способно прийти к ответу на вопрос о смысле нашего существования. Каждая попытка неизменно сведётся к вопросу о вере. Древние видящие пошли по иному пути. И им удалось отыскать ответ, который связан не с одной только верой.

Дон Хуан сказал, что древние видящие смогли увидеть неопишемую силу, являющуюся источником бытия всех осознающих существ, хотя для этого им и приходилось подвергать себя невероятным опасностям. Эту силу древние видящие называли Орлом, поскольку те немногие взгляды мельком, которые они смогли выдержать, позволили им увидеть эту силу как нечто, напоминающее бесконечно огромного черно-белого орла. Они

⁸ To enhance – увеличивать, усиливать, повышать

увидели, что именно Орел наделяет осознанием. Он создает живые существа таким образом, чтобы они в процессе жизни могли обогащать осознание, полученное от него вместе с жизнью. И еще они увидели, что именно Орел пожирает это самое, обогащенное осознание, заставляя воспринимающих существ оставить его в момент смерти.

– И потому, когда древние видящие утверждали, что смысл жизни состоит в усилении осознания, – продолжал дон Хуан, – речь шла не о вере и не о логическом умозаключении. Они это увидели.

Они увидели, как осознание живых существ отлетает в момент смерти и, подобно светящимся клубкам ваты, поднимается прямо к клюву Орла и им поглощается. И потому для древних видящих был очевиден факт: смысл жизни всех существ состоит только в обогащении осознания, которым питается Орел.

Дону Хуану потребовалось ненадолго отправиться куда-то по делам, поэтому он на время прервал свои объяснения. Нестор отвез его в Оахаку. Провожая их, я вспомнил, что в начале нашего с доном Хуаном знакомства я воспринимал его заявления насчет поездок по делам как своего рода эвфемизмы. Я думал, что стоит за этим нечто совсем другое. Но постепенно до меня дошло – его слова на самом деле соответствуют реальному положению вещей. У него действительно были какие-то дела в разных местах. Каждый, раз перед такой поездкой дон Хуан надевал костюм-тройку – а их у него было довольно много – и становился похожим на кого угодно, но только не на знакомого мне старика-индейца. Как-то раз я даже высказался насчет совершенства этих его перевоплощений.

– Нагуаль – есть некто достаточно гибкий для того, чтобы быть кем угодно, – объяснил мне тогда дон Хуан.

– Быть нагуалем, кроме всего прочего, значит не иметь мест, которые необходимо защищать⁹. Запомни это хорошенько – нам еще не раз придется к этому вернуться. И мы возвращались к этому моменту снова и снова. И действительно создавалось впечатление, что у дон Хуана нет мест, нуждающихся в защите. Но

⁹ Have no points to defend

в этот раз, пока он был в Оахаке, у меня все же возникла тень сомнения. Неожиданно меня осенило: у нагуаля есть нечто, подлежащее защите. Это нечто – описание Орла. Мне казалось, что оно действительно требует защиты, причем защиты весьма пристрастной.

Я пытался заговаривать об этом с видящими из отряда дон Хуана, но они уклонялись от ответа, заявляя, что я нахожусь под карантинном, поэтому подобного рода беседы со мной запрещены до тех пор, пока дон Хуан не закончит свое объяснение.

Поэтому едва дон Хуан вернулся, и мы с ним присели, чтобы поговорить, я спросил его об этом.

– Истины, о которых я тебе рассказываю, вовсе не являются чем-то, что необходимо защищать, тем более защищать с пристрастием, – ответил он. – И если ты полагаешь, что я пытаюсь их отстаивать, ты заблуждаешься. Эти истины были сформулированы и сведены воедино для того, чтобы облегчить воину путь к просветлению, а вовсе не затем, чтобы служить некими сентиментальными откровениями личной веры. И когда я говорил о том, что нагуалю нечего защищать, я, кроме всего прочего, имел в виду также и то, что нагуаль лишен каких бы то ни было пристрастий и привязанностей¹⁰.

Я сказал дону Хуану, что не следую его учению, поскольку буквально одержим описанием Орла и его действий. Я снова и снова говорил о том, насколько устрашающее впечатление производит на меня эта идея.

– Это не идея, – поправил меня дон Хуан. – Это – факт. И факт, если хочешь знать, дьявольски жуткий. Видишь ли, новые видящие не занимались игрой в идеи.

– Но какого рода силой является Орел? – спросил я. – Пожалуй, я не знаю, как ответить на этот вопрос. Для видящих Орел настолько же реален, насколько реальны для тебя гравитация и время. И настолько же абстрактен и непостижим.

¹⁰ Obsession – одержимость (желанием и т.п.), навязчивая идея

– Минуточку, дон Хуан! Гравитация и время – понятия действительно абстрактные, но ведь они соответствуют реальным явлениям, которые могут быть подтверждены. Есть целые области науки, им посвященные.

– Орел и его эманации точно так же подтверждаемы, – возразил дон Хуан. – И область, к которой относится знание новых видящих, как раз этому и посвящена.

Я попросил объяснить, что такое эманации Орла. Дон Хуан сказал, что эманации Орла – это неизменная вещь-в-себе, которая поглощает все сущее, как познаваемое, так и непознаваемое.

– Нет никакой возможности описать словами, что в действительности представляют собой эманации Орла, – пояснил он. – Видящий должен увидеть их сам.

– А ты их видел, дон Хуан?

– Разумеется. Но, тем не менее, я не сумею рассказать тебе, что это такое. Просто присутствие чего-то, как бы какая-то масса, давление, которое создаёт ослепляющее чувство.

Можно лишь мельком взглянуть на них, впрочем, как и на самого Орла.

– То есть ты мог бы сказать, что Орел является источником эманаций? Так, дон Хуан?

– Орел, вне всякого сомнения, является источником своих эманаций. Это очевидно, и говорить тут не о чем.

– Нет, я имею в виду в смысле визуального восприятия.

– Орел не имеет никакого отношения к визуальному восприятию. Всё тело видящего чувствует Орла.

В каждом из нас присутствует нечто, способное заставить нас воспринимать¹¹ всем телом. Видящие объясняют процесс видения

¹¹ To witness – видеть, быть свидетелем

Орла очень просто: так как человек составлен эманациями Орла, то ему нужно лишь возвратиться назад к своим собственным составляющим. Проблема возникает с человеческим осознанием, которое приходит в замешательство и запутывается. В решающий момент, когда должно иметь место просто признание эманациями самих себя, человеческое осознание вынуждено интерпретировать. В результате возникает видение Орла и его эманаций. Но в действительности ни Орла, ни его эманаций не существует. Уяснить же истинную сущность того, что существует на самом деле, не в состоянии ни одно живое существо.

Я поинтересовался, почему источник эманаций назвали Орлом. Потому ли, что орлы вообще обладают важными свойствами?

– Просто в данном случае нечто непознаваемое смутно напоминает образ из сферы известного. И в результате орлам стали приписывать свойства, которыми они никогда не обладали. Но подобные вещи происходят всегда, когда впечатлительные люди берутся за то, что требует абсолютной уравновешенности. Ведь среди видящих встречаются самые разные типы.

– То есть ты хочешь сказать, что существуют различные типы видящих?

– Нет. Я хочу сказать, что существует масса сентиментальных глупцов, которые становятся видящими. Ведь видящие – человеческие существа, не лишенные множества слабостей. Нет, не так. Человеческие существа, не лишенные множества слабостей, способны стать видящими. Это подобно тому, как иногда жалкие людишки становятся отличными учеными.

Такие видящие готовы забыть о том удивительном чуде, каковым является мир. И, когда жалкий человек становится видящим, сам факт его способности видеть полностью захватывает его. Он воображает себя гением, считая, что все остальное не имеет значения. Чтобы прорваться сквозь почти непреодолимую расхлябанность обычного человеческого состояния, видящий должен обладать абсолютной безупречностью. И сама по себе способность

видеть имеет значение лишь постольку поскольку. Гораздо важнее другое – что именно видящий делает с тем, что он видит.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– А ты посмотри, что с нами сотворили некоторые из видящих. Ведь мы накрепко приклеены к навязанному нам образу Орла, управляющего нами и пожирающего нас в момент нашей смерти.

Потом он сказал, что в таком варианте описания налицо очевидная ущербность и что лично он не высоко оценивает идею чего-то нас пожирающего. С его точки зрения точнее было бы говорить о некой силе, притягивающей осознание существ подобно тому, как магнит притягивает опилки. В момент смерти под притяжением этой беспредельной силы происходит дезинтеграция всего нашего существа.

И вообще нелепо представлять такое явление в виде пожирающего нас Орла, поскольку это неопишуемое действие превращается тем самым в тривиальное принятие пищи.

– Тогда я – очень-очень обычный человек, – заявил я. – Потому что описание пожирающего нас Орла произвело на меня потрясающее впечатление.

– Действительное впечатление можно будет оценить лишь тогда, когда ты сам все это увидишь, – сказал дон Хуан. – Но не следует упускать из виду: наши недостатки и недоработки никуда не исчезают. Они остаются с нами даже после того, как мы становимся видящими. И, когда ты увидишь эту силу, ты, возможно, примешь версию тех слабых видящих, которые называли ее Орлом. По крайней мере, так в свое время поступил я. Но ты можешь и не согласиться с ними, попытавшись противостоять соблазну описывать непостижимое с помощью человеческих образов. Возможно, тебе удастся подобрать другое, новое название, и оно окажется более точным.

– Видящие, способные видеть эманации Орла, часто называют их «командами», – сказал дон Хуан. – Я, в общем-то, не возражаю против такого названия, но сам привык к названию «эманации». Это

явилось следствием реакции на то предпочтение, которое мой бенефактор отдавал термину «команды». Я думаю, этот термин в большей степени соответствовал его сильному и жесткому характеру, чем моему. Мне хотелось чего-нибудь менее персонифицированного. По-моему, «команды» звучит как-то более по-человечески, хотя такой термин действительно соответствует сути явления, ибо это именно команды.

Дон Хуан сказал, что видеть эманации Орла – значит стремиться к катастрофе. Новые видящие очень скоро обнаружили, с какими огромнейшими трудностями это связано. И только после массы трагических неудач, постигших многих из них при исследовании неизвестного и попытках отделить его от непознаваемого, им удалось, наконец, понять, что все в мире образовано эманациями Орла. Лишь малая часть этих эманаций находится в пределах досягаемости человеческого осознания. Эта малая часть в дальнейшем уменьшается до мельчайшей доли под давлением наших повседневных жизней. Эта крохотная частичка эманаций Орла и есть известное. Та малая часть, которая в принципе доступна человеческому осознанию, – это неизвестное. Все же остальное – неизмеримо огромное – это непознаваемое.

В продолжение разговора дон Хуан сообщил мне, что новые видящие, имея ориентацию прагматическую, мгновенно обнаружили неодолимую силу эманаций. Все без исключения существа вынуждены задействовать эманации Орла, даже не отдавая себе отчета в том, что это такое. Организм любого существа устроен таким образом, что захватывает определенный диапазон эманаций, причем каждый вид задействует при этом эманации свойственного ему определенного диапазона. Эманации же в свою очередь оказывают на организмы огромное давление. Это давление и является тем фактором, посредством которого организмы конструируют воспринимаемый ими мир.

– В нашем варианте – я говорю о человеческих существах – мы интерпретируем задействованные эманации как реальность, – продолжал дон Хуан. – Однако человек способен чувствовать¹² настолько мизерную часть эманаций Орла, что просто нелепо и

¹² To sense – ощущать, чувствовать

смешно придавать сколько-нибудь серьезное значение нашему восприятию. И в то же время мы воспринимаем нечто, что невозможно игнорировать. Для того, чтобы все это выяснить, новым видящим пришлось пройти суровый путь, полный смертельных опасностей.

Дон Хуан сидел на своем обычном месте в большой комнате. Раньше здесь не было мебели, и все садились на циновки, расстеленные прямо на полу. Но Кэрл — женщина-нагуаль — достала очень удобные кресла для тех случаев, когда мы с ней по очереди читали дону Хуану стихи испано-язычных поэтов.

Едва я опустился в кресло, дон Хуан заговорил:

— Я хочу, чтобы ты четко отдавал себе отчет в том, чем именно мы сейчас занимаемся. Мы говорим о владении осознанием. И те истины, о которых идет речь, суть принципы этого владения.

Дон Хуан добавил, что в процессе изложения учения для правой стороны он демонстрировал эти принципы мне — находившемуся в обычном состоянии сознания — с помощью своего друга-видящего Хенаро. Причем Хенаро обходился с моим осознанием со всем юмором и непочтительностью, которые свойственны новым видящим.

— Вообще-то, именно Хенаро должен был бы рассказывать тебе об Орле, — сказал дон Хуан. — Но его версия слишком уж легкомысленна. Он считает, что видящие, назвавшие эту силу Орлом, либо были потрясающими тупицами, либо сыграли грандиозную шутку. Ведь орлы не только откладывают яйца, но так же откладывают дерьмо.

Дон Хуан расхохотался, объяснив, что комментарии Хенаро по данному вопросу представляются ему настолько удачными, что удержаться от смеха нет никакой возможности. И еще он сказал, что, если бы первичное описание Орла пришлось делать новым видящим, оно, безусловно, было бы наполовину шутливым.

Я сказал, что на каком-то уровне воспринимаю Орла как поэтический образ, и в таком качестве он меня воодушевляет,

однако на некотором уровне он приводит меня в ужас, поскольку воспринимается совершенно буквально.

– Страх – одна из величайших сил в жизни воинов; он побуждает, пришпоривает их учиться, – объяснил дон Хуан.

Затем он напомнил мне, что описание Орла – наследие видящих древности. Новые видящие не утруждали себя составлением описаний, проведением параллелей и поиском каких бы то ни было сравнений и соответствий. Они стремились добраться непосредственно до истока всего сущего и предпринимали попытку за попыткой, последовательно подвергая себя совершенно невообразимым опасностям. И они увидели эманации Орла. Но вносить какие-либо изменения в описание Орла не стали. Ибо новые видящие чувствовали, что каждая попытка увидеть Орла требует слишком большого расхода энергии. Они считали, что видящие древности уже заплатили достаточно высокую цену за те мимолетные взгляды, которые им удалось бросить на непознаваемое.

– Но каким образом древние видящие пришли к тому, что занялись составлением описания Орла? – поинтересовался я.

– Для обучения им нужен был некоторый минимальный набор основных понятий о непознаваемом, – ответил дон Хуан. – Они решили эту проблему, создав общее примерное описание силы, которая правит всем. Но они не описали эманации, поскольку последние вообще не поддаются описанию языком сравнений.

Возможно, иногда у кого-нибудь из видящих возникает потребность высказать свои комментарии по поводу отдельных эманаций, но такие случаи всегда останутся делом сугубо личным. Короче, удачного варианта описания эманаций, подобного описанию Орла, не существует.

– Похоже, новые видящие весьма склонны к абстракциям, – прокомментировал я. – Совсем как современные философы.

– Ничего подобного. Новые видящие – народ жутко практичный, – возразил дон Хуан. – Смотри: они не стали даже пытаться состряпать какую-нибудь рациональную теорию.

Абстрактными мыслителями, как объяснил далее дон Хуан, были как раз древние видящие. Они соорудили воистину исполинские нагромождения абстрактных трактовок, подходящих им и их времени. И совсем так же, как современные философы, древние видящие были совершенно не в состоянии хоть как-то управлять каскадами ситуаций, в которые попадали сами. Новые же видящие, наполненные практичностью, смогли увидеть поток эманаций и увидеть то, как человек и другие существа используют их для создания воспринимаемого ими мира.

– И как же их использует человек, дон Хуан?

– Так просто, что это звучит по-идиотски. Для видящего все люди – светящиеся существа. Светимость наша составлена эманациями Орла, заключенными в яйцеобразный кокон. И та мизерная часть всех эманаций, которая находится внутри кокона, и есть то, что делает нас людьми. Воспринимать же – значит устанавливать соответствие между эманациями внутри нашего кокона и эманациями вне его.

Видящий, к примеру, может увидеть эманации внутри любого живого существа и сказать, с какими из внешних эманаций они могут прийти в соответствие.

Я спросил, похожи ли эманации на лучи света.

– Нет. Ничуть. Это было бы слишком просто. Они не похожи ни на что, их невозможно описать. И в то же время лично я сказал бы, что они напоминают светящиеся волокна. Непостижимо же для нормального осознания то, что эти волокна осознают. Я не сумею объяснить тебе, что это означает, поскольку я сам не знаю, что говорю. Все, что лично я могу тебе сказать, это то, что эти волокна осознают себя, что они живые и вибрирующие, и что их такое множество, что числа теряют всякий смысл. И каждое из них – вечность в себе¹³.

¹³ Eternity in itself

Глава 4. Светимость осознания

Мы с доном Хуаном и доном Хенаро сидели за столом в доме дон Хенаро. Мы только что вернулись с окрестных гор, где собирали растения. Неожиданно дон Хуан сдвинул уровень моего осознания. Дон Хенаро, посмеиваясь, разглядывал меня. Он отметил, каким странным, по его мнению, было то, что я имел два полностью различных стандарта поведения, соответствующие двум сторонам моего осознания. Вот наглядный пример: мое к нему отношение. Для правой стороны моего осознания он – уважаемый и внушающий страх маг дон Хенаро, человек, чьи непостижимые действия восхищают меня и в то же время наполняют совершенно диким ужасом. Для левой же стороны моего осознания – он просто Хенаро или Хенарито, безо всяких донов – мягкий и добрый видящий. И все, что он делает, полностью понятно и так соответствует тому, что делаю или пытаюсь сделать я сам.

Я согласился с ним, добавив, что человеком, одно только присутствие которого заставляет меня дрожать подобно осиновому листу, для левой стороны моего осознания является Сильвио Мануэль – самый таинственный из видящих партии дон Хуана. И еще я сказал, что сам дон Хуан, как истинный нагуаль, для меня стоит вне каких бы то ни было условностей, и я одинаково восхищаюсь им и уважаю его, независимо от того, в каком состоянии осознания нахожусь.

– Но и боишься тоже, а? – спросил Хенаро дрожащим голосом.

– И еще как боится, – фальцетом вставил дон Хуан.

Все рассмеялись. Однако дон Хуан и Хенаро хохотали как-то очень уж самозабвенно. Я мгновенно заподозрил неладное. Было похоже на то, что они знают что-то, о чем не договаривают.

Дон Хуан видел меня насквозь. Он объяснил, что на промежуточной стадии, прежде чем окончательно перейти в состояние левостороннего осознания, человек становится способным

на огромнейшую концентрацию, но в то же время подвержен любому влиянию. И в данный момент я попал под влияние подозрительности.

– Между прочим, Ла Горда все время находится в таком состоянии, – сказал дон Хуан. – Поэтому она – изумительный ученик и вместе с тем – просто потрясающая зануда. Она не может не цепляться за все, что встречается на ее пути. В том числе, конечно, и за вещи весьма полезные. Например, за высокую степень концентрации.

Далее дон Хуан объяснил, что новые видящие обнаружили: переходный период является тем временем, в течение которого процесс обучения становится наиболее эффективным, а само обучение – наиболее глубоким. Но это также тот период, когда воин должен постоянно находиться под присмотром, получая все необходимые объяснения. Иначе у него возникнут проблемы с самооценкой. Если он не получит соответствующих объяснений до того, как окончательно перейдет в состояние левостороннего осознания, он станет великим магом, но никчемным видящим. Именно это произошло в свое время с древними толтеками.

В частности, жертвами соблазнов левостороннего осознания легко становятся женщины воины. Они настолько подвижны, что могут сдвигаться влево практически без усилий. И зачастую это происходит слишком быстро, чтобы пойти на пользу.

Мы долго молчали. Хенаро заснул. А дон Хуан снова заговорил. Он сказал, что новым видящим пришлось разработать определенный набор терминов, без чего невозможно было сформулировать объяснение второй истины об осознании. Бенефактор дона Хуана внес изменения, приспособив терминологию к своему подходу. Дон Хуан сделал то же самое. Он считал, что не имеет значения, какой терминологией пользоваться, если истины проверяются с помощью видения.

Мне было любопытно, какие именно термины изменил дон Хуан, однако я не знал, как сформулировать вопрос. Дон Хуан, видимо, истолковал мою заминку как признак сомнения в его праве

и способности изменять терминологию, и пояснил, что если за предлагаемым термином стоит только рациональный рассудок, то термин этот может соответствовать лишь рутинным соглашениям обычной жизни. Если же термин предложен видящим, он никогда не будет просто фигуральной словесной формулой, поскольку за ним стоит непосредственное видение внутренней сути вещей. В свою терминологию видящий вкладывает все, чего ему удалось достичь.

Я поинтересовался, почему он внес изменения в терминологию.

– Поиск новых, лучших способов объяснения – долг нагуаля, – ответил дон Хуан. – Время меняет всё. Поэтому каждый новый нагуаль должен вводить новые слова и новые понятия, чтобы описывать свое видение.

– Ты имеешь в виду, что нагуаль черпает идеи из мира обычной жизни? – спросил я.

– Нет. Я имею в виду, что нагуаль по-новому говорит о видении.

Тебе, например, как новому нагуалю, предстоит говорить о том, что осознание дает начало восприятию. Ты будешь говорить о том же самом, о чем говорил мой бенефактор, но совсем иначе, чем это делал он.

– Чем, по словам новых видящих, является восприятие, дон Хуан?

– Они говорят, что восприятие – это состояние настройки. Эманации внутри кокона становятся настроенными на соответствующие им внешние. Настройка есть то, что позволяет осознанию быть культивируемым каждым живым существом. Видящие делают подобные заявления, потому что они видят живых существ такими, какими они в действительности являются, – светящимися существами, выглядящими, как пузыри белесоватого света. Я спросил его, как внутренние эманации совпадают, приходя в соответствие, с внешними для достижения восприятия. Эманации внутри и эманации снаружи – одни и те же волокна света. Воспринимающие существа крохотные пузырьки, ими

образованные, крохотные точки света, прикрепленные к этим бесконечным эманациям.

Потом дон Хуан объяснил, что светимость живых существ образована лишь ограниченным набором эманаций Орла, заключенных внутри коконов. Когда видящий видит процесс восприятия, он наблюдает, как светимость эманаций Орла, находящихся вне кокона, делает яркой светимость эманаций внутри их коконов. Внешняя светимость притягивает внутреннюю, скажем так – ловит и фиксирует ее. Эта фиксация есть осознание каждого конкретного существа. Видящие также могут видеть, как внешние эманации оказывают особое давление на часть эманаций внутри. Это давление определяет степень осознания, которую имеет каждое живое существо.

Я не совсем понял и попросил уточнить, каким образом внешние эманации оказывают давление на внутренние.

– Видишь ли, – сказал дон Хуан, – эманации Орла суть нечто большее, чем просто волокна света. Каждое из этих волокон является источником энергии неограниченной мощности. Подумай об этом следующим образом: поскольку некоторые из внешних эманаций те же, что и эманации внутри, их энергии – как продолжающееся давление. Но кокон изолирует внутренние эманации своей стенкой и, таким образом, направляет давление.

– Я уже говорил тебе как-то о том, что древние видящие были непревзойденными мастерами по части управления осознанием. А теперь я могу добавить: суть их мастерства состояла в умении манипулировать структурой человеческого кокона. Я также говорил тебе ранее, что они раскрыли тайну осознания. Они увидели и поняли, что осознание есть определенное рода свечение в коконе живого существа. Они правильно называли это свечение «свечением осознания».

Потом дон Хуан объяснил, что древние видящие увидели осознание человека. Это – особая область светимости янтарного цвета, отличающаяся от остальных волокон кокона повышенной яркостью. Эта область занимает узкую вертикальную полосу,

протянувшуюся по правой стороне поверхности кокона сверху донизу. Древние видящие владели искусством смещать эту светимость, заставляя ее распространяться с ее изначальной позиции на поверхности кокона внутрь через его ширину.

Умолкнув, дон Хуан взглянул на Хенаро. Тот по-прежнему спал сном праведника.

– Хенаро плевать хотел на объяснения, – сказал дон Хуан. – Он человек действия. Мой бенефактор постоянно загонял его в угол, ставя перед ним неразрешимые задачи. Поэтому Хенаро пришлось сразу же прочно закрепиться в левой стороне осознания. У него не было выбора, не было никакой возможности попробовать и размышлять.

– Так лучше, дон Хуан?

– Кому как. Для него подобный путь явился совершенным. Тебя и меня такой подход вряд ли устроит. Ведь мы оба, так или иначе, призваны иметь дело с объяснениями. Хенаро и мой бенефактор больше похожи на древних видящих, чем на новых: со свечением осознания они могут делать все, что захотят, поскольку обладают над ним совершенным контролем.

Дон Хуан поднялся с циновки, на которой мы сидели, и потянулся, выпрямив руки и ноги. Я настаивал на продолжении разговора. Он с улыбкой сказал, что мне нужно отдохнуть, поскольку высокая степень сосредоточения у меня убывает.

В дверь постучали. Я проснулся. Было темно. Какое-то мгновение я не мог сообразить, где я и что со мной происходит. Ощущение было таким, словно какая-то часть моего существа затерялась где-то очень-очень далеко. Эта часть вроде бы продолжала спать, хотя я уже полностью проснулся. Сквозь окно в дом проникал свет луны, поэтому мне было видно все, что происходит вокруг. Я увидел, как дон Хенаро поднялся и пошел к двери. Я понял, что нахожусь в его доме. Дон Хуан по-прежнему спал на циновке, расстеленной на полу. У меня было явственное ощущение, что все мы втроем заснули сразу же после того, как смертельно устав, вернулись с прогулки по горам.

Дон Хенаро зажег керосиновую лампу. Я поплелся за ним в кухню. Кто-то принес ему кастрюлю жаркого и стопку лепешек.

Я спросил:

– Кто это принес? У тебя что, есть женщина, которая готовит?

В кухню вошел дон Хуан. Они оба смотрели на меня и улыбались. Эти улыбки почему-то наполняли меня ужасом. Я уже совсем было принялся орать от страха, когда дон Хуан ударил меня по спине. Войдя в состояние повышенного осознания, я понял, что за время сна или в момент пробуждения я вернулся назад в свое повседневное состояние осознания.

Чувство, охватившее меня, когда я вернулся в состояние повышенного осознания, было смесью облегчения, злости и потрясающе пронзительной печали. Я снова стал самим собой, и это явилось источником облегчения. Во всяком случае, с некоторых пор я начал относиться к подобным непостижимым состояниям как к проявлениям моей истинной сущности. Единственная причина такого отношения была очень проста: находясь в этих состояниях, я ощущал полноту и целостность своего существа. Я не чувствовал, что во мне чего-то не хватает. Злость и печаль были реакцией на бессилие, ибо именно в таких состояниях я более чем когда-либо осознавал ограниченность своих возможностей¹⁴.

Я попросил дона Хуана объяснить, за счет чего происходит так, что в состоянии повышенного осознания я могу взглянуть назад и вспомнить все, отдавая себе отчет в каждом из действий, совершенных ранее в любом из состояний. Я даже вспоминаю собственную неспособность вспомнить. Но едва лишь мое осознание возвращается в обычное нормальное состояние, как я тут же теряю нить и не могу вспомнить абсолютно ничего из того, что происходило, когда я был в состоянии повышенного осознания. Я не смог бы вспомнить, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

– Стоп, не торопись! – прервал меня дон Хуан. – Пока что ты еще ничего даже не начинал вспоминать. Повышенное осознание –

¹⁴ Limitations of my being – ограничения своего существа (существования)

всего лишь промежуточное состояние. А вот за ним – превеликое множество того, о чем ты действительно не можешь вспомнить. Даже под угрозой смерти. И ты был там много, много раз.

Он был прав. Я понятия не имел, о чем идет речь, и принялся упрашивать его объяснить.

– Объяснения будут, – сказал он. – Однако не сразу. Медленно, но, в конце концов, мы к ним придем. Медленно – потому что я в точности похож на тебя. Мне нравится понимать. В этом смысле я – полная противоположность своему бенефактору. Он не был склонен объяснять. Для него существовало только действие. Он имел обыкновение просто сталкивать нас с непонятными задачами, предоставляя возможность выпутываться самостоятельно. Некоторые из нас так и не смогли их решить и закончили в том же месте, где и древние видящие – все действия и никакого реального знания.

– Та информация, о которой ты говоришь, спрятана где-то в глубине моего разума? – спросил я.

– Нет. Это было бы чересчур просто, – ответил дон Хуан. – Одним лишь разделением человеческого существа на тело и разум тут не обойдешься. Действия видящих намного сложнее. Ты забыл то, что делал или наблюдал, поскольку, когда это происходило, ты видел. Вот в чем причина.

Я попросил его раскрыть смысл того, что он только что сказал. Дон Хуан принялся терпеливо объяснять. Когда происходило то, что я забыл, осознание мое было значительно интенсифицировано по сравнению с его обычным повседневным уровнем. Это значит, что были задействованы новые, обычно не используемые части всего моего полного существа.

– И то, что ты забыл, спрятано именно в этих частях твоего полного существа, – сказал он. – Использовать эти другие зоны и значит видеть.

– Я запутался еще больше, дон Хуан.

– Я не виню тебя. Видеть – значит обнажить внутреннюю сущность всего, созерцать неизвестное и бросить взгляд на непознаваемое. Поэтому видение – вещь весьма неутешительная. Обычно созерцание всей непостижимой сложности бытия приводит видящего в полную растерянность. Особенно же удручающе выглядит то, насколько ограниченность нашего обычного состояния осознания искажает и даже уродует истинную картину мира.

Тут дон Хуан в очередной раз напомнил мне, что мое сосредоточение должно быть полным, поскольку понимание имеет критическое значение, и что превыше всего новые видящие ценят глубокое осознание, не окрашенное никакими эмоциями.

– Вот, к примеру, – продолжал он, – в тот день, когда ты понял насчет своей и Ла Горды самозначительности, помнишь? На самом же деле ты ничего не понял. Это был всего лишь эмоциональный взрыв и только. Я утверждаю это с такой уверенностью потому, что уже на следующий день ты вновь оседлал своего любимого конька – самозначительность, как будто до тебя вообще ничего не дошло. С древними видящими произошло в точности то же самое. Они легко шли на поводу у эмоциональных реакций. Когда же дело доходило до понимания того, что они видели, они не могли сделать этого. Понимание требует трезвой уравновешенности, а не эмоциональности. Так что берегись того, кто готов рыдать от избытка чувств, когда ему кажется, что он осознал нечто важное. Ибо на самом деле он не понимает ровным счетом ничего.

– Путь знания таит в себе немислимые опасности для того, кто пытается следовать по нему, не вооружившись трезвым пониманием, – продолжал дон Хуан. – Я намечаю порядок, в котором новые видящие расположили истины об осознании, чтобы он послужил тебе в качестве карты. Карты, которую ты должен будешь подтвердить своим видением, а не своими глазами.

Последовала долгая пауза. Он внимательно смотрел на меня, определенно ожидая вопроса.

– Все делают эту ошибку. Все думают, что видение осуществляется глазами, – произнес он. – Однако не следует

удивляться тому, что после стольких лет ты так и не понял – видение не имеет отношения к функции глаз. Это нормально – делать такую ошибку.

– Так что же такое видение? – спросил я.

Дон Хуан ответил, что видение – это настройка. Я напомнил ему: не так давно он утверждал, что настройкой является восприятие. Он объяснил, что настройка тех эманаций, которые используются в повседневной жизни, даёт восприятие обычного мира, а настройка эманаций, которые обычно никогда не используются, есть видение. Когда происходит подобная настройка, человек видит. Видение, таким образом, будучи продуктом настройки, отличной от ординарной, не может быть чем-то, что есть просто смотрение.

По словам дона Хуана, я видел бесчисленное множество раз, однако мне ни разу не пришло в голову абстрагироваться от собственно зрения. Меня все время вводил в заблуждение сам термин «видение», а также описание этого явления.

– Когда видящий видит, то нечто как бы объясняет ему все, когда новая настройка имеет место, – продолжал дон Хуан. – Он слышит голос, говорящий ему на ухо, что есть что. Если голоса нет, то происходящее с видящим не является видением.

После непродолжительной паузы дон Хуан снова заговорил о голосе видения. Он отметил, что полагать, будто видение есть слышание – тоже ошибка, поскольку в действительности видение – нечто неизмеримо большее. Однако видящие выбрали звук в качестве критерия, позволяющего определить – имеет место новая настройка или нет.

Голос видения дон Хуан назвал вещью наиболее загадочной и необъяснимой.

– Лично я пришел к выводу, – сказал он, – что голос видения присущ только человеку. Только человек пользуется речью. Может быть, в этом дело. Древние видящие считали, что голос этот принадлежит некоторому сверхмогущественному существу,

связанному с человечеством сокровенными и очень тесными узами. Они считали, что это существо – защитник человека. Новые видящие обнаружили, что это существо, которое они назвали матрицей человека, не имеет голоса. Для новых видящих голос видения – нечто совершенно непостижимое. Новые видящие говорят, что это свечение осознания и играет на эманациях Орла, как арфист играет на арфе.

Дать более подробные объяснения по данному вопросу дон Хуан наотрез отказался. Отказ свой он аргументировал тем, что по мере продолжения его объяснения мне все станет ясно.

Пока дон Хуан говорил, сосредоточение мое было настолько полным, что я даже не заметил, как мы сели за стол есть. И только когда дон Хуан замолчал, я заметил, что его тарелка жаркого уже почти пуста.

Хенаро смотрел на меня с лучезарной улыбкой. Моя тарелка стояла передо мной. И она тоже была пуста. И только остатки жаркого в ней говорили о том, что я, похоже, только что закончил есть.

Но я не помнил, как ел. Однако я не помнил и того, как подошел к столу и сел.

– Ну, как жаркое? Понравилось? – спросил у меня Хенаро, глядя куда-то вдаль.

Я ответил, что понравилось. Мне не хотелось показывать, что у меня проблемы с памятью.

– А как по мне – слишком уж много перца, – сказал Хенаро. – А ты обычно не ешь острого, вот я и забеспокоился, как бы чего не вышло. Напрасно ты две порции умял. Похоже, степень твоего свинства чуточку возрастает, когда ты находишься в состоянии повышенного осознания, а?

Я признал, что он вероятно прав. Он налил мне большущую кружку воды и велел запить жаркое, чтобы не так пекло в горле. Я с жадностью влил в себя всю воду, после чего они оба взвыли от

хохота. Внезапно я осознал, что происходит. Моё осознание было физическим. Это было вспышкой желтоватого света, которая ударила меня, как если бы спичка зажглась прямо между моих глаз. Я знал, что Хенаро шутит. Я не ел вовсе. Я был настолько погружен в объяснения дона Хуана, что забыл обо всем на свете. А из тарелки, стоявшей передо мной, ел Хенаро.

После ужина дон Хуан продолжил рассказ о свечении осознания. Хенаро сидел рядом со мной и слушал с таким видом, словно все это было для него полным откровением.

Дон Хуан сказал, что эманации, находящиеся вне коконов живых существ, называют большими эманациями. Давление, которое они оказывают на кокон, одинаково для всех живых существ. Но результаты этого давления различны, поскольку реакция коконов на него бесконечно разнообразна. Однако в определенных пределах можно говорить о некоторой однородности реакций.

– И теперь, – продолжал дон Хуан, – когда видящий видит, как давление больших эманаций обрушивается на эманации внутри, которые постоянно в движении, и заставляет их прекратить двигаться, он знает, что светящееся существо в этот момент зафиксировано осознанием.

– Само по себе выражение «большие эманации обрушиваются на эманации внутри кокона, заставляя их замереть» означает, что видящий видит нечто неопишемое, смысл чего он знает без тени сомнения. Это значит, что голос видения сообщил видящему: эманации внутри кокона полностью успокоились и совпали с некоторыми из внешних эманаций.

Естественно, видящие считают, что осознание всегда приходит извне и что истинная тайна – не внутри нас. Итак, поскольку в соответствии с природой вещей, большие эманации фиксируют¹⁵ эманации внутри кокона, фокус истинного осознания состоит в том, чтобы позволить фиксирующим эманациям слиться с теми, которые находятся внутри нас. Видящие считают, что если мы позволим

¹⁵ ...are made to fixate – созданы так, чтобы фиксировать

этому случиться, мы становимся такими, какие мы в действительности есть — текучими, неизменно движущимися, вечными.

Дон Хуан замолчал. Его глаза ярко сияли. Казалось, они смотрят на меня откуда-то с огромной глубины. У меня такое ощущение, что каждый из его глаз — отдельная, совершенно независимая точка сияния. Мгновенно он боролся с невидимой силой, с огнем, возникшим изнутри, чтобы его поглотить. Потом все прошло, и он снова заговорил:

— Степень осознания каждого конкретного существа зависит от того, насколько оно способно позволить давлению больших эманаций вести его.

После длинного перерыва дон Хуан продолжил объяснение. Он сказал, что видящие увидели: с момента зачатия осознание существа увеличивается и обогащается процессом жизни. И еще они увидели, что осознание, например, насекомого и осознание человека растут поразительно различными способами, но с одинаковой неуклонностью.

— Осознание развивается с момента зачатия или с момента рождения? — попросил уточнить я.

— Осознание развивается с момента зачатия, — подчеркнул дон Хуан. — Я всегда тебе говорил: сексуальная энергия имеет огромное значение, ею необходимо управлять и пользоваться с огромной осторожностью. Но ты каждый раз пропускал мои слова мимо ушей. Ты думал, что речь идет о нравственности. Я же всегда говорил об этом только с точки зрения сохранения и перераспределения энергии.

Дон Хуан взглянул на Хенаро. Хенаро одобрительно кивнул. Дон Хуан сказал:

— Сейчас Хенаро поведает тебе, что говорил о сохранении и перераспределении половой энергии наш бенефактор — нагуаль Хулиан.

– А нагуаль Хулиан, – начал Хенаро, – говорил, что заниматься сексом или нет – вопрос наличия энергии. Сам он с сексом проблем не имел никогда: у него ее была прорва. Но мне он с первого же взгляда сказал, что мой член предназначен только для того, чтобы писать. Потому что у меня не хватало энергии на секс. Бенефактор сказал, что мои родители были ужасно утомлены, когда делали меня, и им было скучно. Он назвал меня результатом исключительно тоскливого совокупления – «*kojida aburrida*». Таким я и родился – скучным и утомленным. Нагуаль Хулиан вообще не рекомендовал людям моего типа заниматься сексом. Тем самым мы можем сохранить то небольшое количество энергии, которым обладаем.

То же самое он сказал Сильвио Мануэлю и Эмилито. Относительно остальных учеников он видел – у них достаточно энергии. Они не были зачаты в тоскливом совокуплении. Им он сказал, что они могут делать со своей половой энергией все, что хотят, но просил не забывать о самоконтроле и понимать: согласно команде Орла, роль секса – наделять новые существа сиянием осознания. Мы сказали, что нам все понятно.

И вот однажды, без каких бы то ни было предупреждений, с помощью своего бенефактора нагуаля Элиаса, он приподнял занавес другого мира и, нисколько не колеблясь, затолкал нас всех туда. И все мы там едва не погибли. Кроме Сильвио Мануэля. Мы не имели энергии, чтобы противостоять воздействию другого мира. Никто из нас, за исключением Сильвио Мануэля, не последовал совету нагуаля.

Я обратился к дону Хуану:

– Что такое занавес другого мира?

– То, что сказал Хенаро, – занавес. Но ты уходишь от темы. Ты всегда уклоняешься от темы. Мы говорим о команде Орла относительно секса. Это ведь его команда: половая энергия предназначена для создания жизни. Посредством этой энергии Орел наделяет новые существа осознанием. Поэтому, когда живые существа совокупаются, эманации внутри их коконов делают все

возможное для того, чтобы наделить осознанием новое существо, которое они создают.

Во время полового акта эманации, заключенные в коконе каждого из партнеров, приходят в глубочайшее возбуждение, кульминацией которого становится слияние двух частей светимости осознания – по одной от каждого партнера – которые отделяются от их коконов.

– Половой акт всегда награждение осознанием, хотя оно может и не укрепиться, – продолжал дон Хуан. – Эманации внутри коконов человеческих существ понятия не имеют о сексе ради развлечения.

Приподнявшись со стула, Хенаро наклонился ко мне через стол и, покачивая для убедительности головой, тихо произнес:

– Нагуаль изрек истину. Они, в самом деле, не имеют понятия.
– Он подмигнул.

Дон Хуан, едва сдерживая смех, добавил, что люди обычно действуют, не считаясь с тайной бытия и полагая, что такой возвышенный акт, как наделение жизнью и осознанием сводится к чисто физическому влечению, которым можно пользоваться по своему усмотрению.

Хенаро принялся непристойно крутить тазом, изображая похоть. Дон Хуан сказал, что именно об этом идет речь. Хенаро выразил ему признательность за столь высокую оценку его единственного вклада в объяснение осознания.

После чего оба они разразились совершенно идиотским хохотом, сказав, что если бы я знал, как серьёзен был по поводу объяснения осознания их бенефактор, я непременно хохотал бы вместе с ними.

Я серьёзно поинтересовался, что все это значит для обычного человека в его повседневной жизни.

– Что именно? То, что делает Хенаро? – с напускной серьезностью спросил дон Хуан.

Их веселье всегда было заразительным. Успокаивались они довольно долго. Уровень их энергии был настолько высок, что рядом с ними я выглядел старым и дряхлым.

– Я, правда, не знаю, – ответил, наконец, дон Хуан. – Я только знаю, что это значит для воина. Воин знает: единственная энергия, которой мы реально обладаем, – это сексуальная энергия, которая наделяет жизнью. Воин всегда помнит об этом и потому постоянно отдает себе отчет в степени своей ответственности.

И если воин намерен обладать достаточной энергией для того, чтобы научиться видеть, он должен стать скрягой в отношении своей половой энергии. В этом и заключается урок, данный нам нагуалем Хулианом. Он толкнул нас в неизвестное, и мы почти погибли там. И, поскольку каждый из нас хотел видеть, мы, разумеется, стали воздерживаться от растраниживания своей светимости осознания.

Я уже не раз слышал от него подобные сентенции. И каждый раз принимался с ним спорить. Каждый раз я чувствовал, что должен возразить против того, что считал пуританским отношением к сексу.

И в этот раз я тоже принялся возражать. Они оба хохотали до слез.

– Ну, хорошо, а что делать с естественной чувственностью человека? – поинтересовался я.

– Ничего не делать, – ответил он. – С человеческой чувственностью все в порядке. Проблема не в ней, а в человеческом невежестве и нежелании людей считаться со своей магической природой. Попусту растрачивать животворную силу половой энергии – ошибка. Но ошибка также – не знать, что, имея детей, человек истощает свою светимость осознания.

– Откуда видящие знают, что наличие детей истощает светимость осознания? – спросил я.

– Они видят, что светимость родителей уменьшается, а детей растет. У некоторых сверхчувствительных, хрупких, хилых

родителей свечение осознания почти совсем исчезает. На светящихся коконах родителей появляются большие темные пятна – как раз в тех местах, откуда была взята светимость. Где-то в среднем сечении кокона. Иногда эти пятна даже можно видеть как бы наложенными непосредственно на тело человека.

Я поинтересовался, можно ли сделать что-нибудь, чтобы дать людям более сбалансированное понимание свечения осознания.

– Нет, – ответил дон Хуан. – По крайней мере, видящие не могут сделать ничего. Цель видящих – свобода. Они стремятся стать ни к чему не привязанными свидетелями, неспособными выносить суждения. Иначе им пришлось бы взять на себя ответственность за приход нового, более гармоничного цикла. А этого не может сделать никто. Новый цикл, если ему суждено начаться, должен прийти сам по себе.

Глава 5. Первое внимание

На следующий день мы позавтракали на рассвете. Затем дон Хуан сдвинул мой уровень осознания.

– Давай сегодня отправимся в изначальное место, – сказал дон Хуан, обращаясь к Хенаро.

– Пожалуй... – несколько колеблясь, проговорил тот. А потом, взглянув на меня, добавил тихо, как бы не желая, чтобы я слышал: «Думаешь, он потянет? Что-то я сомневаюсь...»

Всего за несколько секунд мой страх и подозрительность выросли до невероятных размеров. Сердце заколотилось, меня прошиб пот. Дон Хуан подошел ко мне и, почти не скрывая своего веселья, заверил, что Хенаро просто потешается надо мной.

– Мы только прогуляемся туда, где тысячелетия назад жили самые первые видящие, – сказал он.

Пока дон Хуан говорил, я мельком взглянул на Хенаро. Тот медленно качал головой из стороны в сторону. Движение было совсем незаметным. Хенаро словно давал мне понять, что дон Хуан говорит неправду. Я едва не обезумел, находясь на грани истерики, и очнулся только, когда Хенаро захохотал.

Я был ошеломлен тем, с какой легкостью менялись мои эмоциональные состояния – от практически неуправляемого взрыва до полного спада.

Втроем мы вышли из дома Хенаро. Было раннее утро. Вскоре мы углубились в выветренные холмы, расстилавшиеся вокруг дома. Там мы остановились и сели на огромном плоском камне посреди свежевспаханного и, судя по всему, засеянного склона.

– Вот оно – изначальное место, – сказал мне дон Хуан. – В процессе объяснения нам предстоит прийти сюда еще пару раз.

– Ночью здесь случаются очень странные вещи, – сообщил Хенаро. – Нагуаль Хулиан, по сути, поймал здесь союзника. Вернее, союзник...

Дон Хуан довольно явственно шевельнул бровями. Не договорив, Хенаро умолк и улыбнулся мне:

– Рановато для страшных историй. Подождем до темноты.

Он встал и принялся красться на носках вокруг камня, выгнув назад спину.

– Что он говорил о том, как ваш бенефактор поймал здесь союзника? – обратился я к дону Хуану.

Тот не ответил, глядя на ужимки Хенаро. Дон Хуан был от них в экстазе.

Через некоторое время он, наконец, проговорил, все еще не сводя глаз с Хенаро:

– Хенаро имел в виду довольно сложный метод использования осознания.

Хенаро тем временем полностью обошел вокруг камня и вернулся на свое место. Тяжело дыша, он сел на камень. Он почти задыхался.

Дон Хуан, похоже, был просто в восторге от того, что только что проделал Хенаро. У меня же в очередной раз возникло ощущение, что они надо мной потешаются, замышляя что-то, о чем я не имею ни малейшего понятия.

Вдруг дон Хуан вновь принялся рассказывать. Звук его голоса меня успокоил. Он сказал, что в результате огромнейших усилий видящие пришли к следующему заключению: полностью развитое процессом жизни сознание взрослого человеческого существа называть осознанием некорректно, поскольку оно превращается в нечто более сложное и интенсивное. Это нечто видящие называли вниманием.

– Откуда видящие узнали, что осознание человека растет и культивируется, – спросил я.

Он ответил, что в определенное время развития человеческого существа некоторая полоса эманаций внутри кокона становится очень яркой и, по мере накопления человеком опыта, эта полоса постепенно начинает излучать свет. В некоторых случаях свечение данной полосы эманаций становится настолько ярким, что сливается с внешними эманациями. Наблюдая такое усиление свечения, видящие были вынуждены предположить: осознание – это как бы сырье, продуктом развития которого является внимание.

– Как видящие описывают внимание?

– Они говорят, что внимание – это обуздание и усиление осознания посредством процесса жизни, – ответил он.

Он добавил, что определения таят в себе определенную опасность: делая вещи более понятными, они их упрощают. В данном случае, давая определение вниманию, мы рискуем превратить чудесное магическое достижение в нечто бытовое и невыразительное. Внимание – величайшее и единственное достижение человека. Исходное осознание животного уровня развивается до состояния, охватывающего всю гамму того, что мы способны выбирать как люди. А видящие совершенствуют его еще больше – до тех пор, пока оно не охватит весь объем человеческих возможностей. Я поинтересовался, существуют ли с точки зрения видящих какие-либо принципиальные различия между тем, что мы способны выбирать и нашими возможностями.

Дон Хуан объяснил, что под тем, что мы способны выбирать, понимается то, что мы способны выбирать как личности. Это призвано иметь дело с уровнем повседневного диапазона – известным, и вследствие этого факта выбираемое нами полностью ограничено по количеству и охвату.

Человеческие же возможности принадлежат к сфере неизвестного. Они относятся не к тому, что мы можем выбрать, а к тому, чего мы способны достичь. Примером человеческого выбора является наш выбор верить, что человеческое тело есть объект, среди

прочих объектов. А примером человеческих возможностей – достижение видящих, благодаря которому они воспринимают человека как яйцеобразное светящееся существо. Тело как материальный объект относится к сфере известного. Воспринимая тело как светящееся яйцо, мы имеем дело со сферой неизвестного. Человеческие возможности, таким образом, поистине неисчерпаемы.

– Видящие говорят, что существуют три типа внимания, – продолжал дон Хуан. – Ты понимаешь, конечно, что речь идет только о человеческих существах, а не о живых существах вообще. Но это не просто типы внимания. Это, скорее, три уровня достижения, три уровня развития. Их называют первым, вторым и третьим вниманием. И каждое из них являет собой совершенно независимую самодостаточную область.

Первое внимание человека – это животное осознание, которое в процессе жизненного опыта развилось в сложную, запутанную и исключительно хрупкую способность, которая имеет дело с миром повседневной жизни во всех его неисчислимых аспектах. Другими словами все, о чём мы можем думать, является частью первого внимания.

Первое внимание суть то, что мы являем собою в качества обычных людей. И, по причине столь абсолютной власти над нашими жизнями, первое внимание оказывается наиболее важным приобретением обычного человека. Первое внимание, пожалуй, даже единственное, чем мы реально обладаем.

Учитывая действительную значимость первого внимания, видящие взялись за тщательное его исследование посредством видения. Находки, сделанные ими в этой области, сформировали всё их мировоззрение, как и мировоззрение их последователей. Хотя последователи в большинстве своем не понимали, что именно видели те видящие на самом деле.

Проникновенным голосом дон Хуан сообщил мне, что выводы, сделанные новыми видящими на основании тщательных исследований, не имели практически ничего общего с рассудком и соображениями рационального порядка. Ведь исследовать первое

внимание и формулировать соответствующие объяснения может только тот, кто его видит. Разумеется, это доступно только видящему. А вот изучать то, каким видящий видит первое внимание, очень важно. Это дает первому вниманию ученика уникальную возможность – понять принципы и механизмы своего собственного функционирования.

– Так вот, видящий видит первое внимание, как светимость осознания, развитую до сверхинтенсивного излучения, – продолжал дон Хуан. – Но эта часть светимости зафиксирована, так сказать, на поверхности кокона. Это светимость, покрывающая зону известного.

А теперь поговорим о втором внимании, которое является более сложным и специфическим состоянием светимости осознания. Второе внимание действует в неизвестном. Оно начинает работать, когда задействуются эманации внутри человеческого кокона, которые обычно не используются.

Я назвал второе внимание специфическим состоянием по следующей причине: чтобы задействовать эти неиспользованные эманации, необходима необычная, тщательно разработанная тактика, требующая исключительной дисциплины и высшей степени сосредоточения.

Дон Хуан напомнил мне, как когда-то, обучая меня искусству сновидения, он уже рассказывал о сосредоточении, необходимом для осознания того, что видишь сон. Так вот, это сосредоточение – предшественник второго внимания.

Эта концентрация есть форма сознания, относящаяся к другой категории, нежели необходимая для действий в обычном мире.

Еще дон Хуан сказал, что второе внимание также называют левосторонним осознанием и что это – огромнейшая область. Фактически эта область кажется беспредельной, настолько она огромна.

– И просто так я не полезу туда ни за что на свете, – продолжал дон Хуан. – Это – трясина, настолько сложная и причудливая, что

трезвые и уравновешенные видящие входят в нее только при строго определенных условиях.

Вся сложность состоит в том, что забраться во второе внимание просто, а противиться его соблазну практически невозможно.

Овладев осознанием, древние видящие использовали свое мастерство для того, чтобы расширить свое свечение осознания до непостижимых пределов. Заставляя вспыхивать эманации внутри своих коконов по одной полосе за раз, они стремились зажечь их все. И им это удалось, но, как это ни странно, умение зажигать полосы по одной стало тем фактором, из-за которого они увязли в трясине второго внимания.

Новые видящие исправили их ошибку. Они довели мастерство управления осознанием до его естественного завершения. Они научились одним ударом выводить свечение осознания за пределы кокона.

Третье внимание достигается, когда свечение осознания превращается в огонь изнутри – свечение, которое зажигает не по одной полосе за раз, а одновременно все эманации Орла внутри кокона человека.

Дон Хуан сказал, что испытывает благоговение перед непреклонным устремлением новых видящих к достижению третьего внимания в течение жизни, пока они живы и осознают свою индивидуальность.

Он не счел нужным останавливаться на тех редких случаях, когда люди и другие живые существа случайно входят в неизвестное и непознаваемое, не отдавая себе в этом отчета. Дон Хуан сказал, что каждый такой случай – это дар Орла. Впрочем, для новых видящих вход в третье внимание – тоже дар, но значение этого дара несколько иное. Он скорее является наградой за достижение.

И еще дон Хуан сказал, что в момент смерти все человеческие существа входят в непознаваемое, и некоторые из них достигают третьего внимания, но всегда лишь на непродолжительное время и только для того, чтобы очистить пищу для Орла.

– Высшее свершение человеческого существа, – закончил дон Хуан, – в том, чтобы достичь этого уровня, сохранив жизненную силу и не сделавшись бестелесным осознанием, которое, подобно мерцающей искорке, взлетает прямо к клюву Орла, чтобы быть им поглощенным.

Пока дон Хуан рассказывал, я не замечал ничего вокруг. Теперь обнаружилось, что Хенаро исчез, видимо, встал и куда-то ушел, а сам я склонился к камню, и дон Хуан, сидя рядом на корточках, мягко нажимает мне на плечи, толкая вниз. Поддавшись, я лег на камень и закрыл глаза. С запада дул нежный ветерок.

– Только не засни, – произнес дон Хуан. – Ты ни в коем случае не должен спать на этом камне.

Я сел. Внимательно на меня глядя, дон Хуан добавил:

– Просто расслабься. Позволь внутреннему диалогу замереть.

С абсолютно полным сосредоточением я следил за его словами, когда вдруг ощутил приступ страха. Сперва я даже не понял, в чем дело. Я решил, что испытываю очередной приступ неверия. Но потом, как молния, меня пронзило: да ведь уже вечер! По моим ощущениям мы разговаривали на камне не больше часа. А прошел целый день!

Я вскочил. Я полностью отдавал себе отчет в чудовищности несоответствия, но что именно со мною происходит, тем не менее, понять не мог. Я только испытывал странное ощущение – тело жаждет убежать прочь. Дон Хуан прыгнул, обхватив меня, и мы вместе с ним скатились на мягкую землю. Дон Хуан держал меня крепко, я чувствовал себя зажатым в стальных тисках. Мне и в голову никогда не приходило, что он настолько силен.

Меня всего трясло, как в припадке эпилепсии. Руки метались вокруг, описывая самые невероятные траектории. И в то же время существовала некая отрешенная часть меня, которая даже с некоторым интересом созерцала, как вибрирует, извивается и подпрыгивает тело.

Наконец, спазмы прошли, и дон Хуан меня отпустил. Он тяжело дышал от напряжения. Он сказал, что теперь нам будет лучше взобраться обратно на камень и там посидеть, пока я окончательно не приду в себя.

Я не смог устоять перед соблазном задать свой обычный вопрос: что со мной произошло? Он объяснил, что во время его рассказа я был вытолкнут за определенную грань и неожиданно вошел очень глубоко в левостороннее осознание. Дон Хуан и Хенаро последовали туда за мной. А потом я точно так же внезапно оттуда вышел.

– Я как раз вовремя тебя поймал, – сообщил мне дон Хуан. – Иначе тебя вынесло бы прямо в твое нормальное состояние. Я совершенно запутался. Он объяснил, что все мы втроем играли с осознанием. В какой-то момент я, должно быть, испугался, и ускользнул от них.

– Хенаро – мастер осознания, – продолжал дон Хуан. – Сильвио Мануэль – мастер воли. В свое время их обоих безжалостно толкнули в неизвестное. Наш бенефактор поступил с ними точно так же, как с ним самим поступил его бенефактор. В некотором отношении Хенаро и Сильвио Мануэль очень похожи на древних видящих. Они знают, что они могут сделать, но их мало интересует знание того, как они это делают. Сегодня Хенаро воспользовался случаем, чтобы сдвинуть твое свечение осознания. В результате мы все вместе оказались в каких-то таинственных закоулках неизвестного.

Я умолял его рассказать, что происходило с нами в неизвестном.

Вдруг у самого своего уха я услышал:

– Ты должен сам это вспомнить.

Я был абсолютно уверен, что слышу голос видения, и потому совсем не испугался. Я даже не поддался побуждению оглянуться.

– Я – голос видения, и я говорю тебе, что ты – мудака, – раздался тот же голос.

Затем послышался смешок.

Я обернулся. Позади меня сидел Хенаро. Я был настолько удивлен, что хохотал, наверное, даже несколько истеричнее, чем они.

– Ну что ж, темнеет, – сказал мне Хенаро. – Как я тебе уже обещал, сегодня здесь нам предстоит нечто.

Тут в разговор вмешался дон Хуан:

– А может быть хватит на сегодня? А то ведь наш дурачок может помереть со страху.

– Не-е, он – в порядке, – возразил Хенаро, потрепав меня по плечу.

– Ты бы все-таки у него самого спросил, – настаивал дон Хуан. – Он ведь и вправду такой дурачок, что может помереть со страху. Он сам тебе об этом скажет.

– Что действительно? – подняв брови, обратился ко мне Хенаро. – Ты на самом деле такой дурачок?

Я промолчал. И от этого они в буквальном смысле покатались со смеху. Хенаро даже скатился на землю. Дон Хуан легко прыгнул с камня и помог ему подняться на ноги. После этого Хенаро сказал дону Хуану, имея в виду меня:

– Попался! Он ведь никогда не скажет, что он – дурачок. Он для этого чересчур самозначителен. А потом произойдет нечто такое, отчего его будет трясти. Он даже в штаны может наложить со страху. А все потому, что не признался, что он – дурачок.

Наблюдая за тем, как они смеются, я пришел к убеждению, что так радостно хохотать способны только индейцы. Но тут же я пришел к убеждению, что они злобствуют, и это видно невооруженным глазом. Ведь издевались они над не-индейцем.

Дон Хуан мгновенно уловил мои чувства и сказал:

– Не позволяй своей самозначительности разрастаться до невероятных размеров. Ни с какой точки зрения ты не являешься чем-то особенным. Так же, как и любой из нас, независимо от того, индеец он или нет. Нагуаль Хулиан и его бенефактор добавили к своей жизни не один год удовольствия, потешаясь над нами.

Хенаро живо вскарабкался на камень и, подойдя ко мне, заявил:

– На твоём месте я бы не знал, куда себя деть от смущения. Я бы очень расстроился. Я бы даже разревелся. Да ты поплачь, поплачь. Пореву хорошенько, сразу полегчает.

К своему несказанному удивлению, я начал тихонько всхлипывать. А потом так разозлился, что взревел от ярости. И только после этого почувствовал облегчение.

Дон Хуан мягко похлопал меня по спине. Он сказал, что обычно гнев действует очень отрезвляюще. Иногда так действует страх, иногда – юмор. Но я, в силу своей насильственной натуры, реагирую только на гнев.

Он добавил, что внезапные сдвиги в светимости осознания делают нас слабыми. Они пытались меня поддержать, заставить стать сильнее. И Хенаро в этом явно преуспел, когда ему удалось привести меня в ярость.

К тому времени уже наступили сумерки. Вдруг Хенаро указал на какое-то мелькание прямо и в воздухе на уровне глаз. В сумеречном свете это было похоже на большую бабочку, которая кружилась вокруг того места, где мы сидели.

– Не будь нетерпеливым, – предостерёг меня дон Хуан. – Позволь Хенаро вести тебя. И не отводи взгляда от этого пятна.

Мелькающая точка определенно была бабочкой. Я ясно различал все ее детали. Я следил за ее извилистым усталым полетом, пока не начал видеть каждую частичку пыльцы на ее крылышках.

Я был полностью поглощен созерцанием, когда что-то вдруг вывело меня из этого состояния. Прямо за спиной я ощутил мощный взрыв беззвучного шума, если так можно выразиться. Обернувшись, я заметил целую группу людей, стоявших в ряд на другом, несколько более высоком, чем тот, где мы сидели, конце камня. Я подумал, что это люди, живущие по соседству. Видимо, они заподозрили неладное, наблюдая, как мы целый день здесь болтаемся, и взобрались на камень, чтобы с нами разобраться. То, что их намерения по отношению к нам далеко не добрые, я узнал откуда-то в то же мгновение.

Дон Хуан и Хенаро соскользнули с камня, велел поторопиться и мне. Мы тотчас же двинулись прочь. Весь путь до дома Хенаро мы проделали, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть, не преследуют ли нас те люди. Ни Хенаро, ни дон Хуан не произнесли ни единого слова. Один раз дон Хуан даже свирепо шикнул на меня, приложив к губам палец. Когда мы подошли к дому Хенаро, дон Хуан втянул меня внутрь. А Хенаро, не останавливаясь, проследовал мимо дома и куда-то ушел.

Когда мы с доном Хуаном оказались в безопасности внутри дома, и он зажег керосиновую лампу, я поинтересовался:

– Что это были за люди, дон Хуан?

– Это были не люди, – ответил он.

– Да ладно тебе, дон Хуан, не надо напускать мистический туман. Это были люди, я видел их своими глазами.

– Ну разумеется, ты видел их своими глазами, – парировал он. – Однако это ни о чем не говорит. Твои глаза тебя подвели. Это были не люди, и шли они за тобой. Хенаро пришлось их отвлечь.

– Так кто же это был, если не люди?

– О, а вот в этом скрыта тайна. Тайна осознания, которую невозможно раскрыть рациональным путем, просто о ней рассказав. Она относится к тем тайнам, которым можно лишь быть свидетелем.

– Хорошо, тогда сделай так, чтобы я тоже стал свидетелем этой тайны, – не отставал я.

– Но ты уже им стал. Дважды за сегодняшний день. Просто сейчас ты этого не помнишь. Однако вспомнишь, когда зажжешь те эманации, которые светились, когда ты был свидетелем той тайны осознания, о которой идет речь. А пока давай-ка вернемся к объяснению осознания.

Дон Хуан еще раз повторил, что осознание начинается с постоянного давления эманаций извне на эманации, заключенные внутри кокона. Это давление производит первое действие осознания: оно останавливает движение заключённых внутри эманаций, которое есть борьба за разрушение кокона, борьба за смерть.

Для видящего является истиной то, что все живые существа борются за смерть, продолжал дон Хуан. Тем, что останавливает смерть, является осознание.

Новых видящих привел в глубокое замешательство тот факт, что осознание препятствует смерти и в то же время является ее причиной, будучи пищей Орла. Так как это невозможно объяснить, поскольку не может быть рационального способа понять бытие, видящие осознали, что их знание основано на взаимопротиворечащих предпосылках. Я спросил:

– Но почему они разработали систему, содержащую внутренние противоречия?

– Ничего они не разрабатывали, – ответил он. – Видящие открыли непреложные истины, они увидели их такими, какие они есть. Вот и все.

– Вот, например: видящий должен быть методичным, рациональным существом, образцом трезвой уравновешенности; и в то же время он должен всячески избегать этих качеств, чтобы быть абсолютно свободным и открытым по отношению к чудесным тайнам бытия.

Приведенный доном Хуаном пример несколько сбил меня с толку. Но не совсем. Я понял, что имелось в виду. Ведь он все время пытался развить во мне максимум рационализма. И только лишь для того, чтобы разрушить его до основания и потребовать полного отсутствия хоть сколько-нибудь рационального подхода.

– Только предельная, высочайшая уравновешенность может стать мостом между взаимоисключающими противоречиями, – сказал дон Хуан.

– Скажи, дон Хуан, а как по-твоему, искусство может быть таким мостом? – поинтересовался я.

– Мостом между противоречиями ты можешь назвать все что угодно – искусство, страсть, уравновешенность, любовь и даже доброту.

Потом дон Хуан рассказал, что в процессе изучения первого внимания новые видящие обнаружили: все органические существа, кроме человека, успокаивают возбужденные эманации внутри своих коконов. За счет этого внутренние эманации получают возможность настроиться на соответствующие им внешние. Чего не происходит в случае человеческих существ, поскольку первое внимание последних принимается за инвентаризацию эманации Орла, имеющих внутри кокона.

Я спросил:

– Что такое инвентаризация, дон Хуан?

– Человеческие существа отмечают те эманации, которые находятся внутри их коконов, – ответил он. – Ни одно другое существо этим не занимается. В момент фиксации внутренних эманации внешними первое внимание начинает за собой наблюдать.

Оно отмечает всё, связанное с ним самим, по крайней мере, пытается это делать любыми, какими может, отклонившимися от нормы, заблуждающимися путями. Этот процесс видящие называют осуществлением инвентаризации. Я не хочу сказать, что

человеческие существа выбирают проводить или не проводить инвентаризацию или что они могут отказаться от ее проведения. Осуществление инвентаризации – это команда Орла. Что является объектом выбора – это способ подчинения ей.

Дон Хуан сказал, что, хотя ему и не нравится называть эманации командами, они, по сути, являются таковыми – командами, послушаться которых не дано никому. Однако в подчинении командам заключен способ неподчинения им.

– В случае с инвентаризацией первого внимания, – продолжал дон Хуан, – видящий не может не подчиниться. И он подчиняется. Однако как только инвентаризация проведена, видящий выбрасывает ее. Ведь Орел не заставляет нас делать из нее культ. Он дает лишь команду на ее осуществление, не более.

– Каким образом видящий видит, что человек осуществляет инвентаризацию? – спросил я.

– Внутренние эманации человеческого кокона успокаиваются не для того, чтобы прийти в соответствие с внешними, – последовал ответ. – Это становится очевидным после того, как увидишь, что делают другие существа. Успокоившись, они практически сливаются с большими эманациями и движутся вместе с ними. Вот, например, скарабей – жук-навозник. Свет его эманаций распространяется, захватывая огромные пространства.

А человеческие существа успокаивают свои эманации и затем отражаются в них. Эманации фокусируются на самих себе.

Дон Хуан сказал, что, осуществляя инвентаризацию, люди доводят выполнение соответствующей команды до логического завершения. Все же остальное ими игнорируется. А когда человек достаточно глубоко увяз в инвентаризации, ситуация может развиваться по двум направлениям. В первом случае человек игнорирует импульсы больших эманаций, а во втором – использует их весьма специфически.

Игнорируя эти импульсы, человек после проведения инвентаризации приходит к уникальному состоянию, которое

называется разумностью¹⁶. А использование всех импульсов специфическим образом – это самопоглощенность.

Для видящего человеческая разумность имеет вид необыкновенно однородного тусклого свечения, которое если и реагирует на постоянное давление больших эманаций, то делает это крайне редко. Это свечение делает оболочку яйцеобразного кокона более плотной, но в то же время и более ломкой.

Дон Хуан отметил, что по идее человеческая разумность должна была бы встречаться в изобилии, однако на самом деле это – чрезвычайно редкое явление. Подавляющее большинство человеческих существ склоняется к самопоглощенности.

Разумеется, осознание всех живых существ в известной степени замкнуто на себя для обеспечения взаимодействия между ними. Но такой глубочайшей степени самопоглощенности первого внимания, которая присутствует у человека, не достигает ни одно другое существо. В противоположность человеку разума, напрочь игнорирующему импульсы больших эманаций, индивид самопоглощенный использует каждый импульс и преобразует его в усилие, взбалтывающее эманации внутри кокона.

Наблюдая все это, видящие пришли к одному весьма практическому выводу. Они увидели, что рассудочные люди должны жить дольше, чем самопоглощенные. Игнорируя импульсы больших эманаций, первые успокаивают естественное возбуждение внутренних эманаций. А самопоглощенные индивиды, наоборот, сокращают свою жизнь, используя импульсы внешних эманаций для создания дополнительного возбуждения внутри.

– Что видит видящий, созерцая самопоглощенного человека? – поинтересовался я.

– Прерывистые вспышки белого света, сопровождающиеся длинными периодами потускнения, – ответил дон Хуан.

¹⁶ Reason – разум, рассудок

Потом он замолчал. У меня больше не было вопросов. А может, я слишком устал, чтобы спрашивать о чем бы то ни было. Громкий удар, похожий на взрыв, заставил меня подскочить от неожиданности. Входная дверь распахнулась. Вошел Хенаро и, тяжело дыша, рухнул на циновку. Он весь был мокрым от пота.

– Я рассказывал о первом внимании, – сообщил ему дон Хуан.

– Первое внимание работает только с известным, – сказал Хенаро. – Когда имеешь дело с неизвестным, оно не стоит и ломаного гроша.

– Ну, это не совсем верно, – возразил дон Хуан. – Первое внимание очень хорошо работает и с неизвестным. Оно блокирует неизвестное, оно отрицает его настолько яростно, что неизвестное для первого внимания попросту перестает существовать. Осуществление инвентаризации делает нас неуязвимыми. Именно это и было первой причиной ее возникновения.

– О чем это вы? – обратился я к дону Хуану.

Тот не ответил. Он смотрел на Хенаро, словно ждал ответа.

– Но если я открою дверь? – спросил Хенаро. – Сможет ли первое внимание работать с тем, что войдет?

– Твое и мое – не сможет, – сказал дон Хуан. – А его, – он указал на меня, – сможет. Давай попробуем.

– Но он же в состоянии повышенного осознания. Как насчет этого? – спросил Хенаро.

– Это ничего не меняет, – сказал дон Хуан.

Хенаро поднялся, подошел к входной двери и настежь распахнул ее, мгновенно отскочив в сторону. Порыв холодного ветра ворвался в дом. Дон Хуан подошел ко мне и встал рядом. Хенаро сделал то же самое. Они пристально меня разглядывали.

Я хотел закрыть дверь. Я чувствовал некоторое неудобство от холода. Но едва я двинулся к двери, как дон Хуан и Хенаро прыгнули вперед и загородили меня от нее.

– Ты что-нибудь замечаешь в комнате? – спросил Хенаро, обращаясь ко мне.

– Ничего, – совершенно искренне ответил я.

Кроме холодного ветра, который врывался сквозь дверной проем, замечать было нечего.

– Странные существа вошли, когда я открыл дверь, – сказал он.
– Неужели ты ничего не заметил?

По его голосу я понял, что на этот раз он не шутит.

Втроем, они – по бокам, я – посередине, мы вышли из дома. Дон Хуан прихватил с собой керосиновую лампу, а Хенаро запер дверь. Через дверцу для пассажира мы сели в машину, причем меня они втолкнули первым. А потом мы отправились в соседний городок, где находился дом дон Хуана.

Глава 6. Неорганические существа

На следующий день я неоднократно просил дона Хуана объяснить, почему мы так внезапно покинули дом Хенаро. Но он наотрез отказался даже упоминать о том, что произошло. От Хенаро я тоже ничего не добился. В ответ на все мои вопросы он лишь подмигивал с дурацкой ухмылкой.

Во второй половине дня дон Хуан появился во внутреннем дворике своего дома. Я в это время находился там, беседуя с его учениками. Как по команде, все они поднялись и вышли.

Дон Хуан взял меня под руку, и мы двинулись вдоль галереи. Он молчал, и некоторое время мы просто прохаживались вокруг дворика, как будто гуляли по городской площади.

Дон Хуан остановился и повернулся ко мне. Потом он обошел меня, рассматривая с головы до ног. Я знал, что он видит меня. Меня охватила странная усталость, какое-то чувство лени. Я не испытывал его до тех пор, пока глаза дона Хуана не пробежали вдоль моего тела. Неожиданно он заговорил:

– Ни я, ни Хенаро не хотели говорить о том, что случилось ночью, вот по какой причине: когда ты был в неизвестном, ты очень сильно испугался. Хенаро втолкнул тебя туда, и там с тобой что-то происходило.

– Что именно, дон Хуан?

– Объяснить тебе это сейчас по-прежнему сложно, если вообще возможно, – сказал он. – Для того чтобы идти в неизвестное и отдавать себе отчет в том, что там происходит, тебе не хватает свободной энергии. Выстраивая истины об осознании в определенном порядке, видящие увидели, что первое внимание потребляет все свечение осознания, которым обладает человеческое существо. Свободной энергии при этом не остается. Вот в чем твоя нынешняя проблема. Рано или поздно каждому воину предстоит

проникнуть в неизвестное. Поэтому новые видящие рекомендуют сохранять энергию. Но откуда ее взять, если вся она задействована?

Новые видящие говорят: свободную энергию можно добыть искореняя привычки, которые не являются необходимостью.

Дон Хуан остановился и спросил, есть ли у меня вопросы. Я поинтересовался, что происходит со светимостью осознания при искоренении ненужных привычек.

Он ответил, что осознание в этом случае выходит из состояния замкнутости на себе, обретая свободу для концентрации на чем-нибудь другом.

– Неизвестное неизменно присутствует здесь и сейчас, – продолжал дон Хуан. – Однако оно находится за пределами возможностей нашего нормального осознания. Для обычного человека неизвестное является как бы ненужной, лишней частью его осознания. А является оно таковым потому, что для того, чтобы ухватить эту часть себя, обычный человек не обладает достаточным количеством свободной энергии.

Ты идешь по пути воина уже достаточно долго. И способен ухватить неизвестное. На это у тебя свободной энергии хватает. Но для того, чтобы понять неизвестное или хотя бы запомнить его, ее у тебя явно недостаточно.

Затем дон Хуан объяснил, что там, на плоском камне, я погрузился в неизвестное на очень большую глубину. Но пошел на поводу у свойственной моему характеру склонности все преувеличивать и поддался чувству неопишуемого страха. А это был наихудший из всех возможных вариантов поведения в данной ситуации. Когда же, совершенно ошалев, я выскочил из левостороннего сознания, за мной, к сожалению, тянулся хвост из превеликого множества странных вещей.

Я сказал дону Хуану, что он уваливает, и что ему следует прямо сказать мне, какие именно странные вещи я оттуда выволок.

Дон Хуан снова взял меня под руку, и мы двинулись дальше. Он сказал:

– Рассказывая об осознании, я хочу, чтобы все с самого начала было расставлено по своим местам. Поэтому давай-ка немного поговорим о древних видящих. Как я уже отмечал, Хенаро очень похож на них.

И дон Хуан повел меня в большую комнату. Там мы сели, и он продолжил:

– Знания, накопленные за многие века древними видящими, привели новых видящих в ужас. Это и понятно: ведь новые видящие понимали, что это знание ведет только к разрушению. И в то же время они были буквально очарованы им, в особенности – его практической стороной.

– Откуда новым видящим известны практики древних? – поинтересовался я.

– Эти практики – наследство древних толтеков. Новые видящие учатся им по мере своего продвижения. Они редко, если вообще используют их, но как составная часть их знания эти практики все равно существуют.

– Что это за практики, дон Хуан?

– Очень странные непонятные формулы, заклинания, длинные процедуры, посредством которых можно управлять некой исключительно таинственной силой. Таковой, по крайней мере, эта сила была для древних толтеков. Причем они старались всячески замаскировать ее, сделав еще более ужасающей, чем она есть на самом деле.

Я спросил:

– И что же это за таинственная сила?

– Это – сила, присутствующая во всем сущем, – ответил он.

– Древние видящие никогда не предпринимали попыток раскрыть тайну силы, благодаря которой были созданы их секретные практики. Они просто принимали ее как нечто священное. Однако новые видящие занялись ею вплотную. Они называли эту силу волей – волей эманаций Орла, или намерением.

Потом дон Хуан рассказал, что свое тайное знание древние толтеки поделили на пять разделов, каждый из которых объединял две категории: земля и области тьмы, огонь и вода, верх и низ, громкое и безмолвное, движущееся и покоящееся. Вполне возможно, что существовали тысячи разнообразных приемов, с течением времени становившихся все более и более сложными.

– Тайное знание земли, – продолжал дон Хуан, – касалось всего, что на ней находится. Это были определенные наборы движений, слов и снадобий, которые применялись для того, чтобы манипулировать людьми, животными, насекомыми, деревьями, мелкими растениями, камнями, почвой.

Практики, принадлежащие к категории тайного знания земли, сделали древних видящих совершенно жуткими существами. Свое тайное знание они применяли либо для ухода за чем-то, либо для разрушения чего-то существующего на земле.

Противоположной частью тайного знания земли являлось тайное знание областей тьмы. В эту категорию входили самые опасные практики, имеющие дело с неорганическими формами жизни, то есть с существами, населяющими землю параллельно с органическими.

Древние видящие обнаружили, что органическая жизнь является не единственной формой жизни, присутствующей на земле. Это стало, вне всякого сомнения, одним из наиболее ценных открытий. В особенности для самих древних видящих.

Я не совсем понял то, что он сказал, и попросил разъяснить.

– Органические существа – не единственные создания, обладающие жизнью, – сказал дон Хуан и сделал паузу, как бы давая мне возможность осмыслить это утверждение.

Я принялся спорить. Я выдал длинную тираду по поводу определения жизни и того, что считать живым. Я долго говорил о функции воспроизводства, метаболизме, росте, то есть о процессах, отличающих живые организмы от неживых предметов.

– Ты отталкиваешься от органики, – сказал дон Хуан. – Но это – лишь один из примеров. Не стоит обобщать, опираясь только на одну категорию признаков.

– Но как же иначе? – спросил я.

– Для видящих быть живым – значит осознавать, – ответил он. – Для обычного человека осознавать – значит быть организмом. Видящие имеют несколько иную точку зрения. Для них осознавать – значит иметь некую форму, как бы оболочку, в которой заключены эманации, образующие осознание.

Эманации органических существ заключены в кокон. Однако имеются иные категории существ, оболочки которых не похожи на коконы. Однако внутри этих оболочек содержатся эманации, образующие осознание. Кроме того, такие существа обладают целым рядом свойственных жизни характеристик, отличных от репродуктивной функции и метаболизма.

– Каких характеристик, дон Хуан?

– Таких, как эмоциональная зависимость, печаль, радость, гнев и так далее, и тому подобное. Да, я забыл самую прекрасную из них – любовь. Такую любовь, которую человек не может себе даже представить.

– Ты это серьезно, дон Хуан?

– Смертельно серьезно, – невозмутимо ответил он и рассмеялся. – Если в качестве ключа воспользоваться тем, что видят видящие, жизнь предстанет воистину в необычном свете.

– Но если эти существа действительно живые, то почему они не дадут знать о себе людям? – спросил я.

– Они делают это. Все время. Они дают о себе знать не только видящим, но и обычным людям. Беда в том, что вся наличная энергия полностью потребляется первым вниманием. Инвентаризация не только поглощает ее без остатка, но также уплотняет кокон, делая его негибким. В такой ситуации взаимодействие невозможно.

И дон Хуан напомнил мне те случаи, когда я непосредственно сталкивался с неорганическими существами. За время моего ученичества их накопилось бесчисленное множество. Я возразил, что практически каждому из этих примеров я нашел объяснение. Я даже сформулировал гипотезу, согласно которой его обучение с помощью использования галлюциногенных растений вынуждало ученика принять примитивную интерпретацию мира. Я сказал дону Хуану, что, никогда прямо не формулируя определение этой интерпретации как примитивной, в терминах антропологии я назвал ее «более подходящей для социума охотников и собирателей».

Дон Хуан хохотал, пока не начал задыхаться.

– Честное слово, я даже не знаю, когда ты хуже – в нормальном состоянии или в состоянии повышенного осознания, – произнес он наконец. – В нормальном состоянии ты не так подозрителен, но зато до тошноты рационален. Я думаю, больше всего ты мне нравишься, когда находишься глубоко в дебрях левой стороны. Несмотря даже на то, что ты жутко боишься всего, что там есть. Как, например, вчера.

Прежде, чем я смог что-либо сказать, дон Хуан заявил, что для того, чтобы осветить разные стороны подхода и тем самым дать мне более полное представление о тех странных вещах, с которыми я столкнулся, он противопоставляет действия древних видящих достижениям новых.

Затем он вернулся к практикам древних видящих. Еще одно великое открытие, сделанное ими, касалось следующего раздела их секретного знания – огня и воды. Они обнаружили, что пламя обладает весьма интересным свойством – оно может телесно переносить человека. Так же, как и вода.

Дон Хуан назвал это открытие блестящим. Я заявил, что, согласно фундаментальным законам физики, такое невозможно. Он попросил меня не делать никаких выводов, а сначала выслушать все до конца. И еще он отметил, что мне надо бы следить за своим чрезмерным рационализмом, поскольку он постоянно действует на состояние повышенного осознания. Не в смысле всевозможных реакций на внешние воздействия, но в смысле постоянных уступок своим собственным схемам (конструкциям).

Затем дон Хуан рассказал, что хотя древние толтеки определенно видели, они не понимали того, что видели. Они просто пользовались своими находками, не особенно заботясь о том, чтобы соотнести их с более общей картиной. В случае с категориями огня и воды они разделили огонь на тепло и пламя, а воду — на влажность и текучесть. Соотнеся тепло с влажностью, они назвали их малыми свойствами. А пламя и текучесть древние видящие считали высшими, магическими свойствами, используя их для телесного перехода в область неорганической жизни. И как в трясине безнадежно увязли где-то в промежутке между знанием этого типа жизни и своими практиками огня и воды.

Новые видящие согласны с тем, что открытие неорганических живых существ действительно является необычайно важным, однако совсем не в том смысле, в котором его считали важным древние видящие. Оказавшись один на один с другим типом жизни, древние видящие обрели иллюзорное ощущение собственной неувязимости, ставшее для них роковым.

Я захотел, чтобы дон Хуан в подробностях описал мне практики огня и воды. Он сказал, что знание древних видящих было настолько же замысловатым, насколько бесполезным, поэтому он намерен ограничиться только его обзором.

Затем он коротко остановился на практиках верха и низа. Тайное знание верха касалось ветра, дождя, молнии, грома, дневного света и солнца. Тайное знание низа касалось тумана, подземных вод, болот, ударов молнии, землетрясений, ночи, лунного света и луны.

К категориям тайного знания громкого и безмолвного относились манипуляции звуком и тишиной. Практики движущегося и покоящегося были связаны с мистическими аспектами движения и неподвижности.

Я спросил, не может ли дон Хуан привести пример какой-нибудь из упомянутых практик. Он сказал, что за годы нашего общения демонстрировал мне их десятки раз. Я настаивал, утверждая, что все, сделанное им до сих пор, мне удавалось объяснить рационально.

Он не ответил. Казалось, он либо сердится на меня за мои вопросы, либо серьезно задумался, подыскивая подходящий пример. Через некоторое время он улыбался и сказал, что видит очень удачный пример.

– Прием, который я имею в виду, нужно практиковать в мелководном потоке, – сообщил он. – Недалеко от дома Хенаро есть как раз такой, как нужно.

– Что я должен сделать?

– Достань зеркало средних размеров.

Эта его просьба меня удивила. Я заметил, что древние толтеки вряд ли знали о зеркалах. – Они не знали, – улыбнулся дон Хуан. – Это дополнение к технике, введенное моим бенефактором. Древнему видящему нужна была просто какая-нибудь отражающая поверхность.

Затем дон Хуан рассказал, что практический прием, о котором идет речь, заключается в погружении на дно мелководного потока какой-нибудь яркой поверхности. Это может быть поверхность любого плоского предмета, способная хотя бы в некоторой степени отражать изображения.

– Я хочу, чтобы ты вставил зеркало средних размеров в прочную раму из листового металла, – объяснил дон Хуан. – Рама должна быть водонепроницаемой. Поэтому тебе придется залить

ее смолой. И ты должен изготовить ее собственными руками. Когда приготовишь зеркало, мы продолжим.

– А что будет, дон Хуан?

– Не будь таким нетерпеливым. Ты же просил привести пример практики древних толтеков. Я тоже как-то обратился к своему бенефактору с такой просьбой. Думаю, каждый просит об этом в определенный момент обучения. Мой бенефактор рассказывал, что он также когда-то просил привести пример. И его бенефактор – нагуаль Элиас – привел ему такой пример. Он, в свою очередь, привел пример мне. Теперь я собираюсь привести пример тебе.

Когда бенефактор показал мне в качестве примера одну из практик, я не знал, как это работает. Теперь знаю. Когда-нибудь и ты узнаешь, как работает этот прием. Ты поймешь, что за всем этим стоит.

Я решил, что дон Хуан хочет, чтобы я вернулся в Лос-Анджелес и там соорудил раму. Я заметил, что не смогу вспомнить его задания, если не останусь в состоянии повышенного осознания.

– В твоём замечании – две неувязки, – сказал дон Хуан. – Первая: ты не можешь оставаться в состоянии повышенного осознания. Находясь в нем, ты не способен функционировать адекватно, если только я или Хенаро, или кто-то другой из воинов команды нагуаля не будет тебя ежеминутно опекать, как это делаю я в настоящее время. И вторая неувязка: Мексика-то ведь не Луна. И тут тоже есть магазины скобяных товаров. Так что мы вполне можем съездить в Оахаку и купить все необходимое.

На следующий день мы отправились в город и приобрели все, что требовалось для изготовления рамы. За мизерную плату я собственноручно собрал ее в слесарной мастерской. Даже не взглянув на нее, дон Хуан велел мне положить раму в багажник.

Вечером мы выехали и добрались до дома Хенаро на следующий день рано утром. Я поискал Хенаро. Его нигде не было. Казалось, дом пуст.

– Зачем Хенаро нужен этот дом? – поинтересовался я. – Ведь он живет у тебя, верно?

Дон Хуан не ответил. Как-то странно взглянув на меня, он пошел зажечь керосиновую лампу. Я остался один в темной комнате. Я чувствовал огромную усталость. Мне казалось, что это – результат долгой изнурительной поездки по горным дорогам. Захотелось прилечь. В темноте мне не было видно, куда Хенаро сложил циновки. Я споткнулся о них. Они лежали стопкой. И тут я вдруг обнаружил, что знаю, зачем Хенаро нужен этот дом. Хенаро опекал трех учеников-мужчин: Паблито, Нестора и Бениньо. В этом доме они жили, когда находились в состоянии нормального осознания.

Я почувствовал легкость: усталость как рукой сняло. Дон Хуан принес лампу. Я возбужденно рассказал ему о своем озарении. Но он сказал, что это не имеет значения, потому что скоро я все забуду.

Он попросил показать зеркало. Ему понравилось – конструкция была легкой и в то же время прочной. Он обратил внимание на то, что алюминиевую раму для зеркала размером восемнадцать на четырнадцать дюймов я прикрепил к металлическому листу, служившему основой, стальными винтами.

– Рама моего зеркала была деревянной, – сказал дон Хуан. – Эта выглядит лучше. Моя была неуклюжей и слишком непрочной.

– А теперь я расскажу, что нам предстоит сделать, – продолжил он, закончив осматривать зеркало. – Или, наверное, лучше было бы сказать: что нам предстоит попытаться сделать. Вдвоем с тобой мы должны будем положить зеркало на поверхность воды в ручье неподалеку от дома. Ручей достаточно широк и глубина в нем достаточно невелика – как раз то, что нам необходимо. Идея состоит в следующем: позволить текучести воды оказать на нас давление и унести прочь.

Прежде, чем я успел сделать по этому поводу замечание или задать вопрос, он напомнил мне, что в прошлом я уже использовал похожий ручей и добился поразительных успехов в работе с восприятием. Дон Хуан имел в виду пост-эффекты приема

галлюциногенных растений. Я испытывал их несколько раз, лежа в воде оросительной канавы у дома дона Хуана в Северной Мексике.

– Ты побереги свои вопросы до того, как я объясню тебе, что видящие знали об осознании, – сказал он. – Тогда все, что мы делаем, предстанет перед тобой в совершенно ином свете. Но сперва вернёмся к нашей задаче.

Мы подошли к ручью. Дон Хуан выбрал место с плоскими камнями и сказал, что глубина в этом месте вполне соответствует нашим целям.

– Что должно произойти? – спросил я, охваченный возбуждением.

– Не знаю. Я знаю только, что мы попытаемся сделать. Мы будем держать зеркало очень осторожно, но очень крепко. И аккуратно положим его на поверхность воды. А потом позволим ему погрузиться под воду. После этого мы будем удерживать зеркало на дне. Я пощупал дно. Между камнями есть промежутки, в которые поместятся пальцы. Так что мы сможем держать зеркало как следует.

Дон Хуан велел мне сесть на корточки на плоском камне, торчавшем из воды посередине спокойного ручья, и держать зеркало обеими руками за одну сторону, взявшись почти у самых его углов. Сам он опустился на корточки напротив меня, держа зеркало точно так же. Погрузив руки в воду почти по локоть, мы опустили зеркало на дно.

Дон Хуан приказал избавиться от мыслей и созерцать поверхность зеркала. Снова и снова он повторял, что весь фокус в том, чтобы не думать вообще. Слабое течение слегка искажало отражения наших лиц. После нескольких минут устойчивого созерцания зеркала мне показалось, что изображения наших лиц постепенно сделались яснее. А само зеркало увеличилось в размерах и занимало, по меньшей мере, квадратный ярд¹⁷. Течение как бы остановилось, а зеркало стало видно так четко, как будто оно лежало

¹⁷ Один ярд равен трем футам, что составляет приблизительно 91 см.

на самой поверхности воды. Еще более странное впечатление производила необычайная четкость наших отражений. Изображение моего лица было словно увеличенным, причем не в размерах, а в степени фокусировки. Я даже видел поры на коже лба.

Дон Хуан шепотом велел не сосредотачивать взгляд на его или моих глазах, а позволить ему свободно блуждать, не цепляясь ни за какие детали наших отражений.

– Смотри пристально, но не вглядывайся! – снова и снова настойчиво шептал он.

Я сделал то, что он велел, не переставая думать о кажущейся противоречивости этого указания. И в этот момент что-то изнутри меня оказалось как бы пойманным в зеркале, и то, что выглядело противоречивым, обрело смысл.

«Оказывается, можно смотреть пристально, но не вглядываться», – подумал я. И в тот миг, когда была сформулирована эта мысль, возле наших с доном Хуаном голов появилась еще одна. Эта голова была в нижней части зеркала слева от меня.

Я задрожал всем телом. Дон Хуан шепнул мне, чтобы я успокоился и не выказывал ни страха, ни удивления. Потом он снова велел мне пристально, но не вглядываясь, смотреть на прищельца. Я не задохнулся и не выпустил из рук зеркало, но чего мне это стоило! Тело тряслось от макушки до пят. Дон Хуан снова зашептал, веля мне взять себя в руки. Он несколько раз слегка толкнул меня плечом.

Я медленно приходил в себя, обретая контроль над своим страхом. Я глядел на третью голову, и постепенно до меня дошло – голова не человеческая. Это не была также и голова животного. И вообще это была не голова. Это была некая форма, лишенная внутренней подвижности. Когда мысль об этом пришла мне в голову, я вдруг мгновенно осознал, что думаю вовсе не я. Более того, осознание этого не было мыслью. На мгновение я пришел в неопишемое замешательство, а потом мне стало ясно нечто непостижимое. Мысли были голосом, звучавшим у меня в ушах!

– Я вижу! – заорал я по-английски, не издав при этом ни звука.

– Да, ты видишь, – произнес голос по-испански.

Я почувствовал, что охвачен силой, которая сильнее меня. Мне не было больно ни физически, ни морально. Я знал без тени сомнения – ведь так сказал голос, – что мне не удастся нарушить хватку этой силы ни волевым, ни физическим усилием. Я знал, что умираю. Я автоматически поднял глаза, чтобы посмотреть на дон Хуана, и в тот момент, когда наши взгляды встретились, сила отпустила меня. Я был свободен. Дон Хуан улыбался мне так, словно знал в точности, через что мне пришлось пройти.

Я осознал, что стою. Дон Хуан держал зеркало за край, повернув его так, чтобы вода стекала.

В молчании мы вернулись в дом.

– Древние толтеки были буквально околдованы своими находками, – сказал дон Хуан.

– Я их прекрасно понимаю, – отозвался я.

– Я тоже, – согласился дон Хуан.

Охватившая меня сила была настолько мощной, что на несколько часов лишила меня способности разговаривать и даже мыслить. Я был словно заморожен полнейшим отсутствием возможности прилагать волевые усилия. Я уже начал оттаивать, но очень медленно и понемногу.

– Без каких бы то ни было целенаправленных действий с нашей стороны, – продолжил дон Хуан, – данный прием древних толтеков разделится для тебя на две части. С помощью первой ты в достаточной степени познакомишься с тем, что при этом происходит, а с помощью второй мы попробуем добиться того, к чему собственно и стремились древние толтеки.

Я спросил:

– Но что происходило на самом деле, дон Хуан?

– Существует два варианта объяснения. Сначала я изложу тебе версию древних видящих. Они полагали, что отражающая поверхность, будучи погруженной в воду, увеличивает силу воды. Они имели обыкновение созерцать¹⁸ водные объекты. Отражающая поверхность служила им средством ускорения процесса. Древние видящие считали, что наши глаза являются ключом для входа в неизвестное. Вглядываясь в воду, они позволяли глазам открыть путь.

Затем дон Хуан рассказал, что древние видящие заметили: влажность воды только увлажняет и пропитывает, а вот текучесть – перемещает. Тогда они предположили, что текучесть воды есть устремление к поиску иных уровней бытия, лежащих ниже того, в котором пребываем мы. Согласно их верованиям, вода дана нам не только затем, чтобы поддерживать жизнь, но также и в качестве связующего звена, тропы, ведущей к нижележащим уровням.

– А там много уровней бытия? – спросил я.

– Древние видящие насчитали семь, – ответил дон Хуан.

– А тебе эти уровни известны, дон Хуан?

– Я – видящий нового цикла и, следовательно, смотрю на все это несколько иначе, – сказал он. – Я просто стараюсь показать тебе, что делали древние видящие, и рассказать, во что они верили.

Мои взгляды отличаются от взглядов древних видящих. Но это вовсе не значит, что их практики были ущербными. Неправильными были интерпретации, однако истины, в которые верили древние видящие, имели для них вполне практическое значение. В случае, например, с практиками воды древние толтеки были убеждены, что текучесть воды способна телесно транспортировать человека нашего уровня на любой из семи нижележащих, а также переносить сущность человека в пределах нашего уровня в любом направлении вдоль потока реки. Соответственно, они пользовались текущей водой

¹⁸ To gaze into – пристально смотреть (созерцать) внутрь

для перемещения в нашем уровне, а водами глубоких озер и водных источников для погружения в глубины.

Прием, который я тебе показываю, преследует двойственную цель. Во-первых, древние видящие применяли его, чтобы с помощью текучести воды перенестись на первый из нижележащих уровней. Во-вторых, он позволял толтекам лицом к лицу встретиться с живыми существами, на этом уровне обитающими. Помнишь ту форму, которая появилась в нашем зеркале? Похожую на голову? Это и было одно из этих существ. Оно приходило на нас взглянуть.

– Получается, они реально существуют! – воскликнул я.

– Ну, разумеется, – подтвердил дон Хуан.

Он сказал, что древним видящим повредило их заблуждение в настойчивости оставаться приклеенными к своим процедурам. Однако это не снимает действенности сделанных ими находок. Так, например, они обнаружили, что самый верный способ встретиться с одним из существ нижних уровней заключается в использовании водного объема. Причем величина этого объема значения не имеет – и океан, и небольшой пруд одинаково хороши и служат одной и той же цели. Дон Хуан выбрал мелкий ручей только потому, что не любил ходить мокрым. Тот же результат мы могли получить, воспользовавшись озером или большой рекой.

– Представители иного типа жизни приходят на зов человека, чтобы выяснить, в чем дело, – продолжил дон Хуан. – Прием толтеков подобен стуку в дверь, за которой эти существа обитают. Древние видящие говорили, что светлая поверхность на дне служит и приманкой, и окном. Люди и существа нижнего уровня встречаются, подойдя к этому окну.

– Это то, что произошло со мной вчера? – поинтересовался я.

– Древний видящий сказал бы, что вчера ты был втянут силой воды и силой первого уровня. И, кроме того, попал под магнетическое влияние существа, глядевшего на тебя через окно.

– Но в моих ушах звучал голос, и он говорил, что я умираю, – сказал я.

– Голос был прав. Ты умирал, и наверняка умер бы, если бы меня не было рядом. В этом – опасность толтекских практик. Они исключительно эффективны, но в большинстве случаев смертельны.

Я сказал, что, хотя мне и стыдно в этом признаться, я был в ужасе. Я видел эту штуку в зеркале и ощущал охватившую меня силу, и это явно было чересчур...

– Мне бы, конечно, не хотелось заставлять тебя тревожиться, однако пока еще с тобой ничего не произошло, – сказал дон Хуан. – И если дело пойдет так же, как было в моем случае, тебе следует подготовиться к самому жестокому шоку в твоей жизни. И лучше тебе перетрусить сейчас, чем умереть от испуга завтра.

В уме у меня крутилось множество вопросов. Но выговорить хотя бы один из них я не сумел – настолько жуткий страх охватил меня. В горле стоял такой огромный ком, что я не мог сглотнуть слюну. Дон Хуан хохотал до тех пор, пока не закашлялся. Лицо его побагровело. Наконец, ко мне вернулся дар речи. Я начал задавать вопросы, ответами на которые были новые приступы смеха вперемешку с кашлем.

Наконец, дон Хуан произнес:

– Ты представить себе не можешь, насколько все это мне смешно. Я смеюсь вовсе не над тобой, а над ситуацией. В свое время бенефактор заставил меня через все это пройти. И, глядя на проявления твоих эмоций, я не могу не узнавать самого себя.

Я пожаловался на тошноту. Дон Хуан успокоил меня, сказав, что это нормально. В данном случае испуг – вещь совершенно естественная. Пытаться же контролировать страх – неправильно и бессмысленно. Древние видящие пытались подавлять страх даже тогда, когда пугались до безумия. На этом они и попались. Поскольку они не желали отказываться ни от своих поисков, ни от удобных конструкций, они контролировали страх.

– А что мы будем делать с зеркалом дальше? – спросил я.

– Воспользуемся им, чтобы организовать лицом к лицу твою встречу с тем существом, которое ты созерцал вчера.

– И что же происходит при такой встрече?

– Просто одна форма жизни – человеческая – встречается с другой. В нашем случае древний видящий сказал бы, что ты встретился с существом первого уровня текучести воды.

Как объяснил далее дон Хуан, древние видящие полагали, что семь нижележащих уровней – это уровни текучести воды. Поэтому источники имели для них огромное значение. Ведь толтеки думали, что в источнике имеет место обратная текучесть, направленная из глубины к поверхности, и существа нижележащих уровней – то есть иные формы жизни – пользуются ею, чтобы подниматься в наш план бытия, разглядывать нас и за нами наблюдать.

– И в этом смысле древние видящие не ошибались, – продолжал дон Хуан. – Более того, они попали прямо в точку. Существа, которых новые видящие называют союзниками, действительно появляются возле водных источников.

– А то создание в зеркале было союзником? – поинтересовался я.

– Разумеется. Но не таким, какой может быть использован. Традиция использования союзников – я уже рассказывал тебе о ней – берет начало непосредственно от древних видящих. С помощью союзников толтеки совершали чудеса, но все это оказалось бессильным перед лицом реального врага – человека.

– Поскольку эти существа – союзники, они, должно быть, очень опасны, – предположил я.

– Настолько же, насколько опасны мы – люди. Не более и не менее.

– Они способны нас убивать?

– Непосредственно – нет. Но до смерти испугать – безусловно. Они могут пересекать границу самостоятельно. А могут просто подойти к окну. Как ты, наверное, уже понимаешь, древние толтеки тоже не останавливались перед окном, находя странные способы проникновения за него, вниз.

Вторая стадия практики была очень похожа на первую. Все шло по той же самой схеме, правда, на то, чтобы расслабиться и прекратить внутреннее возбуждение¹⁹, мне потребовалось примерно вдвое больше времени, чем в первый раз. Когда это было сделано, отражения наших с доном Хуаном лиц мгновенно прояснились. Примерно час я созерцал зеркало, блуждая взглядом от его отражения к своему и обратно. Я был готов к тому, что союзник может появиться в любой миг, но ничего не происходило. У меня уже болела шея и ныла спина, ноги онемели. Я хотел было опуститься на камень коленями, чтобы несколько уменьшить боль в пояснице. Но дон Хуан прошептал, что в тот миг, когда появится союзник, ощущение дискомфорта улетучится.

И он оказался абсолютно прав. Шок, который я испытал, увидев появившуюся у края зеркала округлую форму, моментально избавил меня от неудобств.

– Что делать дальше? – шепотом спросил я.

– Расслабься и ни на чем не фокусируй взгляд даже на мгновение, – ответил дон Хуан. – Наблюдай за всем, что появляется в зеркале. Пристально гляди, но не вглядывайся.

Я подчинился. Я бегло взглядывал на все, что виднелось в зеркале. В ушах раздался специфический звон. Дон Хуан сказал, что, если я почувствую необычную силу, которая начнет меня охватывать, я должен вращать глазами по часовой стрелке, но ни в коем случае мне не следует поднимать глаза и смотреть на него.

¹⁹ Turmoil – шум, суматоха, беспорядок

Через мгновение я обнаружил, что отражение в зеркале состоит уже не только из наших с доном Хуаном голов и округлой формы. Поверхность зеркала потемнела и покрылась яркими пятнами фиолетового света. Они увеличивались. Там были также пятна сверкающей черноты. Потом все это превратилось в картинку, похожую на плоское изображение облачного неба в лунную ночь. Вдруг все детали изображения стали резкими, картина пришла в движение. Теперь это была трехмерная перспектива глубины, от которой захватывало дух.

Я знал, что нет никакой возможности противостоять немислимой притягательности этого зрелища. Оно начало всасывать меня.

Дон Хуан яростно зашептал, приказывая мне вращать глазами, чтобы не погибнуть. Я подчинился, и тут же почувствовал облегчение. Я снова различал наши с союзником отражения. Потом союзник исчез и снова появился на другом краю зеркала.

Дон Хуан приказал держать зеркало изо всех сил, сохранять спокойствие и не делать резких движений. – Что сейчас будет? – прошептал я.

– Союзник попытается выйти, – был ответ.

Стоило ему это произнести, как я тут же почувствовал мощный рывок. Что-то дергало меня за руки. Рывок был из-под зеркала. Словно некая всасывающая сила создавала равномерное давление по всей поверхности рамы.

– Держи зеркало крепко, но смотри, не разбей, – велел дон Хуан.

– Сопrotивляйся всасывающей силе. Не позволяй союзнику затянуть зеркало слишком глубоко.

Сила, которая тянула нас вниз, была огромна. Я чувствовал, что пальцы мои либо вот-вот оторвутся, либо их размажет по камням. В какой-то момент мы оба потеряли равновесие, и нам пришлось сойти с камней прямо в воду. Ручей был очень мелким, но

вокруг рамы зеркала творилось такое, и сила ударов союзника была столь пугающей, что у меня возникло ощущение, будто мы боремся со стихией посреди огромной реки. Вода вокруг наших ног бешено бурлила. Однако изображения в зеркале оставались четкими и неискаженными.

– Смотри! – воскликнул дон Хуан. – Идет!

Биения сменились мощными толчками снизу. Что-то ухватилось за край зеркала. Не за внешний край – за него держались мы, – а изнутри стекла. Как будто поверхность стекла в самом деле была открытым окном, и что-то или кто-то пытался выкарабкаться сквозь него.

Мы отчаянно сражались. Мы толкали зеркало вниз, когда сила толкала его вверх, и тянули на себя, когда оно вжималось в дно. Согнувшись, мы топтались вокруг него, медленно удаляясь от исходной точки вниз по течению. Глубина увеличивалась, на дне появились скользкие камни.

– Теперь давай вытащим зеркало из воды и вытряхнем союзника, – предложил дон Хуан хриплым голосом.

Тем временем биения и громкий плеск не прекращались. Со стороны это выглядело так, словно мы голыми руками поймали огромную рыбину, и она яростно бьется.

Тут мне пришло в голову, что зеркало, по сути, – это люк. А странная штукавина внутри пытается выбраться сквозь него наружу. Всем своим огромным весом она навалилась на край люка, отодвинув в сторону наши с доном Хуаном отражения. Она была весьма внушительных размеров, и наших отражений не стало видно вообще. Я различал только некую массу, пытавшуюся протиснуться сквозь люк наружу.

Зеркало теперь уже не лежало на дне. Мои пальцы не были прижаты к камням. Нашими усилиями с одной стороны и рывками союзника с другой зеркало удерживалось примерно посередине между дном и поверхностью воды. Дон Хуан сказал, что сейчас он отпустит зеркало и быстро просунет под него вытянутые руки, и что

я должен сделать то же самое и за его руки ухватиться. Тем самым мы увеличим рычаг и сможем приподнять зеркало на предплечьях. Когда дон Хуан отпустил зеркало, оно наклонилось в его сторону. Я быстро просунул под зеркало свои руки, чтобы там схватить руки дон Хуана, но под зеркалом не оказалось ничего. Я на секунду замешкался, и этого было достаточно, чтобы зеркало вырвалось у меня из рук.

– Держи его! Держи! – завопил дон Хуан.

Я поймал зеркало за миг до того, как оно опустилось на камни. Я поднял зеркало, вытащив его из воды, но сделал это недостаточно быстро. Вода была похожа на клей. Вместе с зеркалом я вытащил кусок какой-то резиноподобной массы. Эта масса просто выдернула зеркало у меня из рук и уволокла обратно в воду.

С чрезвычайной ловкостью дон Хуан поймал зеркало и за край без видимых усилий поднял его из воды.

Никогда в жизни я не испытывал подобных приступов меланхолии. Это была какая-то безосновательная печаль, мне казалось, она связана с памятью о глубинах, которые я видел сквозь зеркало. Бесконечная ностальгия по этим глубинам смешивалась с абсолютным страхом перед холодом их одиночества.

Дон Хуан заметил, что для воина совершенно естественно испытывать печаль без каких бы то ни было явных причин. Видящие говорят, что светящееся яйцо как поле энергии начинает чувствовать окончательность своего предназначения, едва лишь нарушены границы известного. Одного краткого взгляда на вечность за пределами кокона достаточно для разрушения того чувства внутренней благоустроенности, которое дает нам инвентаризация. В результате возникает меланхолия, настолько сильная, что может даже привести к смерти. Дон Хуан объяснил, что лучшим средством избавления от меланхолии является смех над ней. И он в шутливом тоне прокомментировал поведение моего первого внимания, сказав, что оно из всех сил старается восстановить порядок, который был нарушен моим контактом с союзником. Поскольку восстановить этот порядок рациональными

способами не удастся никак, первое внимание делает это, сосредотачивая всю свою силу на чувстве печали.

Я сказал ему, что факт остаётся: меланхолия была реальной. Индугировать в ней, оставаться безучастным, быть угрюмым, всё это не имеет отношения к тому чувства одиночества, которое я испытывал, вспоминая те глубины.

– Кое-что наконец-то доходит до тебя, – сказал он. – Ты прав. Нет ничего более одинокого, чем вечность. И ничего более уютного для нас, чем быть человеческими существами. Это действительно еще одно противоречие: как, сохраняя границы человеческого, все же, радостно и целеустремленно, отважиться погрузиться в абсолютное одиночество вечности. Когда бы ты ни разгадал эту загадку, ты будешь готов к решающему путешествию.

И тут мне вдруг с полной определенностью стала ясна причина моей печали. Это было чувство, которое приходило вновь и вновь, исчезая бесследно и не оставляя даже воспоминания о себе. Я понял, что так будет всегда – оно будет уходить, и я буду забывать об этом до тех пор, пока вновь не вспомню о ничтожности человека в сравнении с необъятностью той вещи-в-себе, отражение которой я видел в зеркале.

– Воистину, человеческие существа ничтожны, дон Хуан, – произнес я.

– Я совершенно точно знаю, о чем ты думаешь, – сказал он. – Совершенно верно, мы – ничтожны. Однако именно это и создает решающий вызов. Мы – ничтожества – действительно способны встретиться лицом к лицу с одиночеством вечности.

Он резко сменил тему, прервав меня на полуслове и не дав задать следующий вопрос. Речь пошла о нашем поединке с союзником. Дон Хуан сказал, что, во-первых, борьба с союзником была нешуточной. Конечно, вопрос жизни и смерти в ней не решался, но и развлечением она тоже не была.

– Мой выбор пришелся на этот прием, – продолжал он, – потому что мой бенефактор показывал мне именно его. Когда я

обратился к нему с просьбой продемонстрировать какую-нибудь практику из арсенала древних видящих, он чуть не лопнул от смеха: моя просьба напомнила ему его собственный опыт. Ведь его бенефактор нагуаль Элиас в свое время продемонстрировал ему ту же самую практику, причем сделал это весьма жестко.

Дон Хуан сказал, что рама, которую изготовил он для своего зеркала, была деревянной. Поэтому следовало бы попросить меня соорудить свою тоже из дерева. Но ему хотелось посмотреть, что получится, если рама окажется прочнее, чем была у него, или чем рама, сделанная его бенефактором. И та, и другая сломались, и в обоих случаях союзнику удалось выбраться наружу.

Дон Хуан рассказал, что во время его поединка с союзником тому удалось оторвать раму от зеркала. Они с бенефактором остались стоять с деревянными обломками в руках, а союзник уволок зеркало на дно и выбрался из него наружу.

Бенефактор дона Хуана знал, чего следует ожидать. Пока союзник остается отражением в зеркале, он не выглядит по-настоящему пугающим, поскольку виден только как форма, как некая неопределенная масса. Но стоит союзнику выбраться наружу, как с ним возникают сложности. Во-первых, вид у него действительно устрашающий, а во-вторых, он ужасно надоедлив. Дело в том, что союзникам, покинувшим свой уровень, очень трудно вернуться обратно. Кстати, так же обстоит дело с людьми. Вероятность того, что видящий, отправившись на тот уровень, где обитают союзники, никогда больше здесь не объявится, обычно очень велика.

– Союзник разбил мое зеркало, – рассказал дон Хуан. – И окна, сквозь которое он мог бы вернуться на свой уровень, не стало. Поэтому он увязался за мной. Перекатываясь по земле, он по-настоящему за мной погнался. Дико вопя от ужаса, я ринулся прочь. Я как одержимый носился вверх-вниз по склонам холмов. Союзник не отставал, держась в нескольких дюймах позади меня.

Бенефактор дона Хуана бежал за ним, но, будучи уже очень старым, не мог долго выдерживать такой темп. Однако он догадался

крикнуть дону Хуану, чтобы тот бегал взад-вперед, а он тем временем будет принимать необходимые для избавления от союзника меры. Он кричал, что сейчас разведет костер, а дон Хуан должен бегать по кругу. И бенефактор взялся за дело. Дон Хуан, сходя с ума от страха, носился вокруг холма, а бенефактор собирал хворост.

Дон Хуан признался, что, когда он бегал по кругу, в уме его шевельнулась мысль о том, что бенефактор попросту развлекается, наслаждаясь всей этой историей. Ведь дону Хуану было известно, что его бенефактор – воин, способный извлечь удовольствие из любой мыслимой ситуации. Чем плоха та, в которой они оказались? Был момент, когда дон Хуан так разозлился на бенефактора, что союзник прекратил преследование. Дон Хуан даже остановился и прямо обвинил бенефактора в злобных намерениях. Тот ничего не ответил, но с выражением дикого ужаса на лице взглянул мимо дона Хуана на союзника, маячившего над ними. Дон Хуан тут же забыл о своем праведном гневе и опять принялся накручивать круги.

– Мой бенефактор был поистине дьявольским стариканом, – со смехом продолжал дон Хуан. – Он научился смеяться внутри. По лицу его ничего нельзя было заметить. Он мог притворяться, что плачет или злится, а на самом деле – смеялся. И в тот день, пока союзник продолжал гонять меня по кругу, бенефактор стоял и произносил речь, в которой опровергал выдвинутое мною обвинение. Он говорил долго, но я, пробегая мимо, слышал лишь обрывки фраз. Покончив с этой речью, бенефактор завел еще один длинный разговор о том, как много хвороста ему предстоит собрать, ведь союзник большой, и огонь по величине должен быть таким же, как сам союзник, иначе ничего не получится.

– Только благодаря безумному ужасу мог я продолжать свой бег. В конце концов, бенефактор, должно быть понял, что я вот-вот упаду и умру от переутомления. Тогда он развел костер, за пламенем которого спрятал меня от союзника.

Всю ночь они просидели у костра. Худшими были минуты, когда бенефактор уходил за хворостом, и дон Хуан оставался в

одиночестве. Ему было так страшно, что он поклялся господу оставить путь знания и сделаться фермером.

– Поутру, когда последние капли энергии покинули меня, союзнику удалось толкнуть меня в костер, и я получил сильные ожоги, – добавил дон Хуан.

– А что случилось с союзником? – спросил я.

– Бенефактор никогда мне об этом не рассказывал, – ответил он. – Но у меня такое чувство, что тот по-прежнему бесцельно слоняется где-то, пытаюсь отыскать дорогу обратно.

– А как насчет твоей клятвы Господу?

– Бенефактор сказал, что по этому поводу я могу не волноваться. Обещание было хорошим, но я тогда еще не знал, что выслушивать подобные обещания некому, потому что Бога нет. Есть только эманации Орла, а им давать обещания невозможно.

– Ну, а если бы союзник тебя поймал, что тогда?

– Возможно, я бы умер от испуга, – ответил дон Хуан. – Если бы я знал, что происходит после того, как тебя поймает союзник, я позволил бы ему меня поймать. Ведь я тогда был безрассуден. Когда союзник тебя ловит, ты либо умираешь от разрыва сердца, либо вступаешь с ним в борьбу. В последнем случае, пометавшись немного в притворной свирепости, союзник быстро теряет всю свою энергию. Союзник ничего не может с нами сделать. Так же, впрочем, как и мы – с ним. Ведь нас разделяет пропасть.

Древние видящие считали, что в момент, когда энергия союзника истощается, он отдает свою силу человеку. Тоже мне, сила! У древних видящих союзники буквально из ушей лезли, но сила их не стоила ничего.

Дон Хуан объяснил, что и в этом случае новым видящим пришлось вносить ясность. Они обнаружили, что в зачет идет только одно – безупречность, то есть освобожденная энергия. Действительно известны случаи, когда союзники спасали видящих. Но дело здесь

вовсе не в защитной силе союзников. Просто люди, благодаря своей безупречности, могли воспользоваться энергией, принадлежащей иным формам жизни.

Кроме того, новым видящим удалось внести ясность в самый важный момент из всех, которые касаются союзников. Они определили, чем отличаются пригодные для использования союзники от непригодных. Союзники, которых невозможно использовать, а таких — несметные множества, это те, чьи внутренние эманации не соответствуют никаким из внутренних эманаций человека. Их эманации отличаются от наших настолько сильно, что делают этих союзников совершенно бесполезными. Но есть и другие союзники, отдельные внутренние эманации которых соответствуют некоторым из наших. Правда, встречаются такие союзники чрезвычайно редко.

— Как человек может использовать союзников этого типа? — спросил я.

— Пожалуй, слово «использовать» здесь не совсем подходит, — ответил дон Хуан. — Я бы сказал, что между человеком и союзником происходит честный обмен энергией.

— Каким образом?

— Энергия передается по совпадающим эманациям, — объяснил дон Хуан. — Ты, конечно, понимаешь, что эманации человека, соответствующие эманациям союзника, находятся в левосторонней части осознания, которую обычный человек никогда не использует. По этой причине союзники, полностью отстранены от мира правостороннего осознания или от стороны рациональности.

Дон Хуан сказал, что совпадающие эманации дают основу для контакта между человеком и союзником. По мере углубления знакомства связь становится более тесной. И обе формы жизни уже могут извлечь из этого пользу. Видящего обычно интересует эфирное качество союзника, которое делает последнего замечательным разведчиком и охранником. Союзника же интересует более мощное энергетическое поле человека, с помощью которого союзник иногда может материализоваться.

Опытные видящие манипулируют общими эманациями до тех пор, пока не добиваются полной фокусировки. И тогда происходит обмен. Древние видящие не понимали сути этого процесса и разработали сложные приемы созерцания, предназначенные для погружения в глубины; которые я видел в зеркале.

– В своих погружениях древние видящие пользовались одним весьма замысловатым приспособлением, – продолжал дон Хуан, – веревкой особого плетения, которой они обвязывались вокруг талии. Мягкий утолщенный конец веревки пропитывали каучуком, и ему придавали такую форму, чтобы он плотно вставлялся в пупок наподобие пробки. При каждом погружении видящий прибегал к услугам одного или нескольких ассистентов, задачей которых было держать веревку, пока видящий странствовал в своем созерцании. Естественно, непосредственное созерцание внутри отражения глубокого чистого пруда или озера – вещь намного более ошеломляющая и опасная, чем то, что мы делали с зеркалом.

– А они действительно погружались телесно? – спросил я.

– Человек способен на удивительнейшие действия, – заверил меня дон Хуан. – Особенно тот, который умеет управлять осознанием. И хотя древние видящие и избрали неверный путь, в своих путешествиях в глубины они встречали дивные чудеса. Такая вещь, как встреча с союзником, была для них делом совершенно обычным.

Конечно, теперь ты уже понимаешь, что глубины – выражение фигуральное. Никаких глубин в действительности не существует. Есть только управление осознанием. Однако этого они так и не поняли.

Я сообщил дону Хуану, что на основании его рассказа о встрече с союзником и моего собственного субъективного впечатления от ощущения силы, бьющегося в воде, союзника, я пришел к выводу, что союзники весьма агрессивны.

– Нет, на самом деле они не агрессивны, – сказал он. – И дело здесь не в том, что у них для агрессивности не хватает энергии, а скорее в том, что их энергия – несколько иного типа. Союзники

больше похожи на электрический ток. А существа органические – на тепловые волны.

– Тогда почему же союзник так долго за тобой гонялся, дон Хуан?

– В этом нет никакой загадки. Союзников привлекают эмоции. И больше всего им нравится животный страх. Когда существо его испытывает, выделяется энергия подходящего союзникам типа. Внутренние эманации союзников подпитываются энергией животного страха. Поскольку мой страх не ослабевал, союзник повсюду следовал за ним. Вернее, мой страх поймал его и не позволял ему оторваться.

Затем дон Хуан рассказал, что отношение союзников к животному страху было открыто древними видящими. Этот тип страха нравится союзникам больше всего на свете, и древние видящие доходили даже до таких крайностей, что специально насмерть пугали людей, чтобы подкормить своих союзников. Древние видящие были убеждены в том, что союзники испытывают вполне человеческие чувства. Однако новые видящие увидели, что это не так. Союзников привлекает только энергия, высвобождаемая эмоциями. И не важно, будет это любовь, ненависть или печаль – все работает одинаково эффективно.

Дон Хуан добавил, что, почувствуй он любовь по отношению к тому союзнику, тот все равно последовал бы за ним. Правда, характер преследования был бы несколько иным. Я поинтересовался, прекратил бы союзник погоню, если бы дону Хуану удалось обрести контроль над своим страхом. Дон Хуан ответил, что в контроле над страхом заключался прием, которым пользовались древние видящие. Они настолько им овладели, что даже научились произвольно генерировать страх. Чтобы постоянно держать своих союзников на привязи, они ловили их на свой собственный страх и постоянно подпитывали, выдавая его порциями.

– Древние видящие были ужасными людьми, – продолжал дон Хуан. – Впрочем, прошедшее время здесь неуместно. Они ужасны и

по сей день. Они одержимы властью, они жаждут владеть и повелевать всем и всеми.

– Даже сейчас, дон Хуан? – спросил я, пытаюсь заставить его продолжить рассказ.

Но он сменил тему, сказав, что я упустил потрясающую возможность – быть напуганным сверх всякой меры. То, что я залил щели между рамой и поверхностью зеркала смолой, несомненно, не позволило воде затечь под зеркало. И это сыграло решающую роль: союзнику не удалось разбить зеркало.

– Очень плохо, – сказал дон Хуан. – Может быть, он бы тебе даже понравился. Кстати, во второй раз приходил не тот, который был в первый. Второй идеально тебе подходил.

– А у тебя самого есть собственные союзники, дон Хуан?

– Ты ведь знаешь. У меня есть союзники моего бенефактора. Правда, я не могу сказать, что отношусь к ним так же, как относился он. Он был тихим, но очень страстным человеком и с готовностью отдавал все, чем обладал, включая собственную энергию. Он любил своих союзников и без особых проблем позволял им пользоваться своей энергией для того, чтобы материализоваться. Один из них даже мог принимать уродливую человекообразную форму.

Потом дон Хуан сказал, что, не испытывая особого пристрастия к союзникам, он никогда не давал мне по-настоящему почувствовать, что они из себя представляют. Зато ему самому его бенефактор в полном объеме продемонстрировал их возможности за то время, пока лечил его рану. Началось все с мысли о том, что его благодетель – человек со странностями. Едва избежав когтей мелкого тирана, дон Хуан, как ему показалось, угодил в другую ловушку. Он решил несколько дней выждать, пока силы вернутся к нему, а затем сбежать, когда старика не будет дома. Но старик, видно, прочел его мысли и в один прекрасный день в очень доверительном тоне шепотом сказал дону Хуану, что тот должен поправиться как можно скорее, чтобы они вдвоем смогли ускользнуть от страшного человека, который терроризировал старика. Затем, дрожа от страха и бессилия, старик распахнул

дверь, и в комнату ввалился чудовищный человек с рыбьим лицом. Выглядело это так, словно он все время стоял за дверью и подслушивал. Наружности он был неописуемо жуткой – серо-зеленый, с огромным одним-единственным немигающим глазом, а размером – с дверной проем. Дон Хуан признался, что от удивления и ужаса лишился чувств, а на то, чтобы окончательно избавиться от этого наваждения, ему потребовалось несколько лет.

– А как твои союзники, дон Хуан? Они тебе полезны?

– Трудно сказать. В каком-то смысле я даже люблю союзников, которых передал мне бенефактор. Они способны на невероятную привязанность. Но я не могу постичь их. Бенефактор отдал мне их в качестве компании на тот случай, если я вдруг одиноко затеряюсь где-то в этой безбрежности, которая есть эманации Орла.

Глава 7. Точка сборки

После моей схватки с союзником дон Хуан на несколько месяцев прервал объяснение искусства овладения осознанием. Однако наступил день, когда он снова к нему вернулся. Толчком к этому послужило одно весьма странное событие.

Дон Хуан находился в своем доме в Северной Мексике. Был вечер. Я только что приехал. Дон Хуан тут же перевел меня в состояние повышенного осознания. И я мгновенно вспомнил, что в Сонору дон Хуан возвращается каждый раз, когда ему требуется восстановить силы. Когда-то он объяснил мне, что на нагуале лежит громаднейшая ответственность, поэтому у каждого нагуаля должно быть особое место в физическом мире, где имеет место подходящее слияние энергий. Для дон Хуана таким местом была Сонорская пустыня.

Войдя в состояние повышенного осознания, я заметил еще одного человека. Тот прятался в полумраке внутри дома. Я спросил дон Хуана, здесь ли Хенаро. Дон Хуан ответил, что он один, а тот, кого я заметил в доме — не человек, а один из его союзников, который сторожит дом.

Затем дон Хуан сделал довольно странное движение. Лицо его исказила гримаса то ли удивления, то ли испуга. И в тот же миг на пороге комнаты, в которой мы сидели, возникла жуткая человеческая фигура. Появление этого необычного человека напугало меня до такой степени, что у меня закружилась голова. И прежде, чем я успел оправиться от потрясения, человек бросился ко мне и с леденящей кровью свирепостью схватил за руки. Меня встряхнуло, словно по телу пробежал электрический разряд.

Я онемел от неодолимого ужаса. Дон Хуан улыбался. Я мычал и стонал, пытаясь выдавить из себя крик о помощи, когда меня тряхнуло еще сильнее.

Странный человек еще больше сжал мои руки и попытался свалить меня на пол. Дон Хуан очень спокойно велел мне собраться и не бороться со страхом, а следовать в его потоке.

– Бойся, не приходя в ужас, – сказал он.

После этого дон Хуан подошел ко мне вплотную и, не вмешиваясь в борьбу, прошептал прямо мне в ухо, что я должен максимально сосредоточиться на срединной точке тела.

Когда-то, за несколько лет до этого, я по настоянию дон Хуана тщательно, с точностью до миллиметра, обмерил свое тело и абсолютно точно определил местоположение его срединной точки, как по длине, так и по ширине. Каждый раз он говорил, что эта точка – истинный центр всей энергии каждого из нас.

Как только я сосредоточился на этой точке, человек меня отпустил. Тут до меня вдруг дошло, что то, что я принимал за человека – не человек вовсе, а только человекообразная форма. В тот момент, когда я перестал видеть в этой форме человека, союзник превратился в бесформенный ком мутноватого света. Он двинулся прочь. Я последовал за ним. Какая-то мощная сила заставляла меня идти вслед за этим мутноватым светом.

Остановил меня дон Хуан. Он аккуратно вывел меня на крыльцо и там усадил на ящик, которым пользовался вместо табуретки.

Происшествие взволновало меня, но еще больше я был взволнован тем, насколько быстро и окончательно растаял сковывавший меня страх.

Я сообщил об этом дону Хуану. Дон Хуан сказал, что в столь неуловимом изменении состояния нет ничего странного. Страх перестает существовать, после того как свечение осознания переходит в своем движении внутри кокона чело– века определенный порог.

И дон Хуан начал свой рассказ. Сначала он кратко напомнил мне истины, о которых рассказывал ранее. Не существует никакого

мира объектов, но лишь вселенная энергетических полей, которые видящие называют эманациями Орла. Человеческие существа образованы эманациями Орла и являются, по сути, пузырями светящейся энергии. Каждый из нас окружен коконом, который заключает маленькую порцию этих эманаций. Осознание достигается постоянным давлением, которое эманации вне наших коконов, называемые большими, оказывают на те, которые находятся внутри наших коконов. Это осознание дает начало восприятию, которое имеет место, когда эманации внутри наших коконов настраиваются на соответствующие им большие эманации.

– Следующая истина состоит в том, – продолжил дон Хуан, – что восприятие возможно благодаря точке сборки – особому образованию, функция которого заключается в подборе внутренних и внешних эманаций для настройки. Конкретный вариант настройки, который мы воспринимаем как мир, является результатом того, в каком месте кокона находится точка сборки в данный момент.

Дон Хуан повторил это несколько раз, чтобы дать мне время разобраться. Потом он заметил, что для подтверждения истин об осознании мне требуется энергия.

– Я уже отмечал, – продолжил он, – что, имея дело с мелкими тиранами, видящий учится выполнять некий очень сложный маневр. Так вот, маневр этот заключается в перемещении точки сборки.

Сегодня ты смог воспринять союзника. Это значит, что тебе удалось сдвинуть точку сборки с ее обычного места. Другими словами, твое свечение осознания перешло определенный порог и заодно стерло страх. И произойти все это смогло только потому, что у тебя оказалось достаточно свободной энергии.

Ночью, после возвращения с прогулки по окрестным горам, во время которой дон Хуан работал с моим правосторонним осознанием, он снова перевел меня в состояние повышенного осознания и продолжил свой рассказ. Он сказал, что, прежде чем

начать разговор о природе точки сборки, необходимо остановиться на первом внимании.

Занимаясь исследованием незамеченных древними нюансов функционирования первого внимания и пытаясь объяснить их другим, новые видящие разработали порядок, в котором следует располагать истины об осознании. Дон Хуана заверил меня, что далеко не каждый видящий склонен к объяснениям. Например, его бенефактор – нагуаль Хулиан уделял мало внимания объяснениям. Но дону Хуану повезло – он был знаком с бенефактором своего бенефактора нагуалем Элиасом. А тот считал объяснения довольно важной частью процесса обучения. В итоге к пониманию и подтверждению истин об осознании дон Хуан пришел в результате синтеза обстоятельных объяснений нагуаля Элиаса, обрывочных сведений, которые давал ему нагуаль Хулиан, и собственного видения.

Затем дон Хуан объяснил, что привести в фокус воспринимаемый нами обычный мир первое внимание может лишь выделив и усилив определенные эманации, выбранные из узкой полосы эманаций, в которой находится человеческое осознание. Незадействованные при этом эманации никуда не исчезают. Они остаются в пределах нашей досягаемости, но как бы дремлют. Поэтому мы так ничего и не узнаем о них до конца жизни.

Выделенные и усиленные эманации видящие называют правосторонним или нормальным осознанием, тоналем, этим миром, известным, первым вниманием. Обычный человек называет это реальностью, рациональностью, здравым смыслом.

Выделенные эманации составляют значительную часть полосы человеческого осознания, но лишь малую толику всего спектра эманаций, присутствующих внутри кокона человека. Незадействованные эманации, относящиеся к человеческой полосе, – это что-то вроде преддверия к неизвестному. Собственно же неизвестное составлено основной массой эманаций, которые к человеческой полосе не относятся и выделению никогда не подвергаются. Их видящие называют левосторонним осознанием, нагуалем, другим миром, неизвестным, вторым вниманием.

– Процесс выделения и усиления определенных эманаций был открыт древними видящими, – продолжал дон Хуан. – И они же стали его использовать. Они поняли, что нагуаль – мужчина или женщина – обладая дополнительной силой, способен сдвигать выделяющий фактор с обычных эманаций на соседние с ними. Это действие известно как удар нагуаля.

Дон Хуан рассказал, что древние видящие применяли этот сдвиг на практике для того, чтобы держать в повиновении своих учеников. С помощью удара нагуаля толтеки изменяли состояние осознания учеников, делая его исключительно ярким и впечатляющим. Осознание ученика при этом повышалось, но сам человек становился покорным до беспомощности. Находясь в таком состоянии, ученики осваивали порочные техники, превращавшие их в зловещих типов – точное подобие учителей.

Новые видящие тоже пользуются ударом нагуаля. Но не для достижения низменных целей, а для того, чтобы вести учеников к познанию человеческих возможностей.

Дон Хуан объяснил, что удар нагуаля следует наносить точно по точке сборки, положение которой у разных людей слегка различается. Кроме того, удар должен наноситься нагуалем-видящим. В этом смысле одинаково бесполезно обладать силой нагуаля, но не видеть, и видеть, но не обладать силой нагуаля. И в том, и в другом случае результатом будет самый обыкновенный удар. Простой видящий может колотить точно по нужному месту до бесконечности, но сдвинуть уровень осознания ему не удастся. А нагуаль, который не видит, не сможет попасть туда, куда нужно.

Древние видящие также обнаружили, что точка сборки находится не в физическом теле, а в светящейся оболочке, в самом коконе. Нагуаль определяет ее положение по особенно яркой светимости и не бьет по ней, а скорее ее толкает. От толчка в поверхности кокона образуется впадина. При этом ученик испытывает такое ощущение, словно ударом по правой лопатке у него из легких напрочь вышибли весь воздух.

– Впадины бывают разных типов, да? – поинтересовался я.

– Только двух, – ответил дон Хуан. – Это – вогнутость и щель. Каждая производит различный эффект. Вогнутость – временное образование, производящее временный сдвиг, однако щель – это глубокая и постоянная особенность кокона, вызывающая устойчивый сдвиг.

Обычно отвердевший от самоотражения кокон вообще не поддается удару нагуаля. Однако в некоторых случаях человеческий кокон очень податлив, и даже наименьшее усилие образует в нем чашеобразную впадину. Размер впадины может колебаться от крохотного уплощения поверхности до углубления, занимающего треть всего объема кокона. Может также образоваться и щель, которая пересекает весь кокон поперек или вдоль. Вид она имеет такой, словно кокон как бы свернулся внутрь себя.

Некоторые светящиеся оболочки после удара практически мгновенно приобретают исходную форму. На других впадина может сохраняться в течение нескольких часов или даже дней. Но все равно они сами по себе возвращаются в исходное состояние. Есть и такие, на которых деформация фиксируется. Для приведения их в исходное состояние требуется еще один удар нагуаля – по краю углубления. И лишь очень и очень немногие коконы никогда ни при каких обстоятельствах не приобретают снова форму светящегося яйца, каких бы ударов нагуаля по ним не наносили. После первого удара они изменяют форму раз и навсегда.

Далее дон Хуан рассказал, что углубление на коконе действует на первое внимание, смещая свечение осознания. Впадина давит на эманации внутри светящейся оболочки. Видящий может видеть, как первое внимание сдвигает свое выделение (акцент)²⁰ под воздействием силы этого давления. Впадина, изменяя положение эманаций Орла внутри кокона, заставляет свечение осознания распространиться на эманации, принадлежащие областям, которые обычно недоступны первому вниманию.

Я спросил, видно ли свечение осознания только на поверхности кокона. Дон Хуан ответил не сразу. Казалось, он погрузился в размышление. Прежде, чем он дал ответ, прошло, наверное, минут

²⁰ Emphasis – ударение, акцент, выделение

десять. Он сказал, что обычно свечение осознания видно на поверхности коконов живых существ. Однако после того как человек развивает внимание, светимость его осознания приобретает глубину. Другими словами, свечение осознания передается довольно большому количеству эманаций внутри кокона.

– Манипулируя осознанием, древние видящие знали, что делают, – продолжал дон Хуан. – Они отдавали себе отчет в том, что, создавая в поверхности кокона углубление, можно заставить свечение осознания, уже достигшее некоторых эманаций внутри кокона, распространиться на соседние эманации.

– Ты говоришь так, словно речь идет о физических телах, – сказал я. – Но как может образоваться впадина в чем-то, что является просто светимостью?

– Дело в том, что неким немислимым образом одна светимость создает впадину в другой, – ответил он. – Ты не можешь отрешиться от рассудочной инвентаризации. Но рассудок не способен рассматривать человека как энергию. Рассудок имеет дело с инструментами, создающими энергию. Однако он никогда всерьез не задумывается над тем, что мы – нечто большее, чем инструменты. Мы – организмы, производящие энергию. Мы – пузыри энергии. Разве есть что-то противоестественное в том, что один пузырь энергии делает впадину в другом?

Свечение осознания, созданное вогнутостью кокона, можно с полным правом назвать временно повышенным вниманием. Ведь эманации, которые оно выделяет и усиливает, расположены настолько близко к повседневно используемым эманациям, что изменение минимально. В то же время наблюдается значительное усиление способности понимать и сосредотачиваться, равно как впрочем и способности забывать. Я бы даже сказал, что способность забывать усиливается заметнее всех прочих. Видящие очень точно знали, как можно использовать такое изменение качества внимания. Они видели, что после удара нагуаля резко увеличивается яркость только тех эманаций, которые расположены в непосредственной близости от задействованных в повседневной жизни. Более удаленные остаются нетронутыми. Это означает, что,

находясь в состоянии повышенного осознания, человек способен функционировать так же как в повседневной жизни. Потребность в нагуале мужчине и нагуале женщине стала для них первостепенной, потому что это состояние длится так долго, как долго сохраняется впадина, после чего все испытанное немедленно забывается.

– Почему человек должен забывать, – спросил я.

– Потому что эманации, обеспечивающие большую ясность, перестают быть выделенными, когда воин находится вне повышенного осознания, – ответил он. – Без их выделения, чтобы он не испытал и чему бы не был свидетелем исчезает.

Дон Хуан сказал, что одна из задач, которую новые видящие ставят перед своими учениками – заставить вспомнить. Для этого ученик должен самостоятельно добиться выделения и усиления соответствующих эманаций – тех, которые были задействованы в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан напомнил, как Хенаро неоднократно советовал мне научиться писать не карандашом, а кончиком пальца, чтобы не скапливались груды заметок. Дон Хуан объяснил, что в действительности Хенаро имел в виду, что во время моего нахождения в состояниях повышенного осознания, я должен задействовать некоторые из неиспользуемых ранее эманаций для хранения диалогов и опыта, и однажды вызвать всё это обратно, путём повторного выделения тех эманаций, которые были задействованы.

Затем дон Хуан рассказал мне, что состояние повышенного осознания видно не только как свечение, проникающее глубже внутрь яйцеподобной формы человеческих существ, но также как более интенсивное свечение на поверхности кокона. Хотя, конечно, с яркостью свечения, образованного полным осознанием, это усиление ни в какое сравнение не идет. В случае полного осознания вспыхивает сразу все светящееся яйцо целиком. Этот взрыв света обладает такой силой, что оболочка яйца рассеивается, и внутренние эманации распространяются за все воображимые пределы.

– Но это происходит в каких-то особых случаях, да, дон Хуан?

– Конечно. Это может произойти только с видящим. Никакой другой человек, да и вообще никакое другое живое существо никогда так не вспыхнет. Зато видящие, целенаправленно достигшие состояния абсолютного осознания – зрелище, в высшей степени достойное созерцания. Это момент, когда они сгорают изнутри. Огонь изнутри поглощает их, и в полном осознании они сплавляются с большими эманациями и скользят в вечность.

Мы провели в Соноре еще несколько дней, после чего я отвез дона Хуана в южную часть Мексики, где жил он и воины его команды.

Следующий после нашего приезда день выдался жарким и душным. Я чувствовал лень и какое-то раздражение. Несколько послеполуденных часов были самым неприятным временем в этом городке. Мы с доном Хуаном сидели в удобных креслах в большой комнате. Я сказал, что жизнь в мексиканской провинции не производит на меня благоприятного впечатления. Мне не нравилось чувство, которое безмолвие этого города заставляло меня испытывать. Единственным звуком, который я здесь слышал, были далекие вопли детей. Причем я никогда не мог определить – играют они или орут от боли.

– Находясь в этом городке, ты всегда пребываешь в состоянии повышенного осознания, – объяснил дон Хуан. – А это – совсем другое дело. Но в любом случае тебе необходимо привыкнуть к жизни в подобного рода городишке. Когда-нибудь тебе придется в таком поселиться.

– Но почему мне придется поселиться в подобном городке, дон Хуан?

– Я уже говорил: новые видящие стремятся к свободе. А свобода подразумевает вовлеченность в самые опустошающие вещи. И среди них – целенаправленный поиск перемен. Ты склонен жить так, как живешь. Ты стимулируешь рассудок, просматривая свою инвентаризацию и сравнивая ее с инвентаризациями своих друзей. Эти манипуляции оставляют тебе крайне мало времени на

исследование самого себя и своей судьбы. Но когда-нибудь тебе придется все это бросить. Точно так же, как если бы всем, что тебе известно, был только лишь мертвый покой этого городка, тебе пришлось бы отправиться на поиски другой стороны медали.

– Это то, чем вы здесь занимаетесь, дон Хуан?

– В нашем случае дело обстоит несколько иначе. Ведь мы уже находимся в конце пути. Мы более не ищем ничего. И то, что мы делаем здесь, есть нечто, постижимое лишь для воина. Ничем не занимаясь, мы просто переходим из одного дня в другой. Мы ждем. Я никогда не устану это повторять: мы знаем, что мы ждем, и мы знаем, чего мы ждем. Свобода – вот то, чего мы ждем!

– А теперь, когда ты это знаешь, – с усмешкой добавил он, – давай-ка вернемся к разговору об осознании.

Обычно когда мы беседовали в большой комнате, нас никто не прерывал, и дон Хуан сам решал, когда закончить разговор. Но в этот раз в дверь вежливо постучали. Вошел Хенаро. Он сел в кресло. Я не виделся с ним с того самого дня, когда мы в спешке покинули его дом. На радостях я обнял его.

– Хенаро намерен тебе кое о чем тебе рассказать, – сообщил дон Хуан. – Я уже говорил тебе, что он – мастер осознания. А сейчас я могу тебе объяснить, что это значит. Хенаро может сдвигать точку сборки вглубь светящегося яйца после того, как она была выбита со своего исходного места ударом нагуаля.

– Он уже множество раз сдвигал твою точку сборки после того, как ты входил в состояние повышенного осознания. А в тот день – когда мы были на плоском камне – он заставил ее уйти чрезвычайно глубоко в левую сторону. Настолько глубоко, что это было немного опасно.

Дон Хуан замолчал, как бы собираясь передать эстафету Хенаро. Кивком головы он дал ему сигнал начинать. Хенаро встал и подошел ко мне вплотную.

– Пламя – очень важная штука, – мягко произнес он. – Помнишь, в тот день, когда мы сидели на том большом плоском камне, я заставил тебя смотреть на отражение солнца в куске кварца?

Я вспомнил. В тот день, едва дон Хуан закончил говорить, Хенаро указал мне на преломленный свет, проходивший сквозь гладко отполированный кристалл кварца, который он вытащил из кармана и положил на плоскую поверхность камня. Все мое внимание было мгновенно приковано к сверканию кристалла. Затем я вдруг обнаружил, что лежу, распластавшись на камне, а дон Хуан стоит надо мною с выражением озабоченности на лице.

Я начал было рассказывать Хенаро о том, что вспомнил, но он меня перебил. Наклонившись к самому моему уху, он указал на один из двух бензиновых фонарей, находившихся в комнате.

– Смотри на пламя, – велел он. – В нем нет тепла. Это – чистое пламя. Чистое пламя способно унести тебя в глубины неизвестного.

Пока он говорил, я начал ощущать странное давление. Это была физическая тяжесть. В ушах звенело. Глаза слезились до такой степени, что я едва различал очертания мебели в комнате. Казалось, что фокусировка зрения полностью нарушена. И, хотя глаза мои оставались открытыми, я не мог видеть яркого света бензиновых фонарей. Меня окружала тьма, фосфоресцирующие полосы изумрудно-зеленого цвета слегка освещали темную, похожую на движущиеся облака массу пространства. Потом зрение вернулось ко мне так же неожиданно, как перед этим пропало.

Я не мог понять, где я. Я парил подобно воздушному шару. Я был в полном одиночестве. Меня обуял дикий ужас, и рассудок мой тут же кинулся конструировать объяснение, которое в тот момент имело бы для меня смысл: с помощью света бензиновых ламп Хенаро меня загипнотизировал. Объяснение почти удовлетворило меня. Я спокойно парил, стараясь не волноваться. Я решил, что беспокойства можно избежать, сосредоточившись на стадиях, через

которые я буду проходить в процессе пробуждения к нормальному состоянию.

Первое, что я заметил — я не был самим собой. Я не мог по-настоящему на что-либо смотреть, потому что смотреть было нечем. Я попытался обследовать собственное тело и ничего не обнаружил. Я словно смотрел куда-то вниз, в бесконечное пространство. Но я осознавал. Я воспринимал величественные облака переливающегося лучистого света и массы черноты. И то, и другое пребывало в непрерывном движении. Я ясно видел, как янтарная рябь накатывается на меня подобно медленной гигантской волне океанского прибоя. Я знал, что подобен бую, парящему в пространстве, и что эта волна захватит меня и унесет. Я принял ее как неизбежность. Но прежде, чем волна ударила меня, произошло нечто совершенно неожиданное. Подул ветер, который отнес меня в сторону с ее пути. Сила ветра несла меня с огромной скоростью. Я промчался сквозь яркий многоцветный исполинский тоннель. Взор мой помутился, после чего я ощутил, что просыпаюсь от гипнотического сна, навеянного Хенаро. В следующее мгновение я обнаружил, что снова нахожусь в комнате вместе с доном Хуаном и Хенаро.

Я проспал почти весь следующий день. Вечером мы с доном Хуаном снова сели, чтобы поговорить. Хенаро и до этого был со мной, но комментировать вчерашнее наотрез отказывался.

— Вчера вечером Хенаро снова сдвинул твою точку сборки, — сказал дон Хуан. — Но, похоже, толчок оказался чересчур сильным.

Я воодушевленно принялся рассказывать дону Хуану содержание своих видений. Он слушал с улыбкой. Ему явно было неинтересно.

— Твоя точка сборки сдвинулась со своего исходного положения, — продолжил он. — Поэтому ты начал воспринимать эманации, которые обычному восприятию недоступны. Звучит, вроде бы, совсем невыразительно, верно? И в то же время это — выдающееся достижение, к постижению которого стремятся новые видящее.

Он объяснил, что человеческие существа выбирают для восприятия все время одни и те же эманации по двум причинам. Первая и главная состоит в том, что нас научили – эти эманации доступны восприятию. Ну, а вторая такова: наши точки сборки отбирают и подготавливают для использования именно эти эманации.

– Каждое живое существо имеет точку сборки, которая отбирает эманации, подлежащие выделению и усилению, – продолжал дон Хуан. – Видящий может видеть, одинаковой картиной мира пользуются существа или нет, видя, какие эманации отобраны их точками сборки – одни и те же или различные.

Одним из важнейших прорывов, осуществленных новыми видящими, было открытие того факта, что местоположение точки сборки на коконе не является постоянной характеристикой, но устанавливается на определенном месте привычкой. Этим объясняется то огромное значение, которое новые видящие придают новым непривычным действиям и практикам. Они отчаянно стараются выработать новые привычки, освоить новые способы действия.

– Удар Нагуаля очень важен. Он сдвигает точку сборки с места. Он изменяет ее положение. Иногда он даже формирует на поверхности кокона устойчивую щель. Тогда точка сборки полностью смещается, и качество осознания изменяется до неузнаваемости. Но гораздо важнее правильно понимать истины об осознании, ибо тогда становится ясно: точку сборки можно перемещать изнутри. Горькая правда состоит в том, что человеческие существа всегда проигрывают из-за отсутствия попыток. Они просто не знают своих возможностей.

– А как осуществляется сдвиг изнутри? – спросил я.

– Новые видящие говорят, что осознание²¹ является техникой. – Прежде всего человек должен осознать тот факт, что воспринимаемый нами мир является результатом определенного положения точки сборки на коконе. После того, как понимание

²¹ Realization – осознание, понимание

этого достигнуто точка сборки может быть сдвинута почти по желанию²², как следствие приобретения новых привычек.

Я не совсем понял, что имеется в виду под новыми привычками, и попросил объяснить.

– Сообразно команде Орла, точка сборки человека располагается на коконе в пределах определенной области, – сказал дон Хуан. – Но точное ее местоположение определяется привычкой, постоянно повторяющимися действиями. Сначала мы учимся, что она может располагаться там, а потом сами командуем ей быть там. Наша команда становится командой Орла, и эта точка фиксируется на том месте. Обрати внимание: наша команда становится командой Орла. Древние видящие дорого заплатили за эту находку. И мы к ней еще вернемся.

– Древние видящие сосредоточили свои усилия исключительно на разработке тысяч сложнейших магических техник. Но они так никогда и не поняли, что все их замысловатые приемы, такие же причудливые, как и они сами, были не более чем средствами разрушить фиксацию точки сборки и заставить ее перемещаться. Я попросил объяснить подробнее.

– Я уже говорил когда-то: магия – это тупик, – сказал он. – Я имел в виду то, что магические практики лишены собственной ценности. Они имеют косвенное значение, поскольку их реальная функция – сдвигать точку сборки, заставляя первое внимание отпустить свой контроль над ней.

– Новые видящие определили истинную роль магических приемов, и решили напрямую заняться процессом перемещения точки сборки, отказавшись от всей этой чепухи – ритуалов, заклинаний и прочего. Хотя в жизни каждого воина бывает время, когда ритуалы и заклинания действительно необходимы. Лично я посвятил тебя во все типы магических процедур. Но только для того, чтобы отвлечь твоё первое внимание от самопоглощенности, сила которой намертво фиксировала твою точку сборки.

²² Almost at will

– Навязчивая вовлеченность первого внимания в самопоглощенность или рассудочность является очень мощной фиксирующей силой, и ритуальное поведение, так как оно является повторяющимся, вынуждает первое внимание освободить некоторую энергию от созерцания инвентаризации, вследствие чего точка сборки утрачивает свою жесткость.

– Что происходит с человеком, чья точка сборки утратила жесткость? – спросил я.

– Если он – не воин, то он думает, что теряет рассудок, – с улыбкой ответил он. – Тебе ведь тоже одно время казалось, что ты сходишь с ума. Если же этот человек – воин, он знает наверняка, что сошел с ума. И терпеливо ждет. Видишь ли, если человек здоров и находится в здравом уме, то это означает, что его точка сборки неподвижно фиксирована. Когда она сдвигается, наступает сумасшествие в самом буквальном смысле.

– Воин, чья точка сборки сдвинулась, имеет возможность выбрать один вариант из двух: либо он признает, что болен, и начинает вести себя, как сумасшедший, эмоционально реагируя на те странные миры, которые воспринимает в результате сдвига; либо он бесстрастно и отрешенно ждет, зная, что рано или поздно его точка сборки обязательно вернется на место.

– А если не вернется? – поинтересовался я.

– Такой человек пропал, – ответил дон Хуан. – Он или неизлечимый душевнобольной, чья точка сборки никогда не сможет собрать обычный мир, или непревзойденный видящий, отправившийся в путь к неизвестному.

– А в чем между ними разница?

– В энергии! В безупречности! Безупречные воины никогда не становятся душевнобольными. Они пребывают в состоянии постоянной отрешенности. Я не раз говорил тебе: безупречный видящий может увидеть устрашающие миры, а в следующее мгновение – как ни в чем не бывало шутить и смеяться с друзьями и незнакомыми людьми.

Тогда я сказал дону Хуану то, что говорил уже много раз. Разрушительные ощущения, которые я испытывал после приема галлюциногенных растений, не раз заставляли меня думать, что я серьезно болен. Полная потеря координации во времени и пространстве, болезненные нарушения умственного сосредоточения, галлюцинации или видения странных мест и людей, которые воспринимались как совершенно реальные. Тогда я не мог избавиться от мысли, что теряю рассудок.

– По всем обычным понятиям ты его действительно терял, – пояснил дон Хуан. – Но с точки зрения видящих, даже если ты его теряешь, ты теряешь не так уж много. Потому что рассудок по их представлениям – не более чем самоотражение (саморефлексия) инвентаризации человека.

Потеря самоотражения без разрушения основ в действительности открывает возможность жить бесконечно более сильной жизнью, чем та, которой мы живём, пока сохраняем самоотражение.

– Твое слабое место – склонность к эмоциональным реакциям. Они препятствуют твоему осознанию того, что необычность испытываемых тобой ощущений определяется глубиной, на которую погружается точка сборки внутрь человеческой полосы эманаций.

Я сказал, что не понимаю того, что он объясняет, поскольку образование, которое он называет человеческой полосой эманаций, пока что остается для меня непостижимым. Я представлял его себе как полосу на поверхности шара.

Дон Хуан объяснил, что меня вводит в заблуждение термин «полоса», и что он попытается проиллюстрировать мне, что имеется в виду. Форма светимости человека похожа на головку твердого сыра с вплавленным в нее диском из сыра более темного цвета. Дон Хуан взглянул на меня и усмехнулся. Ему было известно, что я не люблю сыр.

На небольшой доске он нарисовал схему. Он изобразил яйцеобразную форму и разделил ее вдоль на четыре части, сказав, что намерен сразу же стереть разделительные линии, поскольку

нарисовал их только для того, чтобы показать мне, в каком месте кокона расположена полоса. Затем он нарисовал широкую полосу, расположенную между первой и второй частями, и стер разделительные линии. Он еще раз сказал, что полоса похожа на диск чеддера внутри головки твердого сыра.

– Теперь представь себе, что твердый сыр – прозрачен, и ты получишь точную копию человеческого кокона, – подвел он итог. – Диск чеддера проходит насквозь через всю головку сыра – от передней поверхности до задней.

– Точка сборки расположена высоко, примерно на уровне в три четверти высоты кокона, на его поверхности. Когда нагуаль надавливает на эту точку интенсивной светимости, она углубляется в диск чеддера. Состояние повышенного осознания наступает, когда яркое свечение точки сборки заставляет светиться эманации, дремлющие внутри диска чеддера. Когда видишь, как свечение точки сборки уходит внутрь диска, кажется, что точка сборки сдвигается влево по поверхности кокона.

Дон Хуан повторил свой пример три или четыре раза, но я все равно не понял, и ему пришлось продолжить объяснение. Он сказал, что впечатление, будто точка сборки движется влево, возникает вследствие прозрачности кокона, однако на самом деле она движется внутрь, к центру светящегося яйца, в толще человеческой полосы.

Я отметил, что он говорит так, словно для того, чтобы видеть движение точки сборки, видящие пользуются глазами.

– Человек не относится к непознаваемому, – объяснил он. – И светимость человека можно видеть почти так, как если бы использовались только глаза.

– Древние видящие видели движение точки сборки, но им никогда не приходило в голову, что это движение направлено вглубь. Идя на поводу у той картинки, которую видели, они ввели термин «сдвиг влево». Новые видящие оставили этот термин в употреблении, хотя им и известно, что он не соответствует истинному положению вещей.

– За время нашего с тобой общения я сдвигал твою точку сборки бесчисленное количество раз. Кстати, и в данный момент она сдвинута. Поскольку это всегда – сдвиг вглубь, ты не утрачиваешь чувства тождественности, индивидуальности²³, хотя при этом и задействуются неиспользуемые в обычном состоянии эманации.

– После того, как нагуаль сталкивает точку сборки с ее места, она останавливается где-то в пределах человеческой полосы, причем не важно, где именно, поскольку в любом случае там лежит нетронутое пространство.

– Новые видящие разработали для проверки своих учеников превосходный тест. Ученик должен отследить путь, который его точка сборки проделала под воздействием нагуаля. Когда ему это удастся, говорят, что он вновь обрел целостность себя.

– Новые видящие утверждают, что по мере роста человека, сфокусировавшись на человеческой полосе эманаций и выбрав некоторые из них для усиления, свечение осознания попадает в замкнутый круг. Чем сильнее выделяются определенные эманации, тем более жесткой становится фиксация точки сборки. Это эквивалентно тому, что наша команда становится командой Орла. Само собой разумеется, что к тому моменту, когда наше осознание развивается в первое внимание, эта команда становится настолько сильной, что разорвать порочный круг и заставить точку сборки сдвинуться – воистину величайшее достижение.

Дон Хуан сказал, что точка сборки также отвечает за то, что первое внимание воспринимает пучками. Примером пучка эманаций, которые вместе выделяются и усиливаются, может служить человеческое тело в том виде, как мы его обычно воспринимаем. Остальная же часть нашего существа – светящийся кокон – никогда не выделяется. Она обречена на забвение. Для достижения этого результата точка сборки заставляет нас не только воспринимать пучки эманаций, но и игнорировать эманации.

Я настоятельно потребовал подробнее остановиться на блочной организации восприятия. Дон Хуан объяснил, что точка сборки

²³ Sense of identity

излучает свечение, группирующее вместе связки внутренних эманаций. Эти связки, затем, становятся настроенными, как связки, на большие эманации. Объединение в пучки происходит даже тогда, когда видящий имеет дело с эманациями, которые никогда ранее не использовались. Как только они выделены, мы воспринимаем их так же, как воспринимаем пучки первого внимания.

– Одним из величайших моментов в развитии традиции новых видящих, – продолжал дон Хуан, – был момент, когда они обнаружили: неизвестное суть всего лишь эманации, которые игнорирует первое внимание. Их – множество, они составляют огромную область, однако, заметь, область, в которой возможна организация блоков. А непознаваемое – это бесконечность, где наша точка сборки не может сгруппировать ничего.

– Точка сборки подобна светящемуся магниту: перемещаясь в пределах человеческой полосы, она притягивает эманации и группирует их. Открытие, сделанное новыми видящими, было действительно великим, ведь неизвестное теперь предстало в совершенно новом свете. Новые видящие заметили, что некоторые из навязчивых видений древних толтеков – видений, постичь которые было практически невозможно – совпадали со смещением точки сборки в зону человеческой полосы, диаметрально противоположную тому месту, где точка сборки находится в нормальном состоянии. Это были видения темной стороны человека. Я спросил:

– Почему ты называешь ее темной стороной?

– Потому что она мрачна и связана с дурными предзнаменованиями. Это – не просто неизвестное, это – то, что совершенно ни к чему знать.

– А как насчет эманаций, которые находятся внутри кокона, однако лежат вне человеческой полосы? Их можно воспринять?

– Можно. Но то, как это происходит, описанию не поддается. Ведь они относятся не к человеческому неизвестному, как в случае незадействованных эманаций человеческой полосы, а к почти неизмеримо огромной области неизвестного, где не просматривается

ни одной человеческой черты. Эта область настолько ошеломляюще обширна, что описать ее вряд ли смог бы даже самый великий из видящих.

Тогда я в очередной раз выдвинул тезис, что тайна явно находится внутри нас.

– Тайна – вне нас, – сказал он. – Внутри – только эманации, которые стараются разрушить кокон. И этот факт сбивает нас с толку, независимо от того, воины мы или обычные люди. И только новые видящие могут в этом разобраться. Они стремятся видеть. И, перемещая точку сборки, приходят к пониманию того, что тайна заключена в восприятии (тайной является восприятие). Причем не столько в том, что именно мы воспринимаем, сколько в том, что заставляет нас воспринимать.

– Я уже говорил тебе: наши органы чувств способны воспринять все, что угодно. Так считают видящие. Они верят в это, ибо видят, что то, что воспринимают наши органы чувств, диктуется положением точки сборки.

– И если точка сборки настраивает эманации внутри кокона, находясь в положении, отличном от нормального, человеческие органы чувств начинают воспринимать мир самым непостижимым образом.

Глава 8. Положение точки сборки

В следующий раз дон Хуан возобновил рассказ о владении осознанием, когда мы находились в его доме в Южной Мексике. Фактически дом принадлежал всем членам команды нагуаля. Но официальным его владельцем считался Сильвио Мануэль. Поэтому все обычно говорили об этом доме, как о доме Сильвио Мануэля, хотя я, по какой-то непонятной причине, привык называть его домом дона Хуана.

Дон Хуан, Хенаро и я вернулись в дом после поездки в горы. В тот день нам пришлось долго ехать по горной дороге, поэтому по возвращении мы сначала отдохнули, так что обед получился поздним. После обеда я спросил у дона Хуана, что это за любопытная уловка – называть дом домом Сильвио Мануэля. Дон Хуан заверил меня, что никакой уловки тут нет. Просто, называть его домом Сильвио Мануэля было упражнением в искусстве сталкинга, исполняемым всеми членами партии нагуаля. Настаивать на том, чтобы думать о доме в любых других терминах, для любого из них было равносильным отрицанию их связи с партией нагуаля.

Я сказал, что он напрасно не сказал мне об этом раньше. Ведь мне вовсе не хотелось своими привычками вносить диссонанс в сложившиеся отношения.

– Ты можешь по этому поводу не волноваться, – с улыбкой сказал дон Хуан. – Ты вправе называть этот дом, как тебе заблагорассудится. Ты – нагуаль, а нагуаль обладает авторитетом. Женщина-нагуаль, к примеру, называет его домом теней.

Потом наш разговор прервался, и я не видел дона Хуана до тех пор, пока через пару часов он не послал кого-то позвать меня во внутренний дворик.

Они с Хенаро прогуливались в дальнем конце галереи. Я видел, как движутся их руки. Было похоже, что они беседуют, подкрепляя слова интенсивной жестикуляцией.

Стоял ясный солнечный день. Косые лучи послеполуденного солнца падали прямо на цветочные горшки, свисавшие с карниза

крыши. Тени от них ложились на северную и восточную стены внутреннего дворика. Резкий желтый солнечный свет, массивные черные тени горшков и тонкие изящные кружева теней хрупких цветущих растений... Эта картина завораживала и ошеломляла. Кто-то, обладавший исключительным чувством гармонии и порядка, очень точно подобрал места для растений, чтобы получить столь потрясающий эффект.

Словно прочтя мои мысли, дон Хуан сообщил:

– Это сделала женщина-нагуаль. Днем, когда солнце начинает опускаться, она созерцает тени.

Я представил себе, как она смотрит на послеполуденные тени. Этот образ мгновенно опустошил меня. Яркий желтый свет этого часа, покой городка и привязанность, которую я питал к женщине-нагуалью, в один миг сплывали во мне, вызвав ощущение всего одиночества бесконечного пути воина.

Когда-то дон Хуан рассказывал мне о конечной цели этого пути. Он говорил, что новые видящие – воины абсолютной свободы и что единственное, чего они ищут – это окончательного освобождения, которое приходит, когда они достигают полного осознания. И теперь, глядя на причудливые тени на стене, я вдруг с пронзительной ясностью осознал, что имела в виду женщина-нагуаль, когда говорила, что только чтение стихов вслух освобождало то, что принадлежало ее духу. Я помнил, как за день до этого она кое-что читала мне здесь в патио, но я не совсем понял ее настойчивость, ее страстное стремление²⁴. Это было стихотворение Хуана Рамона Хименеса «Hora Immensa» (Бесконечная страсть), которое, сказала она мне, синтезировало для нее одиночество воина, который живет, чтобы убежать к полной свободе: ✨

*Только колокол и птица нарушали безмолвие...
Казалось, эти двое говорили с садящимся солнцем.
Золотом окрашенное безмолвие, вечер,
сотканный из кристаллов.
Блуждающая чистота качала прохладные деревья,
И за всем этим –
Прозрачная река снов, перекачиваемая
по жемчужинам.
Она выпрыгивает на свободу и течет в бесконечность.*

Только колокол и птица нарушали безмолвие...
 Казалось, эти двое говорили с садящимся солнцем.
 Золотом окрашенное безмолвие, вечер,
 сотканный из кристаллов.
 Блуждающая чистота качала прохладные деревья,
 И за всем этим –
 Прозрачная река снов, перекаत्याющаяся
 по жемчужинам,
 Она вырывается на свободу и течет в бесконечность.

²⁴ Longing - сильное желание, стремление, жажда чего-л. (for, after).

Дон Хуан и Хенаро подошли и смотрели на меня с удивлением.

– Что же мы в действительности делаем, дон Хуан? – спросил я.
– Может войны просто готовятся к смерти?

– Ни в коем случае, – ответил он, потрепав меня по плечу. – Войны готовятся к тому, чтобы быть осознающими, и полное осознание приходит к ним только тогда, когда в них больше не остаётся самозначительности. Лишь став ничем, воин становится всем.

Мы немного помолчали. Потом дон Хуан спросил, не мучит ли меня чувство жалости к себе. Я не смог ответить однозначно.

– Но ведь ты не жалеешь, что находишься здесь? – спросил дон Хуан с едва заметной улыбкой.

– Нет, конечно, – заверил его Хенаро. Потом он вроде бы на минуту усомнился в справедливости своих слов. Он почесал затылок и, приподняв брови, взглянул на меня. – А может, жалеешь? А?

– Нет, конечно, – на этот раз сказал дон Хуан, обращаясь к Хенаро. Потом он повторил все жесты Хенаро – почесал затылок, выгнул брови, взглянул на меня и спросил, – А может, жалеешь? А?

– Да нет же! – воскликнул Хенаро, и оба они покатались со смеху. Когда они успокоились, дон Хуан объяснил, что самозначительность является той силой, которая мотивирует любые приступы меланхолии. И добавил, что воин имеет право на состояния глубочайшей печали, но печаль эта дается ему лишь для того, чтобы заставить его смеяться.

– А сейчас Хенаро покажет тебе кое-что. Поверь, это намного занятнее, чем вся жалость к самому себе, на которую ты способен, – продолжил дон Хуан. – Это связано с положением точки сборки.

Хенаро тут же начал ходить вокруг по галерее, выгнув спину и поднимая колени к груди.

– Ходить таким образом его научил нагуаль Хулиан, – шепотом объяснил дон Хуан. – Это называется походкой силы. Хенаро знает несколько типов походки силы. Следи за ним неотрывно.

Движения, которые совершал Хенаро, воистину обладали гипнотической силой. Я обнаружил, что следую за его движениями сначала – глазами, а потом и ногами. Я копировал его походку. Обойдя дворик вокруг, мы остановились.

Пока мы шли, я заметил, что каждый шаг приносит мне ощущение необычайной ясности. Когда мы остановились, я был в состоянии острой бдительности. Я слышал каждый звук, я улавливал любое малейшее изменение освещенности, меня охватила навязчивая жажда действия. Я ощущал всплеск чрезвычайной агрессивности, мышечной силы и дерзости. И в то же мгновение я увидел расстилавшуюся передо мной обширную плоскую равнину. Прямо за моей спиной возвышался лес – огромная стена гигантских деревьев. Лес был темным и зеленым. Желтую равнину заливал яркий солнечный свет.

Я дышал глубоко и непривычно быстро, но чувствовал, что это – нормально. Однако именно ритм дыхания заставлял меня приплясывать на месте. Мне хотелось сорваться в галоп, вернее, этого хотелось моему телу, но в тот миг, когда я ринулся вперед, что-то остановило меня.

Рядом были дон Хуан и Хенаро. Мы с Хенаро шли по галерее. Хенаро был справа от меня. Он навалился на меня плечом. Я ощутил вес его тела. Он мягко толкал меня влево. Мы повернули под прямым углом и двинулись к восточной стене дворика. На мгновение у меня возникло странное ощущение: мне показалось, что сейчас мы пройдем сквозь стену. Я даже приготовился к столкновению с ней, но мы резко остановились, почти в нее упершись.

Я стоял лицом прямо к стене. Они оба тщательно меня осматривали. Я знал, что их интересует: они хотели удостовериться в том, что я сдвинул свою точку сборки. Я знал также, что сдвинул ее, поскольку настроение мое изменилось. Они тоже явно об этом знали.

Аккуратно взяв под руки, они молча повели меня в другой конец галереи к темному узкому коридору, соединявшему внутренний дворик с остальными частями дома. Там мы остановились. Дон Хуан и Хенаро отошли от меня на несколько футов.

Они оставили меня стоять лицом в сторону дома, внутри которого царил густой полумрак. Я смотрел внутрь пустой темной комнаты. Я ощутил физическую усталость. Я чувствовал вялость и безразличие и в то же время – недюжинную духовную силу. И понял: что-то мною утрачено. В моем теле не было силы, я едва держался на ногах. В конце концов, ноги не выдержали, я опустился и сел, а потом улегся на бок. Я лежал там, охваченный всепоглощающими мыслями о Господе и добре.

Потом я вдруг оказался в церкви, перед главным алтарем. Золоченые барельефы сияли в свете тысяч свечей. Я увидел темные мужские и женские фигуры. На гигантских носилках они несли исполинское распятие. Отойдя с их пути, я вышел из храма. Я увидел множество людей, море свечей. Все они двигались по направлению ко мне. Я ощутил потрясающий подъем. Я ринулся к ним. Мною двигала бесконечная всеохватывающая любовь. Я жаждал быть с ними, молиться вместе с ними Господу, мне оставалось пробежать всего несколько футов, и я бы слился с массой людей. Но тут что-то смахнуло меня прочь.

В следующее мгновение я снова был с доном Хуаном и Хенаро. Втроем мы лениво брели по внутреннему дворику.

На следующий день во время обеда дон Хуан объяснил, что Хенаро с помощью походки силы сдвинул мою точку сборки. Удалось это ему потому, что я находился в состоянии внутреннего безмолвия. Дон Хуан напомнил мне, что ключевым моментом во всем, что делают видящие, является остановка внутреннего диалога. Он говорил мне об этом множество раз с самого начала нашего общения. И он подчеркивал снова и снова, что именно внутренний диалог фиксирует точку сборки в ее исходном положении.

– Стоит достичь безмолвия – и все становится возможным, – заявил он.

Я сказал ему, что вполне отдаю себе отчет в том, что мне, в общем-то, удалось прекратить внутренние разговоры с самим собой. Но я понятия не имел, каким образом это произошло. Если бы у меня спросили, за счет каких действий я этого добился, я бы затруднился ответить.

– Объяснение – сама простота, – сказал дон Хуан. – Ты повелел²⁵ это. Тем самым ты установил новое намерение, новую команду. Ну, а потом твоя команда сделалась командой Орла.

– Это – самая необычайная из находок новых видящих. Наши команды могут становиться командами Орла. Внутренний диалог останавливается за счет того же, за счет чего начинается: за счет действия воли. Ведь начать внутренний разговор с самими собой мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они задействуют свою волю, а мы задействуем свою, как и они, не отдавая себе в этом отчета. Обучаясь говорить с собой, мы обучаемся управлять волей. Это наша воля – разговаривать с собой. И, чтобы прекратить внутренний разговор с собой, нам следует воспользоваться тем же самым способом: мы должны повелеть это, мы должны намереваться этого²⁶.

Несколько минут мы молчали. Потом я спросил, кого он имел в виду, говоря об учителях, которые учили нас говорить с собой.

– Я говорило том, что происходит с человеческим существом в младенчестве, – ответил дон Хуан. – В это время все, кто его окружает, учат его повторять непрекращающийся диалог о нем самом. Постепенно диалог усваивается и только исключительно эта сила удерживает точку сборки фиксированной.

– По утверждению видящих, каждый ребенок окружен сотнями учителей, которые учат его, в каком точно месте следует зафиксировать точку сборки.

– Ведь поначалу точка сборки ребенка не фиксирована. Эманации внутри его кокона перемешаны и находятся в

²⁵ You *will* it (will – воля) – ты изъявил волю этого

²⁶ We must *will* it, must *intend* it

суматошном движении. Точка сборки при этом гуляет по всей человеческой полосе. Поэтому ребенок может с необычайной силой сфокусировать внимание на эманациях, которые в дальнейшем будут полностью изъяты из употребления и напрочь забыты. Но ребенок растет. Его окружают взрослые человеческие существа. С помощью своей значительной власти над ним, посредством увеличения сложности внутреннего диалога, они заставляют его точку сборки стать более устойчивой. Внутренний диалог – это процесс, постоянно укрепляющий позицию точки сборки. Ведь ее позиция – вещь произвольная и нуждающаяся в постоянном укреплении.

– Дело в том, что очень многие дети видят. Но большинство из тех, которые видят, считаются детьми с отклонениями от нормы. И окружающие прилагают все возможные усилия к тому, чтобы сделать фиксацию их точек сборки более жесткой.

– А можно ли помочь ребенку сохранить подвижность точки сборки? – спросил я.

– Только если он живет среди новых видящих, – сказал дон Хуан. – Иначе он попадет в ту же ловушку, что и древние толтеки, и запутается в закоулках безмолвной стороны человека. А это, поверь мне, намного хуже, чем угодить в тиски рассудочности.

Затем дон Хуан выразил глубокое восхищение человеческой способностью вносить упорядоченность в хаос эманации Орла. Он сказал, что считает любого человека выдающимся мастером магии, искусство которого состоит в умении сохранять непоколебимую фиксацию точки сборки.

– Сила больших эманаций, – продолжал дон Хуан, – заставляет нашу точку сборки отбирать определенные эманации и соединять их в пучки для настройки и восприятия. Это – команда Орла. Однако все то значение²⁷, которое мы придаем тому, что воспринимаем – это наша команда, наше магическое искусство.

²⁷ All the meaning – все то значение, весь тот смысл

– В свете того, что я тебе объяснил, чем-то исключительно сложным и в то же время очень простым оказывается то, что вчера делал с тобой Хенаро. Сложным – поскольку от всех потребовалась огромная дисциплина: внутренний диалог должен был быть прекращен, состояние повышенного осознания – достигнуто, и кто-то должен уйти прочь вместе с точкой сборки. Однако объяснение, стоящее за этими сложнейшими процедурами очень просто. Новые видящие говорят: поскольку точное положение точки сборки является произвольной позицией, выбранной для нас нашими предками, ее можно сдвигать относительно легко (с относительно небольшим усилием); когда же точка сборки сдвинута, она изменяет настройку эманаций, формируя тем самым новое восприятие.

– Растения силы я давал тебе для того, чтобы заставить твою точку сборки двигаться. Они могут оказывать такое воздействие. Но точно так же могут действовать голод, усталость, болезнь и прочие подобные вещи. Ошибка обычного человека в том, что он считает, что результаты сдвига проявляются только на ментальном плане. Как ты мог убедиться, это не так.

Затем дон Хуан рассказал, что в прошлом моя точка сборки сдвигалась множество раз – так же, как она сдвинулась вчера – и что в большинстве случаев миры, которые она собирала, были настолько близки к обычному миру нашей повседневности, что фактически являлись мирами-призраками. И он подчеркнул, что видения такого типа новыми видящими автоматически отбрасываются.

– Подобного рода видения – продукт человеческой инвентаризации, – продолжал дон Хуан. – Они не имеют никакой ценности для воина, стремящегося к абсолютной свободе, поскольку формируются за счет бокового сдвига точки сборки.

Дон Хуан замолчал и взглянул на меня. Я знал, что под «боковым сдвигом» он понимает перемещение точки сборки не вглубь человеческой полосы, а поперек – от края к краю. Я спросил, правильно ли я понял.

– Именно это я имел в виду, – подтвердил он. – По обоим краям человеческой полосы находятся странные скопления мусора – невообразимые кучи человеческого хлама. Этакий склад зловещих патологий. Для древних видящих он имел огромную ценность, но не для нас.

– Угодить в него – проще простого. Вчера мы с Хенаро хотели ускоренными темпами привести тебе пример такого бокового сдвига. Поэтому мы вели твою точку сборки. Но в принципе любой человек может попасть в этот хламник, просто остановив внутренний диалог. Если сдвиг минимален, результатом является то, что называют игрой воображения. Если же сдвиг существенен, возникает то, что известно как галлюцинации.

Я попросил объяснить, как осуществляется процесс ведения точки сборки. Он сказал, что при наличии внутреннего безмолвия фактором, который захватывает точку сборки, является не столько вид походки силы, сколько ее звук. Ритм мягких шагов мгновенно притягивает силу настройки внутренних эманаций, которая высвободилась благодаря внутреннему безмолвию.

– Эта сила тут же цепляется за края полосы, – продолжал дон Хуан. – На правом краю мы обнаруживаем бесконечные видения физической активности, насилия, убийств, чувственных проявлений. На левом краю – духовность, религиозность, все, что связано с Богом. Мы с Хенаро провели твою точку сборки от края до края, чтобы дать тебе представление обо всей куче человеческого хлама в целом.

Как бы для закрепления, дон Хуан еще раз напомнил мне о том, что одним из самых таинственных аспектов знания видящих являются невероятные эффекты внутреннего безмолвия. Когда оно установлено, путы, приковывающие точку сборки к определенному месту, начинают рваться, и она получает свободу движения.

Обычно она движется влево. Это – наиболее естественное направление сдвига. Однако некоторые видящие могут смещать точку сборки вниз от того места, где она обычно расположена. Новые

видящие так и называли такое перемещение точки сборки – "сдвиг вниз".

– Иногда видящим приходится страдать от случайных сдвигов вниз, – продолжал дон Хуан. – Точка сборки не остается в нижнем положении надолго, и это – к счастью, поскольку внизу – место зверя. Сдвиг вниз идет вразрез с нашими интересами, хотя это и самое простое, чего можно добиться.

– В своем подходе древние видящие допустили множество ошибок. И одной из наиболее прискорбных стал сдвиг в неизмеримо огромную область, расположенную ниже исходной позиции точки сборки. Благодаря такой практике древние видящие стали мастерами по части принятия форм животных. В качестве точек отсчета они выбирали различных животных, называя их своим нагуалем. Толтеки верили, что, сдвигая точку сборки в определенные положения, они приобретают свойства избранных ими животных – их силу, мудрость, коварство, ловкость или свирепость.

– Даже в среде современных видящих встречается довольно много страшных примеров подобного рода практик. Относительная легкость, с которой точка сборки сдвигается в нижние позиции, делает их весьма заманчивыми, особенно для тех видящих, кто от природы склонен к сдвигу в этом направлении. Поэтому долг нагуаля – проверять своих воинов.

Затем дон Хуан рассказал мне, что проверял меня на сдвиг вниз, когда я находился под воздействием растения силы. Он вел мою точку до тех пор, пока я не смог выделить воронью полосу эманаций, в результате чего превратился в ворону.

Тогда я задал дону Хуану вопрос, который задавал уже не один десяток раз. Я хотел знать, превращался я в ворону физически или только мыслил и чувствовал как ворона. Дон Хуан объяснил, что сдвиг точки сборки в нижележащие области всегда вызывает полную трансформацию. И добавил:

– Если в своем движении вниз точка сборки переходит некий критический порог, мир исчезает, перестает быть тем, чем он является для нас на человеческом уровне.

Дон Хуан признал, что моя трансформация тогда была ужасающей по всем параметрам. Реакция же моя на тот опыт показала ему, что я не склонен к сдвигам в этом направлении. Если бы дело обстояло иначе, мне пришлось бы затратить массу энергии для преодоления стремления остаться внизу, где многие видящие чувствуют себя наиболее уютно.

Далее дон Хуан рассказал, что нечаянные сдвиги вниз периодически случаются с каждым видящим. Однако по мере того, как точка сборки смещается все дальше и дальше влево, сдвиги эти происходят все реже. Каждый раз, когда происходит такой непредвиденный сдвиг, сила видящего значительно уменьшается. Так что это – недостаток, на исправление которого требуются время и значительные усилия.

– Эти промашки делают видящих мрачными и ограниченными, – продолжал он. – А в определенных случаях – исключительно рациональными.

Я спросил:

– А как видящему избежать подобных сдвигов вниз?

– Все зависит от самого воина, – ответил он. – Некоторые от природы склонны идти на поводу у своих причуд. Вот, например, ты. Обычно это тяжелый случай. Таким, как ты, я бы порекомендовал контролировать себя постоянно – двадцать четыре часа в сутки. Дисциплинированные мужчины и женщины в меньшей степени подвержены риску свалиться вниз. Им достаточно контролировать себя двадцать три часа в сутки.

Он лучисто взглянул на меня и засмеялся.

– Женщины-видящие чаще испытывают сдвиги вниз, чем мужчины, – продолжал дон Хуан. – Но зато им ничего не стоит выбраться оттуда. Мужчины же задерживаются там надолго, что очень опасно.

Он также сказал, что женщины-видящие обладают поразительной способностью удерживать свои точки сборки в любых

местах нижележащей области. Мужчины так не могут. Мужчины уравновешены и целеустремленны, однако им не хватает талантности. По этой причине в команде нагуаля должно быть восемь женщин. Они дают импульс, необходимый для того, чтобы пересечь неизмеримые пространства неизвестного. Вместе с естественными способностями, а, может, вследствие их, женщины обладают исключительно яростной силой. Поэтому они могут воспроизвести животную форму с чутьем, легкостью и непревзойденной дикостью.

– Когда тебе на ум приходят мысли о пугающих вещах, – продолжал дон Хуан, – о чем-то рыщущем во тьме, чему нет имени, ты, сам того не зная, думаешь о женщине-видящей, которая сдвинула свою точку сборки вниз и удерживает ее там – в каком-то месте этой безмерной области. Ибо именно там лежит зона истинного ужаса. И поэтому, если когда-нибудь тебе встретится женщина-видящая, избравшая ошибочный путь – беги от нее что есть духу без оглядки!

Я спросил, могут ли другие организмы сдвигать свои точки сборки.

– Их точки сборки могут сдвигаться, – ответил он, – однако в случае других организмов это действие не может быть преднамеренным.

– А точки сборки других организмов располагаются в определенных местах тоже в результате тренировки?

– Любой новорожденный организм, так или иначе, подвергается тренировке, – ответил дон Хуан. – Мы можем не понимать, каким именно образом их тренируют – в конце концов, мы не понимаем даже того, как тренируют нас самих – но видящие видят: новорожденные приучаются делать то же, что делают все особи их вида. В точности то же самое происходит и с детьми людей. Сначала видящие видят, как их точки сборки перемещаются по самым разнообразным траекториям, а потом видят, что присутствие взрослых фиксирует точку сборки каждого ребенка в определенном месте. Это одинаково для всех организмов.

Дон Хуан, казалось, на мгновение задумался, а потом добавил, что существует, пожалуй, уникальный эффект, свойственный только точке сборки человека. Он указал на дерево за окном и сказал:

– Когда мы – серьезные взрослые человеческие существа, смотрим на дерево, наши точки сборки производят настройку бесчисленного количества эманаций, и в результате происходит чудо. Наши точки сборки заставляют нас воспринять блок эманаций, который мы называем деревом.

И он объяснил, что точка сборки человека не только обеспечивает настройку эманаций, необходимую для собственно восприятия, но также уничтожает настройку определенных эманаций с целью получения большей четкости восприятия. Это похоже на снятие сливок – замысловатый, чисто человеческий прием, не имеющий параллелей.

Новые видящие обнаружили, что только человеческое существо способно составлять блоки из блоков эманации. Говоря о снятии сливок, дон Хуан воспользовался испанским словом «desnate», которым обозначается собирание самых вкусных сливок с кипяченого молока после того, как оно остынет. Нечто подобное происходит в случае человеческого восприятия. Точка сборки отбирает некоторую часть уже отобранных для настройки эманаций и формирует из них более рафинированную конструкцию.

– Сливки, которые собирает человек, – продолжал дон Хуан, – более реальны, чем то, что воспринимают другие существа. Это – ловушка, в которую мы попадаем. То, что мы воспринимаем, выглядит таким реальным! Они так реальны для нас, что мы забываем – мы создали их, скомандовав нашей точке сборки располагаться там, где она есть. Мы забыли, что они реальны для нас, потому что это наша команда – воспринимать их как реальные. Мы обладаем силой снимать верхушки с настройки, но не обладаем силой защитить самих себя от наших собственных команд. Этому надо научиться. Давая свободу способности снимать сливки – а именно так мы и поступаем – мы совершаем ошибку. И платим за нее так же дорого, как древние видящие платили за те ошибки, которые совершали они.

Глава 9. Сдвиг вниз

Дон Хуан и Хенаро отправились в путешествие по Северной Мексике. Такое путешествие они ежегодно предпринимали для сбора лекарственных растений в Сонорской пустыне. Один из видящих команды нагуаля – Висенте Медрано, специалист по растениям – готовил из них лекарства.

Я присоединился к дону Хуану и Хенаро в Соноре, уже в самом конце путешествия – как раз вовремя для того, чтобы отвезти их домой, на юг.

За день до того, как мы отправились в путь, дон Хуан неожиданно продолжил рассказ о владении осознанием. Мы как раз отдыхали в тени высоких кустов в предгорьях. Был вечер, уже почти стемнело. У каждого из нас было по мешку, наполненному растениями. Как только мы опустили их, Хенаро лег на землю и заснул, положив голову на свернутую куртку, как на подушку.

Дон Хуан, как будто не желая будить Хенаро, тихо заговорил со мной. Он сказал, что к этому моменту уже объяснил мне большинство истин об осознании, и что нам осталось обсудить еще лишь одну истину. Эта последняя истина, заверил он меня, была самой лучшей находкой древних видящих, хотя сами они так никогда этого и не узнали. Ее огромная значимость была осознана новыми видящими лишь спустя века.

– Я уже объяснял тебе, что у человека есть точка сборки, – продолжал он, – и что это точка сборки настраивает эманации для восприятия. Мы так же обсудили то, что эта точка может сдвигаться со своей фиксированной позиции. Теперь, последняя истина заключается в том, что когда точка сборки смещается за некоторый определенный предел, она может собирать миры, полностью отличные от мира, который нам известен.

Все еще шепотом, он сказал, что определенные географические области не только способствуют этому рискованному движению

точки сборки, но и определяют специфическое направление этого сдвига. К примеру, Сонорская пустыня помогает точке сборки сдвигаться вниз с ее обычной позиции, в место зверя.

– Именно поэтому здесь в Соноре так много настоящих магов, – продолжал он. – Особенно магов-женщин. Одну – Ла Каталину – ты уже знаешь. В прошлом я организовал столкновение между вами. Я хотел заставить твою точку сборки сдвинуться, и Ла Каталина своими магическими штучками выбила ее с места.

Дон Хуан объяснил, что весь тот ужаснувший меня опыт, пережитый в столкновении с Ла Каталиной, был частью предварительной договоренности между ними.

– Что ты думаешь по поводу того, чтобы пригласить ее сюда к нам? – спросил меня громким голосом Хенаро и сел.

Неожиданность его вопроса и странный звук его голоса немедленно повергли меня в ужас.

Дон Хуан засмеялся и встряхнул меня за руки. Он заверил меня, что тревожиться нечего. Он сказал, что Ла Каталина приходится нам кем-то вроде двоюродной сестры или тетушки. Она была частью нашего мира, хотя и не совсем следовала в русле нашего поиска. Она была бесконечно ближе к древним видящим.

Хенаро улыбнулся и подмигнул мне:

– Я, конечно, понимаю – она тебя здорово возбуждает. Она сама мне призналась: с каждым вашим столкновением ты все сильнее ее боялся и все больше хотел.

Дон Хуан и Хенаро хохотали почти до истерики. Я вынужден был признать, что каким-то образом Ла Каталина, действительно, всегда производя на меня пугающее впечатление, тем не менее, привлекала меня как женщина. Наибольшее же впечатление на меня производила излучаемая ею энергия.

– Да, – заметил дон Хуан, – она накопила такое количество энергии, что способна сдвигать твою точку сборки в глубины левой

стороны даже, когда ты не находишься в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан сказал, что Ла Каталина была связана с нами очень тесно, поскольку принадлежала к партии нагуаля Хулиана. Он объяснил, что обычно нагуаль и все члены его партии покидают мир одновременно, однако в некоторых случаях они делают это один за другим небольшими группами. Именно так обстояло дело с партией нагуаля Хулиана. Несмотря на то, что сам он покинул мир почти сорок лет назад, Ла Каталина все еще была здесь.

Дон Хуан и раньше рассказывал мне о партии нагуаля Хулиана. Теперь он еще раз напомнил, что она состояла из трех весьма непримечательных мужчин и восьми великолепных женщин. Дон Хуан всегда считал, что такая несообразность была одной из причин того, что членам команды нагуаля Хулиана приходилось покидать мир по очереди.

Ла Каталина была прикреплена к одной из великолепных женищиц-видящих из партии нагуаля Хулиана и от нее научилась необычным способам сдвигать точку сборки в нижележащую область. Та видящая покинула мир одной из последних. Она прожила исключительно долгую жизнь. А поскольку и она, и Ла Каталина были родом из Соноры, то в ее пожилые годы обе они возвратились в пустыню и жили там вместе до тех пор, пока видящая не покинула мир. За те годы, которые они провели вместе, Ла Каталина стала ее самой преданной помощницей и ученицей – ученицей, которая жаждала освоить весьма экстравагантные методы смещения точки сборки, известные древним видящим.

Я спросил у дона Хуана, в значительной ли степени знания Ла Каталаны отличаются от его собственных.

– Мы в точности одинаковы, – ответил он. – Она несколько больше похожа на Сильвио Мануэля или Хенаро. По сути, она – их женский вариант. Но, разумеется, будучи женщиной, она неизмеримо более агрессивна и опасна, чем они оба.

Хенаро подтвердил это кивком головы.

– Неизмеримо более, – произнес он и снова подмигнул.

– Она связана с твоей командой? – спросил я у дона Хуана.

– Я же сказал: она приходится нам как бы двоюродной сестрой или тетушкой, – ответил он. – Я имею в виду, что она относится к более старшему поколению видящих, хотя по годам она и моложе нас всех. Ла Каталина – последняя из той группы. И с нами она контактирует довольно редко. В общем-то, мы ей не очень нравимся. Мы слишком жесткие для нее. Она привыкла к обращению нагуаля Хулиана. И поиску свободы она предпочитает фантастические приключения в неизвестном.

– А какая разница? – поинтересовался я.

– А вот в этом нам и предстоит не спеша и тщательно разобраться в ходе последней части моего рассказа об истинах, касающихся осознания, – ответил дон Хуан. – Сейчас тебе важно знать одно: в левосторонней части своего осознания ты ревностно хранишь странные тайны; в этом вы с Ла Каталиной похожи друг на друга.

– Я снова заявил, что дело не в том, что мне нравится сама Ла Каталина, а скорее в том, что меня восхищает ее огромная сила.

Дон Хуан и Хенаро расхохотались и потрепали меня по плечам, словно они знали что-то, о чем я не догадывался.

– Зато ты ей нравишься, потому что она знает, на кого ты похож, сказал Хенаро и причмокнул губами. – Она очень хорошо знала нагуаля Хулиана.

Они оба бросили на меня долгий взгляд, от чего я почувствовал смущение.

– Что ты хочешь сказать? – воинственно спросил я у Хенаро.

Он ухмыльнулся и комично повел вверх-вниз бровями. Но промолчал.

Молчание прервал дон Хуан:

– Есть некоторые странные моменты, в которых вы с нагуалем Хулианом очень похожи. Хенаро пытается вычислить, осознаешь ли ты это или нет.

Я спросил у них, каким это образом, я могу осознавать нечто настолько неопределенное.

– А вот Ла Каталина считает, что осознаешь, – заявил Хенаро. – Она утверждает это, потому что знала нагуалья Хулиана лучше, чем любой из нас.

Я заметил, что мне не верится в то, что она знала нагуалья Хулиана, поскольку он ушел из мира почти сорок лет назад.

– Но и Ла Каталина не вчера родилась, – сказал Хенаро. – Она просто выглядит молодо, но это – часть ее знания. Как это было частью знания нагуалья Хулиана. Ты видел ее только тогда, когда она выглядит молодой. Если бы ты встретил ее, когда она выглядит старой, ты бы испугался до умопомрачения.

– То, что делает Ла Каталина, может быть объяснено с точки зрения трех владений, – вмешался дон Хуан. – Владения осознанием, владения сталкингом и владения намерением.

– Но сегодня мы рассмотрим то, что она делает, только в свете последней истины об осознании, которая гласит: сдвинувшись с исходного места, точка сборки может собирать миры, отличные от нашего.

Дон Хуан знаком велел мне встать. Поднялся на ноги и Хенаро. Я автоматически схватил мешок с растениями. Хенаро с улыбкой остановил меня как раз перед тем, как я забросил мешок на плечо:

– Оставь мешок в покое. Нам предстоит прогуляться на холм и встретиться с Ла Каталиной.

– А где она?

– Там, наверху, – сказал Хенаро, указывая на вершину невысокого холма. – Если ты пристально посмотришь своими полужакрытыми глазами, ты увидишь ее – очень темное пятно на фоне зеленой растительности.

Я напряг зрение, пытаюсь высмотреть пятно, но ничего не заметил.

– Слушай, а почему бы тебе и правда туда не сходить? – предложил дон Хуан.

У меня закружилась голова и немного затошнило. Движением руки дон Хуан предложил мне отправиться наверх, но я не отваживался сдвинуться с места. В конце концов, Хенаро взял меня под руку, и вдвоем с ним мы начали взбираться на холм. Когда мы добрались до вершины, я обнаружил, что дон Хуан идет вслед за нами. Все мы втроем достигли вершины одновременно.

Дон Хуан очень спокойно начал говорить с Хенаро. Он спросил, помнит ли тот, как нагуаль Хулиан много раз был готов задушить их насмерть за то, что они шли на поводу у своего страха.

Хенаро повернулся ко мне и сообщил, что нагуаль Хулиан был безжалостным учителем. Он и его учитель нагуаль Элиас, который тогда еще находился в этом мире, имели обыкновение сдвигать точку сборки ученика за критическую черту, предоставляя затем ему самому постоять за себя.

– Я как-то уже говорил тебе: нагуаль Хулиан рекомендовал нам не растрчивать сексуальную энергию, – продолжал Хенаро. – Он имел в виду то, что для смещения точки сборки человеку необходима энергия. Если у человека ее нет, то удар нагуаля – это не удар свободы, а удар смерти.

– При недостатке энергии, – сказал дон Хуан, – разрушается сила настройки. Ты должен обладать энергией для того, чтобы выдержать давление настроек, которые никогда не имеют место в обычных обстоятельствах.

Хенаро сказал, что в том, как учил нагуаль Хулиан, всегда присутствовало вдохновение. Каждый раз он находил способ совместить обучение с развлечением для себя. Одним из его любимых приемов был неожиданный удар нагуаля. Застав кого-либо из учеников врасплох, в нормальном состоянии осознания, он сдвигал его точку сборки. Одного двух раз обычно оказывалось достаточно. После этого, если нагуалю Хулиану требовалась вся полнота внимания ученика, ему нужно было лишь пригрозить неожиданным ударом нагуаля.

– Да, нагуаль Хулиан был человеком воистину незабвенным, – сказал дон Хуан. – У него был дар обращения с людьми. Он мог сделать какую-нибудь гадость, а в его исполнении она выглядела просто великолепно. Если бы так поступил кто-то другой, это было бы грубо и бессердечно.

– А вот нагуаль Элиас таким даром не обладал. Зато он был воистину великим, великим учителем.

– Нагуаль Элиас был очень похож на нагуаля Хуана Матуса, – вставил Хенаро. – Они прекрасно находили общий язык. И нагуаль Элиас научил его всему, ни разу не повысив голоса и не сыграв ни одной шутки.

– Нагуаль же Хулиан был совсем другим, – продолжал Хенаро, по-дружески меня толкнув. – Я бы сказал, что в левосторонней части своего осознания он ревностно хранил странные тайны. Совсем как ты.

– Ты согласен? – спросил он, обращаясь к дону Хуану.

Тот не ответил, но утвердительно покачал головой. Казалось, он старается сдерживать смех.

– Он был игрив от природы, – произнес дон Хуан, и оба они расхохотались.

Они явно намекали на что-то, что знали. Я почувствовал еще большую угрозу. Как ни в чем ни бывало дон Хуан сообщил мне, что они намекают на весьма эксцентричные магические приемы,

которые освоил нагуаль Хулиан за свою жизнь. А Хенаро добавил, что, кроме нагуаля Элиаса, у нагуаля Хулиана был еще один совершенно уникальный учитель – учитель, который любил его безмерно и обучил неизвестным и архисложным способам сдвига точки сборки. В результате поведение нагуаля Хулиана всегда было исключительно эксцентричным.

Я спросил:

– Кто был этот учитель, дон Хуан?

Дон Хуан и Хенаро переглянулись и по-детски захихикали.

– Очень тяжелый для ответа вопрос, – ответил дон Хуан. – Я могу сказать лишь одно: это был учитель, изменивший направление нашей линии. Он обучил нас множеству вещей – хороших и плохих, – но среди худшего из всего, чему он нас научил, были практики древних видящих. И некоторые из нас на этом попались. В том числе – нагуаль Хулиан и Ла Каталина. И мы можем лишь надеяться, что ты не последуешь за ними.

Я немедленно принялся протестовать. Дон Хуан меня перебил, сказав, что я сам не знаю, против чего протестую.

Пока дон Хуан говорил, я ужасно разозлился и на него, и на Хенаро. Ни с того ни с сего я пришел в бешенство и принялся что было мочи на них орать. Несообразность моей собственной реакции испугала меня. Будто бы это был вовсе не я. Я замолчал и с мольбой о помощи во взгляде посмотрел на них.

Хенаро стоял, положив руки дону Хуану на плечи, словно нуждаясь в поддержке. Оба они сотрясались в приступе совершенно неуправляемого хохота.

Я вдруг пришел в состояние такой подавленности, что почти расплакался. Дон Хуан приблизился ко мне и, как бы подбадривая меня, положил руку на мое плечо. Он сказал, что Сонорская пустыня по причинам, для него непостижимым, способствует проявлению воинственности в человеке, да и в любом другом существе.

– Люди скажут, что причиной тому является излишняя сухость здешнего воздуха, – продолжал он. – Или излишняя жара. Видящий сказал бы, что здесь имеет место специфическое слияние эманаций Орла, способствующее, как я уже говорил, сдвигу точки сборки вниз.

– Но как бы там ни было, воины находятся в мире для того, чтобы в результате тренировки стать беспристрастными наблюдателями с тем, чтобы понять тайну себя и насладиться торжеством открытия того, что мы есть в действительности. В этом – высшая цель новых видящих. И не каждому из воинов дано ее достичь. Мы считаем, что нагуаль Хулиан до нее не добрался. Он попал в ловушку. И Ла Каталина – тоже. Затем дон Хуан сказал, что несравненным нагуалем способен стать лишь тот, кто любит свободу и обладает величайшей отрешенностью. Путь воина является собой противоположность образу жизни современного человека, и в этом – главная опасность этого пути. Современный человек покинул пределы неизвестного и таинственного, утвердившись в функциональном. Повернувшись спиной к миру предчувствия и ликования, он погрузился в мир скуки.

И полученный шанс снова вернуться назад к тайне мира иногда становится слишком тяжелым испытанием для воинов. И они не выдерживают. Они попадают в ловушку того, что я называю «захватывающими приключениями в неизвестном». Они забывают о поиске свободы, забывают о том, что должны быть беспристрастными свидетелями. Они тонут в неизвестном и влюбляются в него.

– И вы полагаете, что я принадлежу к числу таких воинов, дон Хуан?

– Мы не полагаем, мы знаем наверняка, – ответил Хенаро. – И Ла Каталина знает об этом лучше, чем кто-либо другой.

– Откуда, интересно, она может об этом знать? – настаивал я.

– Да просто она – такая же, как ты, – ответил Хенаро, смешно выговаривая слова.

Я уже совсем было вступил в жаркий спор, когда дон Хуан перебил меня:

– Ты совершенно напрасно так напрягаешься. Ты таков, каков ты есть. Кому-то сражаться за свободу легче, кому-то – тяжелее. И ты принадлежишь ко второй категории.

– Для того чтобы быть беспристрастным свидетелем, – продолжал он, – мы начинаем с понимания того, что фиксация или движение точки сборки является всем, что есть, для нас и для мира, которому мы являемся свидетелями, каким бы этот мир ни был.

– Новые видящие говорят, что когда мы были обучены говорить с собой, мы были обучены способам притуплять²⁸ себя для того, чтобы удерживать точку сборки фиксированной на одном месте.

Хенаро громко хлопнул в ладоши и издал пронзительный свист, имитируя свисток футбольного тренера, и завопил:

– Так, смещаем точку сборки! Ну, ну! Давай, давай, смещай!

Мы все еще смеялись, когда кусты справа от меня вдруг зашевелились. Дон Хуан и Хенаро немедленно сели на землю, подогнув под себя левую ногу. Согнутую в колене правую, каждый из них поставил перед собой наподобие щита. Знаком дон Хуан приказал мне сделать то же самое. Приподняв брови, он изобразил на лице смирение уголками губ.

– У магов – свои причуды, – шепотом сказал он. – При сдвиге точки сборки вниз зрение мага становится ограниченным. И если он заметит тебя стоящим, он непременно нападет.

– Однажды нагуаль Хулиан два дня продержал меня в позе воина, – тоже шепотом сообщил Хенаро. – Мне даже мочиться пришлось, не вставая.

– И еще – какать, – добавил дон Хуан.

– Точно, – подтвердил Хенаро, а затем, как бы вспомнив что-то, шепотом поинтересовался. – Надеюсь, ты сегодня уже какал? Потому что, если у тебя в кишках что-то есть, ты наложишь в штаны, как только покажется Ла Каталина. Если, конечно, я не научу тебя,

²⁸ To dull – притуплять; делать тупым, вялым, скучным

как их снимать. Чтобы покакать в позе воина, тебе придется снять штаны.

И он принялся показывать мне, как снимаются брюки в этой позе. Он подошел к этому процессу с исключительной серьезностью и ответственностью. Все мое внимание было полностью сосредоточено на его движениях. И только сняв штаны, я обнаружил, что дон Хуан буквально захлебывается от хохота. Я понял, что Хенаро в очередной раз надо мной подшутил, и собрался было подняться на ноги и надеть штаны. Однако дон Хуан остановил меня. Он так хохотал, что едва мог говорить. Он сказал, что в шутке Хенаро только доля шутки, и что Ла Каталина действительно находится за кустами.

Меня проняло: несмотря на смех, в тоне его звучала настойчивость. Я застыл на месте. А мгновение спустя я уже совершенно забыл о штанах — в такую панику меня вогнал раздавшийся в кустах шорох. Я взглянул на Хенаро. Он уже снова был в штанах. Пожав плечами, Хенаро прошептал:

— Прости. Я не успел показать тебе, как надевать их, не вставая.

У меня не было времени ни на то, чтобы разозлиться на них, ни на то, чтобы присоединиться к их веселью, потому что неожиданно кусты раздвинулись прямо передо мной, и из них вышло нечто чудовищное. Даже страх мой прошел — до того диковинным было это создание. Я не боялся, я был просто очарован. То, что я видел перед собой, было чем угодно, но только не человеческим существом. Оно даже отдаленно не напоминало человека. Это было больше похоже на рептилию. Или на громоздкое гротескное насекомое. Или на мохнатую, до предела омерзительной наружности птицу. Его темное тело было покрыто грубой рыжеватой шерстью. Я не видел ног — только огромную уродливую голову. Вместо ноздрей по бокам плоского носа зияли две большущие дыры. У этой твари было что-то наподобие зубатого клюва. И глаза — настолько же прекрасные, насколько гротескной была вся эта штука. Глаза были подобны двум гипнотическим озерам непостижимой чистоты. В них светилось

знание. Эти глаза не были человеческими, равно как и птичьими. Я вообще никогда не видел таких глаз.

Шелестя кустами, чудище прошло слева от меня. Когда я, следя за его движением, повернул голову, то заметил, что дон Хуан и Хенаро очарованы его присутствием в той же степени, что и я. Мне пришло в голову, что они, видимо, тоже никогда не видели ничего подобного.

В следующее мгновение создание полностью исчезло из виду. Но спустя миг послышалось рычание, и его очертания снова замаячили перед нами.

Я был очарован и в то же время обеспокоен тем, что ни капельки не боюсь этого чудища. Было такое ощущение, что в панику перед этим впадал вовсе не я, а кто-то совсем другой.

В какой-то момент я почувствовал, что начинаю вставать. Ноги выпрямились против моей воли, и я обнаружил, что стою, повернувшись к чудовищу лицом. Я смутно ощущал, что снимаю куртку, рубашку, ботинки. Я разделся догола. Мышцы ног сократились с огромной силой. С непостижимой ловкостью я подпрыгнул, и в следующее мгновение мы с чудовищем уже неслись к какой-то неясной зелени, видневшейся вдалеке.

Сначала чудовище несло впереди меня, извиваясь наподобие змеи. Но затем мне удалось его догнать. Когда мы поравнялись, я вдруг осознал нечто, что уже было мне известно, — на самом деле чудовище было Ла Каталиной. Вдруг рядом со мной оказалась Ла Каталина в человеческом облике. Мы скользили без малейшего усилия. Мы словно застыли в позах стремительного движения, а пейзаж несся назад, создавая впечатление огромного ускорения.

Движение наше прекратилось так же внезапно, как началось. Мы были одни в совершенно ином мире. Там не было ни одной узнаваемой черты. Интенсивное сияние и жар шли от того, что казалось землей — землей, покрытой гигантскими камнями. По крайней мере, это было похоже на камни. Они имели цвет песчаника, но были невесомы; они напоминали куски губки. Я мог расшвыривать их, лишь слегка к ним прикасаясь.

Я настолько увлекся своей силой, что забыл обо всем остальном. Каким-то образом я определил, что куски этого вроде бы невесомого материала на самом деле мне сопротивляются. И то, что мне удавалось с легкостью их расшвыривать, было следствием моей немыслимой силы.

Я попытался хватать их руками и понял, что тело мое изменилось. Ла Каталина смотрела на меня. Она снова была гротескным созданием. Таким же созданием был теперь и я сам. Я не видел себя, но знал наверняка, что мы абсолютно одинаковы.

Неописуемая радость охватила меня, бывшая как бы силой, пришедшей извне. Мы с Ла Каталиной скакали, кружились и играли до тех пор, пока у меня не осталось ни мыслей, ни чувств, ни каких бы то ни было следов человеческого осознания. Но в то же время я определенно осознавал. Мое самосознание было неким смутным знанием, порождавшим уверенность в себе, безграничной верой, физической уверенностью в собственном существовании, причем не в смысле человеческого чувства индивидуальности, но в смысле присутствия, бывшего всем сущим.

Затем как-то разом все вновь пришло в человеческий фокус.

Ла Каталина держала меня за руку. Мы шли по пустыне среди сухих кустарников. Я немедленно ощутил болезненные прикосновения острых камней и комков глины к ступням моих босых ног.

Мы пришли на свободное от растительности место. Там были дон Хуан и Хенаро. Я сел на землю и оделся.

Мой опыт с Ла Каталиной несколько задержал наше возвращение в Южную Мексику. Каким-то неописуемым образом он выбил меня из колеи. Находясь в нормальном состоянии осознания, я как бы переставал быть цельным. Я словно потерял точку отсчета. Я совсем пал духом и даже пожаловался дону Хуану на то, что мне не хочется больше жить.

Мы сидели под рамадой дома дона Хуана. Машина моя была нагружена мешками, и мы были готовы отправиться в путь, но

чувство отчаяния овладело мной, и я заплакал, Дон Хуан и Хенаро хохотали до слез. Чем большим было мое отчаяние, тем сильнее они веселились. Наконец, дон Хуан сдвинул меня в состояние повышенного осознания и объяснил, что их смех вовсе не был выражением злорадства с их стороны или проявлением какого-то странного чувства юмора. Они смеялись от переполнявшей их радости за меня, потому что видели, как далеко вперед мне удалось продвинуться по пути знания.

– Я скажу тебе, что говорил нам нагуаль Хулиан, когда мы добирались до того места, где ты находишься сейчас, – сказал дон Хуан. – И ты поймешь, что ты не один. То, что происходит с тобой, случается с каждым, кто накопил достаточно энергии, и смог заглянуть в неизвестное

Нагуаль Хулиан сказал нам, что мы изгнаны из дома, в котором провели всю свою жизнь. Результатом обладания сохраненной энергией явилось разрушение гнезда – такого уютного, но крайне ограниченного и скучного – в мире обычной жизни. И наша подавленность, по словам нагуаля Хулиана, была не печалью потерявших свое гнездо, но печалью обреченных на поиски нового жилища²⁹.

– Новое жилище, – продолжал дон Хуан, – не столь уютно, однако в нем бесконечно больше простора.

– Ты заметил, что изгнан, и осознание этого обрело форму глубокой подавленности, потери желания жить. То же самое было и с нами. Поэтому, когда ты сказал, что не хочешь жить, мы не могли удержаться от смеха.

– Что же теперь со мной будет? – спросил я.

– Как говорят в народе, тебе следует сменить седло, – ответил дон Хуан.

Оба они снова впали в эйфорию. Почему-то они истерически смеялись после каждого из своих замечаний.

²⁹ Quarters – жилище, жилье, помещение, квартира.

– Все очень просто, – сказал дон Хуан. – Твой новый уровень энергии создаст новое жилище для твоей точки сборки. А диалог воинов, который ты каждый раз с нами ведешь, зафиксирует и укрепит новую позицию.

Придав своему лицу выражение предельной серьезности, Хенаро раскатистым голосом спросил:

– Ты срал сегодня?

Он кивнул головой, как бы подталкивая меня к ответу.

– Да? Или нет? – не унимался он. – Давай-ка займемся этим диалогом воинов.

Когда они отсмеялись, Хенаро сказал, что мне следует знать об одном недостатке нового состояния. Дело в том, что время от времени точка сборки возвращается в исходное положение. Он рассказал, что в его случае, нормальное положение точки сборки заставляло его воспринимать всех людей в угрожающем и часто даже ужасающем свете. К своему большому удивлению в один прекрасный день он обнаружил, что изменился. Он был гораздо бесстрашнее, чем раньше, и вполне успешно справлялся с ситуациями, которые прежде повергли бы его в хаос и страх.

– Я обнаружил, что занимаюсь любовью, – продолжал Хенаро, подмигнув мне. – А ведь обычно я до смерти боялся женщин. И тут в один прекрасный день я вдруг обнаруживаю себя в постели исключительно яростной женщины. Это было настолько на меня не похоже, что, когда я понял, что происходит, со мной чуть не случился сердечный приступ. Этот шок вернул мою точку сборки в ее убогое исходное положение, и мне пришлось бежать из того дома. Дрожал я при этом, как перепуганный кролик.

– Так что следи внимательно, чтобы твоя точка сборки не съехала обратно, – добавил Хенаро, и они оба снова расхохотались.

Потом дон Хуан объяснил:

– Позиция точки сборки на человеческом коконе сохраняется за счет внутреннего диалога. Поэтому позиция эта в лучшем случае – непрочная. Теперь понятно, почему многие мужчины и женщины так легко сходят с ума, в особенности те, чей внутренний диалог повторяющийся, скучный и не обладает какой-либо глубиной.

– Новые видящие говорят, что наибольшей жизнеспособностью обладают те человеческие существа, чей внутренний диалог более текуч и разнообразен.

– Позиция точки сборки воина неизмеримо более прочна, поскольку, начав сдвигаться в коконе, точка сборки создает в светимости углубление, в котором с этого момента и пребывает.

– Именно по этой причине нельзя сказать, что воин теряет рассудок. Если он что-то и теряет, то только свое углубление.

Последнее утверждение показалось дону Хуану и Хенаро настолько веселым, что они хохотали до упаду.

Я попросил дона Хуана объяснить, что происходило во время моего опыта с Ла Каталиной. И они снова буквально взвыли от хохота. Наконец, дон Хуан сказал:

– Женщины определенно эксцентричнее мужчин. Между ног у них есть одно дополнительное отверстие, поэтому они часто подвергаются воздействию странных и очень мощных сил, которые через это отверстие ими овладевают. Лично я только так могу понять их причуды.

Он замолчал. Немного выждав, я спросил, что он имеет в виду.

– Ла Каталина появилась перед нами в виде гигантского червяка, – ответил он.

Выражение, с которым дон Хуан это произнес, и взрыв смеха, которым отреагировал на его фразу Хенаро, развеселили меня. Я хохотал почти до тошноты.

Дон Хуан сказал, что Ла Каталина обладает исключительным мастерством и в области зверя может делать все, что угодно. А ее беспрецедентное выступление было продиктовано влечением, которое она ко мне испытывала. Конечным результатом всего этого стало то, что ей удалось увести с собой мою точку сборки.

– А чем вы там занимались в образе червей? – спросил Хенаро и хлопнул меня по спине.

Казалось, дон Хуан вот-вот задохнется от смеха.

– Я же говорю – женщины эксцентричнее мужчин, – произнес он наконец.

– Я с тобой не согласен, – заявил Хенаро. – Нагуаль Хулиан не имел дополнительного отверстия между ног. А странностей у него было еще больше, чем у Ла Каталины. Я думаю, этому фокусу с червяком она научилась у него. Он проделывал с ней подобные вещи.

Дон Хуан подпрыгивал, как ребенок, который старается не обмочить штанишки.

Когда ему удалось, наконец, успокоиться, он рассказал, что нагуаль Хулиан мастерски владел искусством создавать и использовать самые причудливые ситуации. Еще он сказал, что Ла Каталина продемонстрировала мне великолепный пример сдвига вниз. Сначала она предоставила мне возможность увидеть ее в принятой ею форме необычного существа, а потом помогла сдвинуть мою точку сборки в положение, которое позволило ей принять эту чудовищную форму.

– Второй учитель нагуалья Хулиана, – продолжал дон Хуан, – научил его, как добираться до определенных точек обширной нижележащей области. Никто из нас не мог следовать за ним в эти точки, но члены его партии – могли. В особенности – Ла Каталина и та женщина-видящая, которая ее учила.

Затем дон Хуан сказал, что результатом сдвига вниз является не восприятие другого мира, а измененное восприятие нашего

обычного мира. Он виден несколько в иной перспективе. Чтобы собрать другой мир, необходимо воспринять другую большую полосу эманаций Орла.

На этом он закончил свои объяснения, сказав, что у нас нет времени на то, чтобы разбираться в вопросе о больших полосах эманаций. Нам пора было выезжать. Я хотел остаться еще ненадолго, чтобы продолжить разговор, но он сказал, что беседа на эту тему займет много времени, и что мне нужны будут свежие силы для сохранения должной степени сосредоточенности.

Глава 10. Большие полосы эманаций

Через несколько дней дон Хуан продолжил объяснение. Мы находились в его доме в Южной Мексике. Он привел меня в большую комнату. Вечерело. В комнате царил полумрак. Я хотел зажечь бензиновые лампы, но дон Хуан не позволил. Он сказал, что я должен позволить звуку его голоса сдвинуть мою точку сборки туда, где ее свечение захватит эманации полной концентрации и абсолютной памяти.

Затем он сообщил мне, что нам предстоит разговор о больших полосах эманаций. Он назвал это еще одним ключевым открытием древних видящих, которое те, вследствие ошибочности их подхода, предали забвению. И только новым видящим удалось его восстановить.

– Эманации Орла всегда собраны в пучки, – сказал дон Хуан. – Древние видящие называли эти пучки большими полосами эманации. На самом деле они не очень-то похожи на полосы, однако название это за ними так и закрепилось.

Например, существует неизмеримо огромный пучок, образующий органические существа. Эманации органической полосы обладают особым качеством. Я бы сказал, что они – пушистые. Они прозрачны и светятся уникальным собственным светом, в них есть некая специфическая энергия. Они осознают и активно движутся. Вот почему все органические существа наполнены особенной сжигающей энергией. Другие полосы – темнее и не так пушисты. В некоторых вообще нет света и они непрозрачны по качеству.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что внутри коконов всех органических существ – одни и те же эманации? – спросил я.

– Нет. Этого я в виду не имею. На самом деле все не так просто, хотя все органические существа и относятся к одной и той же полосе. Представь себе широчайшую полосу светящихся волокон – бесконечных светящихся струн. Органические существа – пузыри,

возникающие вокруг отдельных групп этих волокон. Теперь представь, что в пределах этой полосы органической жизни некоторые пузыри формируются вокруг волокон, проходящих в середине полосы. Другие пузыри формируются ближе к краям. Полоса эта достаточно широка для того, чтобы совершенно свободно вместить в себя все виды органических существ. При таком размещении в тех пузырях, которые расположены по краям полосы, нет эманаций, проходящих вдоль ее середины. Эти эманации есть только в пузырях, расположенных в центре полосы. Однако в последних отсутствуют эманации, принадлежащие краям полосы.

– Как ты теперь понимаешь, эманации всех органических существ относятся к одной и той же полосе, однако видящие видят: в пределах этой полосы встречаются самые разнообразные существа.

– А много ли существует больших полос? – спросил я.

– Им нет числа, их столько, сколько может вместить в себя бесконечность, – ответил он. – Однако на Земле, как обнаружили видящие, их насчитывается сорок восемь.

– Что это значит дон Хуан?

– Для видящего это означает, что на Земле присутствует сорок восемь типов организации, сорок восемь блоков или структур. Одной из этих структур является органическая жизнь.

– Получается, есть сорок семь типов неорганической жизни?

– Нет, вовсе нет. Древние видящие насчитали семь полос, производящих неорганические пузыри осознания. Иначе говоря, существует сорок полос, формирующих пузыри, не обладающие осознанием. Эти полосы генерируют только организацию.

– Ты представь себе, что большие полосы – как деревья. Все они приносят плоды, то есть на всех образуются некие резервуары, содержащие в себе эманации. Но съедобны плоды лишь восьми из деревьев. Эти плоды – пузыри осознания. Плоды семи из деревьев – сухие и неприятные на вкус, хотя в принципе их можно есть. И

только на одном из деревьев произрастают по-настоящему сочные и сладкие фрукты.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что в своей аналогии он принял точку зрения Орла, для которого самыми вкусными кусочками являются органические пузыри осознания.

– Что заставляет эти восемь полос производить осознание? – спросил я.

– Орел дарует осознание посредством своих эманаций, – ответил дон Хуан.

Его ответ заставил меня вступить с ним в спор. Я сказал ему, что сказать: «Орел дарует осознание посредством своих эманаций» – похоже на то, как религиозный человек мог бы сказать о Боге, что Бог дарует жизнь посредством любви. Это не значит ничего.

– В основе этих двух утверждений лежат две различные точки зрения, – сказал дон Хуан. Хотя я думаю, что обе они – об одном. Разница в том, что видящий видит, как Орел дарует осознание посредством своих эманаций, а человек религиозный не видит, как Бог дарует жизнь посредством своей любви.

И он рассказал, что Орел дарует осознание с помощью трех гигантских пучков эманаций, проходящих сквозь восемь больших полос. Пучки эти обладают особым свойством: они позволяют видящему воспринимать оттенки. Один пучок производит ощущение бежево-розового цвета, похожего на цвет розовоокрашенных уличных фонарей. Цвет второго пучка – персиковый. Он подобен цвету желтых неоновых ламп. Третий пучок – янтарного цвета, подобного цвету чистого меда.

– Таким образом, когда видящий видит, как Орел дарует осознание посредством своих эманаций, он видит цвет, – продолжал дон Хуан. – Люди религиозные не видят господней любви. А если бы видели, то знали, что она либо розовая, либо персикового цвета, либо цвета янтаря.

– Человек, например, прикреплен к янтарному пучку. Впрочем, к этому пучку относятся и другие существа.

Мне захотелось узнать, какие еще существа разделяют с человеком одинаковые эманации.

– Подобные детали тебе придется выяснять самостоятельно с помощью собственного видения, – сказал дон Хуан. – Нет никакого смысла говорить тебе какие; ты просто проведешь еще одну инвентаризацию. Я скажу тебе лишь одно: это будет самое захватывающее занятие твоей жизни.

– А розовый и персиковый пучки встречаются в людях? – спросил я.

– Нет, никогда. Эти пучки принадлежат другим живым существам. Я был готов задать следующий вопрос, но он остановил меня резким движением руки. Потом он погрузился в размышление. Довольно долго мы сидели в молчании.

– Я уже говорил тебе, что светимость осознания человека имеет цвета, – наконец произнес он. – Но я не сказал тебе тогда, поскольку мы еще до этого не дошли, что речь идет не о цветах, а об оттенках янтарного цвета.

– В пределах янтарного пучка осознания присутствует бесконечное множество слабых оттенков, которые соответствуют различиям в качестве осознания. Самые распространенные из них – розовый и бледно-зеленый, голубовато-янтарный – более необычен, а чистый янтарный цвет – огромная редкость.

– Чем определяется оттенок янтарного цвета в каждом конкретном случае?

– Видящие говорят, что оттенок определяется количеством сэкономленной и накопленной энергии. Несчетное множество воинов начинало с обычного розовато-янтарного, придя в итоге к чистейшему янтарному цвету. Хенаро и Сильвио Мануэль – пример таких превращений.

– Какие формы жизни относятся к розовому и персиковому пучкам? – спросил я.

– Три пучка со всеми их оттенками перекрещиваются с восемью полосами, – ответил он. – В пределах органической полосы розовый пучок принадлежит преимущественно растениям, персиковый – насекомым, а янтарный – человеку и другим животным.

– Подобная ситуация наблюдается и в неорганических полосах. Три пучка осознания в пределах каждой из семи полос формируют каждый свои специфические типы существ.

Я попросил подробнее остановиться на том, какие существуют типы неорганических существ.

– И это тоже тебе предстоит увидеть самостоятельно, – сказал он. – Семь полос и то, что в них формируется, человеческий рассудок постичь не в силах. Но все это доступно человеческому видению.

Я сказал, что его объяснение больших полос не вполне укладывается у меня в голове, поскольку то, как он их описал, порождает в моем воображении образы независимых пучков нитей или даже плоских полос, похожих на ленты конвейеров.

Дон Хуан объяснил, что большие полосы никогда не бывают ни плоскими, ни круглыми. Эманации в них собраны вместе некоторым совершенно неопишуемым образом. И дон Хуан привел аналогию: пучок сена, подброшенный в воздух чьей-то рукой. Так что о каком-либо упорядоченном расположении в них эманаций говорить не приходится. И такие термины, как края и середина, не соответствуют истинной картине. Однако они необходимы для понимания. Затем дон Хуан рассказал, что оболочки неорганических существ, формируемые семью другими полосами осознания, не имеют движения. Они выглядят как бесформенные сосуды, обладающие очень слабой светимостью. Их оболочки совершенно не похожи на коконы органических существ. Они не обладают упругостью, качеством наполненности, благодаря которому органические существа напоминают шары, буквально распираемые изнутри энергией.

И единственное сходство между неорганическими и органическими существами заключается в том, что и в тех и в других присутствуют либо розовые, либо персиковые, либо янтарные эманации, порождающие осознание.

– Благодаря этим эманациям, – продолжал дон Хуан, – существа восьми полос при определенных обстоятельствах могут вступать в исключительно интересное общение.

– Обычно инициаторами таких контактов выступают органические существа, обладающие более мощными полями энергии. Однако тонкие и очень сложные нюансы общения, которое за этим следует – удел существ неорганических. Как только барьер разрушен, неорганическое существо изменяется, становясь тем, что видящие называют союзником. Начиная с этого мгновения, неорганическое существо становится предельно предупредительным в отношении тончайших движений мысли, изменений настроения, опасений и страхов своего видящего.

– Древних видящих такая преданность союзников попросту обворожила, – продолжал он. – Рассказывают, что они могли заставить своих союзников делать все, что угодно. Это стало одной из причин уверенности толтеков в своей неуязвимости. Они были одурачены своей же собственной самозначительностью. Союзник обладает силой только в том случае, когда видящий, который его видит, – образец безупречности. А древние видящие таковыми отнюдь не являлись.

Я поинтересовался:

– А неорганических существ так же много, как и живых организмов?

Дон Хуан ответил, что среди неорганических существ нет такого разнообразия, каким отличаются органические, однако это компенсируется числом полос неорганического осознания. Кроме того, различия между неорганическими формами намного более существенны, чем различия между организмами. Ведь последние принадлежат одной единственной полосе, в то время как неорганические существа формируются семью.

– Ну, и наконец, – продолжил дон Хуан, – неорганические существа живут неизмеримо дольше, чем организмы. По причинам, которых мы коснемся позже, именно этот факт подсказал древним видящим идею сосредоточить свое видение на союзниках.

Он сказал, что древние видящие также пришли к пониманию того, что высокий уровень энергии, которым обладают организмы и благодаря которому достигают высокой степени развития осознания, делает их такими лакомыми кусочками для Орла. Толтеки считали, что склонность к обжорству заставляет Орла производить как можно больше организмов.

Затем дон Хуан рассказал, что остальные сорок полос формируют не осознание, а неживые энергетические структуры. Древние видящие почему-то решили назвать их сосудами в отличие от коконов и резервуаров, под которыми понимаются поля энергетического осознания, обладающие независимой светимостью. Сосуды – жесткие емкости. Они содержат в себе эманации, но полями энергетического осознания не являются. Их светимость обусловлена только энергией заключенных внутри них эманаций.

– Тебе следует усвоить: все, что есть на Земле, обязательно в чем-либо содержится, – сказал дон Хуан. – И все, что доступно нашему восприятию, всегда составлено из частей коконов или сосудов, наполненных эманациями. Резервуары неорганических существ мы, как правило, не воспринимаем вообще.

Дон Хуан взглянул на меня, ожидая подтверждения, что мне все ясно. Поняв, что ничего не дождется, он продолжил объяснение:

– Мир в целом образован сорока восьмью полосами. Мир, который наша точка сборки собирает для нашего нормального восприятия, составлен двумя полосами. Одна из них – органическая полоса, вторая – полоса, обладающая структурой, но не имеющая осознания. Остальные сорок шесть больших полос не относятся к миру, который мы воспринимаем, находясь в своем нормальном состоянии.

Дон Хуан опять замолчал в ожидании вопросов. Их у меня не было.

– Существуют и другие законченные миры, которые могут быть собраны нашей точкой сборки, – продолжил он. – Древние видящие насчитали семь таких миров – по одному на каждую полосу осознания. От себя могу добавить: два из них, не считая обычного мира повседневной жизни, собираются довольно легко. С остальными пятью дело обстоит несколько иначе.

В следующий раз, когда мы присели, чтобы поговорить, дон Хуан сразу же обратился к моему опыту с Ла Каталиной. Он сказал, что сдвиг точки сборки вниз от ее обычной позиции дает детальное и зауженное восприятие известного нам мира. Настолько детальное, что нам кажется, будто это – совершенно другой мир. Гипнотический образ этого мира ужасно притягателен, особенно для тех видящих, чей дух жаждет приключений и в то же время склонен к некоторой праздности и лени.

– Эффект изменения перспективы весьма приятен, – продолжал дон Хуан. – Минимум усилий, а результат – просто поразительный. Если видящим движет стремление поскорее чего-нибудь добиться, лучшего маневра, чем сдвиг вниз, не придумаешь. Единственная проблема состоит в том, что в этих положениях точки сборки видящего может настичь смерть. Часто это происходит даже быстрее, чем в человеческом положении, и смерть оказывается гораздо более жестокой.

– Нагуаль Хулиан считал, что нижние положения точки сборки очень хороши для игр и развлечений. Но не более. Истинные же смены воспринимаемых миров происходят, когда точка сборки уходит вглубь человеческой полосы, и достигает определенного критического порога, начиная с которого она может задействовать другую большую полосу.

– Как она это делает? – спросил я.

Дон Хуан пожал плечами:

– Все дело в энергии. Сила настройки цепляет другую полосу только в том случае, если видящий обладает достаточной энергией. Наша нормальная энергия позволяет нашим точкам сборки использовать силу настройки одной большой полосы эманаций, и мы

воспринимаем мир, который нам известен. Если же мы обладаем избыточной энергией, мы способны приложить силу настройки к другим большим полосам и, следовательно, воспринять другие миры.

Затем дон Хуан резко сменил тему и заговорил о растениях:

– Это может показаться тебе странным, однако деревья гораздо ближе к человеку, чем, скажем, муравьи. Я уже говорил тебе: между деревьями и людьми могут устанавливаться очень тесные взаимоотношения. Это происходит потому, что у них есть общие эманации.

– У деревьев большие коконы? – спросил я.

– Кокон исполинского дерева ненамного больше его самого. Но что интересно: есть крохотные растения, коконы которых по высоте примерно равны человеческим, а по ширине – в три раза больше. Эти растения – растения силы. У них больше всего общих с людьми эманаций. Не эманаций осознания, правда, а эманаций вообще.

– Есть еще один уникальный момент в том, что касается растений: их светимость имеет различные оттенки. В общем, они светятся розоватым светом, поскольку их осознание – розовое. Ядовитые растения – бледно-желто-розовые, целебные – розовые с ярко-фиолетовым отливом. И только растения силы обладают бело-розовым свечением. У некоторых оно несколько темновато, а некоторые буквально сверкают.

– Но истинное различие между растениями и другими органическими существами заключается в расположении точки сборки. У растений она находится в нижней части кокона. А у всех остальных органических существ – в верхней.

– А у неорганических? Где у них находится точка сборки? – спросил я.

– У некоторых – в нижней части их резервуаров, – ответил дон Хуан. – Эти – совершенно чужды человеку, но сродни растениям. У

других – где-либо в верхней части резервуара. Эти – ближе человеку и другим органическим существам.

– Древние толтеки были убеждены, что растения находятся в очень тесном общении с неорганическими существами. Они считали, что, чем ниже располагается точка сборки растения, тем ему легче преодолеть барьер восприятия. У очень больших деревьев и у самых крохотных травок точки сборки расположены в самом низу. Поэтому огромное количество магических техник древних видящих – это средства подчинения осознания деревьев и трав. Толтеки использовали их в качестве проводников при погружении в то, что они называли глубинными уровнями областей тьмы.

– Ты, конечно, понимаешь, что они только думали, что погружаются в глубины. На самом же деле они смещали свои точки сборки, и те собирали иные воспринимаемые миры, используя семь других больших полос.

– Толтеки выжимали из своего осознания все, что могли. Они собирали миры, пользуясь даже теми пятью полосами, добраться до которых видящий может, лишь претерпев опаснейшие трансформации.

– Ну и как, удавалось им собрать те миры? – поинтересовался я.

– Удавалось, – ответил дон Хуан. – В своих заблуждениях они зашли так далеко, что верили – необходимо разрушить все барьеры восприятия, и игра стоит свеч, даже если для этого видящему придется самому превратиться в дерево.

Глава 11. Сталкинг, намерение и позиция сновидения

На следующий день, едва наступили сумерки, дон Хуан вошел в комнату, где мы разговаривали с Хенаро. Дон Хуан взял меня за руку и провел через весь дом во внутренний дворик. Было уже довольно темно. Мы двинулись вдоль по галерее, окружавшей дворик.

Дон Хуан сказал, что хочет еще раз предупредить меня: следуя по пути знания, можно с легкостью заблудиться в запутанных лабиринтах³⁰ и в болезненной впечатлительности³¹. Он сказал, что видящие сталкиваются с могучими врагами, которые могут разрушить их целеустремленность, спутать их цели и сделать их слабыми. Врагов этих создает сам путь воина вместе с чувствами праздности, лени и самозначительности, которые являются неотъемлемыми частями повседневного мира.

Из-за праздности, лени и самозначительности древние видящие допустили настолько серьезные и непоправимые ошибки, что новым видящим не оставалось ничего другого, как только с презрением отвергнуть свои собственные корни.

– Новых видящих интересовало главное, – продолжал дон Хуан, – практические шаги для сдвига точки сборки. А поскольку у них таковых не было, они для начала весьма заинтересовались исследованием светимости осознания с помощью видения. В результате им удалось разработать три набора техник, ставших краеугольными камнями всей их практики.

– Благодаря этим трем методам новые видящие совершили нечто необычайное. Ввиду его исключительной трудности это достижение можно назвать подвигом. Они научились целенаправленно систематически сдвигать точку сборки с ее обычного места. Правда, древние видящие в свое время тоже этого

³⁰ Intricacy – запутанность, сложность, лабиринт

³¹ Morbidity – болезненность, болезненная впечатлительность; склонность к меланхолии, подозрительности

добились, однако с помощью капризных, идиосинкразических манипуляций.

– То, что новые видящие увидели в свечении осознания, в результате вылилось в последовательность, в которой они разместили, открытые древними видящими, истины об осознании. Это известно как владение осознанием. Из него они развили три набора техник. Первый – владение сталкингом, второй – владение намерением, третий – владение сновидением. Он заявил, что обучал меня этим трем наборам техник с самого первого дня, как мы встретились.

– Согласно рекомендациям новых видящих, обучение владению осознанием должно быть двойственным. Обучение для правой стороны осознания преследует две цели: обучение пути воина и нарушение фиксации точки сборки в ее исходной позиции. Обучение для левой стороны дается ученику, когда он находится в состоянии повышенного осознания. Целей, которые оно преследует тоже две: сдвинуть точку сборки в максимально возможное для данного ученика количество позиций и последовательно изложить довольно большой объем информации.

Дон Хуан остановился и пристально на меня взглянул. А затем, после несколько напряженной паузы, повел речь о сталкинге. По его словам, начало этого искусства было весьма скромным и случайным. Просто новые видящие заметили, что, когда воин ведет себя непривычным для него образом, внутри его кокона начинают светиться незадействованные до этого эманации. А точка сборки при этом смещается – мягко, гармонично, почти незаметно.

Это наблюдение заставило новых видящих взяться за практику систематического контроля своего поведения. Назвали ее искусством сталкинга. Дон Хуан отметил, что при всей своей спорности это название все же весьма адекватно, поскольку сталкинг заключается в особом рода поведении по отношению к людям, поведении, которое может быть определено как скрытное (тайное)³².

³² Surreptitious – тайный, сделанный тайком

Вооруженные этим методом новые видящие придали своему взаимодействию с известным уравновешенность. И это принесло плоды. Посредством продолжительной непрерывной практики сталкинга они заставили свою точку сборки неуклонно перемещаться.

– Сталкинг – одно из двух величайших достижений новых видящих, – продолжал дон Хуан. – Они решили, что современный нагуаль должен обучаться сталкингу, только находясь в состоянии повышенного осознания, когда точка сборки сдвинута уже достаточно глубоко влево. Дело в том, что принципы этого искусства нагуаль должен изучать, будучи свободным от груза человеческой инвентаризации. Ведь нагуаль – лидер группы. Чтобы успешно вести своих воинов, он должен действовать быстро, без предварительных раздумий.

– Другие воины могут обучаться сталкингу, находясь в нормальном состоянии, хотя все-таки желательно учить их этому, сдвинув в состояние повышенного осознания. Причем не столько ввиду ценности самого повышенного осознания, сколько из-за того, что это придает сталкингу таинственность, которой в нем, в общем-то, нет. Ведь сталкинг на самом деле – всего-навсего определенное поведение во взаимодействии с людьми.

– Теперь тебе должно быть понятно, что сдвиг точки сборки и является причиной того высокого значения, которое новые видящие придают взаимодействию с мелкими тиранами. Мелкие тираны заставляют видящих использовать принципы сталкинга и, таким образом, помогают видящим сдвигать их точки сборки.

– А древние видящие? Что они знали о сталкинге? – спросил я.

– Ничего. Сталкинг – достояние новых видящих, – с улыбкой ответил дон Хуан. – Древние были настолько погружены в созерцание своей силы, что даже не отдавали себе отчета в существовании других людей. До тех пор, пока те не начали колошматить их по голове. Впрочем, все это тебе уже известно.

Далее дон Хуан рассказал, что владение сталкингом и владение намерением – два шедевра новых видящих, знаменующие

собой приход видящих современных. Новые видящие старательно исследовали любую возможность добиться преимущества над угнетателями. Они знали, что их предшественники творили необычайные вещи, манипулируя таинственной и чудесной силой, описать которую они не умели и потому называли просто силой. Новым видящим об этой силе было мало что известно. Поэтому им пришлось последовательно исследовать ее с помощью видения. Их усилия были достойно вознаграждены, когда им удалось, наконец, установить, что эта сила является энергией настройки.

Начали новые видящие с того, что увидели – объем свечения осознания и его интенсивность увеличиваются по мере того, как эманации внутри кокона становятся настроенными на соответствие большим эманациям. Этим своим наблюдением они воспользовались точно так же как сталкингом; оно стало для них своеобразным трамплином, оттолкнувшись от которого, они разработали сложный комплекс приемов управления настройкой³³ эманаций.

Сначала они рассматривали эти техники, как владение настройкой. Потом они осознали, что в это вовлечено нечто значительно большее, чем настройка; то, что имело место, было энергией, которая исходила из этой настройки эманаций. Они назвали эту энергию волей. Воля стала вторым базисом³⁴. Новые видящие понимают ее как слепой, безличный, непрекращающийся взрывной выход³⁵ энергии, заставляющий нас вести себя так, как мы это делаем. Воля отвечает за восприятие обычного мира и, косвенно, посредством силы этого восприятия, она отвечает за расположение точки сборки в обычной позиции.

Дон Хуан сказал, что новые видящие исследовали, как осуществляется восприятие мира обычной жизни, и увидели эффекты воли. Они увидели, что в целях придания восприятию непрерывности, настройка непрестанно обновляется. Для того чтобы настройка каждый раз обновлялась свежестью и новизной, что необходимо для составления живого мира, тот взрывной выход энергии, который исходит из тех действительных настроек,

³³ Alignment – выверка, выравнивание, регулировка

³⁴ Basis – основание, базис, база

³⁵ Burst – взрыв, вспышка, прилив (энергии)

автоматически перенаправляется на усиление некоторых выбранных настроек.

Это наблюдение стало еще одним трамплином, оттолкнувшись от которого, новые видящие разработали третий базис этого комплекса. Его называли намерением, понимая под этим целенаправленное управление волей – энергией настройки.

– Нагуаль Хулиан подтолкнул Сильвио Мануэля, Хенаро и Висенте к изучению этих трех аспектов знания видящих, – продолжал дон Хуан. – Хенаро стал мастером управления осознанием, Висенте – мастером stalking, а Сильвио Мануэль мастером намерения.

Мы с тобой в настоящее время завершаем объяснение владения осознанием. Именно поэтому тебе помогает Хенаро.

Уже довольно долго дон Хуан беседовал с ученицами. Женщины слушали очень серьезно. Судя по выражению глубокой сосредоточенности на их лицах, я решил, что дон Хуан дает им подробнейшие инструкции, касающиеся каких-то очень сложных практических приемов.

Меня на это собрание не пустили, но мне было видно, как они беседуют в большой комнате дома Хенаро. Я сидел за кухонным столом, ожидая, когда они закончат.

Затем женщины поднялись, но перед тем как уйти, вместе с доном Хуаном зашли на кухню. Дон Хуан сел напротив меня, а женщины заговорили со мной с неловкой фамильярностью. Они даже обняли меня, и все были необычно дружелюбны, даже болтливы. Я узнал, что они намерены присоединиться к ученикам-мужчинам, которые куда-то ушли с Хенаро за несколько часов до этого. Тот собирался показать им всем свое тело сновидения.

Едва женщины вышли, дон Хуан совершенно неожиданно вновь принялся рассказывать. Он сказал, что с течением времени практики новых видящих приобретали все более и более законченные формы, и видящие обнаружили, что в большинстве жизненных ситуаций сдвиг точки сборки, обусловленный практикой

сталкинга, весьма незначителен. Для достижения максимального эффекта, сталкинг необходимо практиковать в условиях близких к идеальным. А для этого требуется по-настоящему могущественный мелкий тиран. Отыскивать же такие условия становилось все труднее и труднее. В конце концов, найти подходящую ситуацию или ее спровоцировать стало невообразимо сложно.

Тогда новые видящие посчитали необходимым увидеть эманации Орла для того, чтобы найти более подходящий путь для сдвига точки сборки. Когда же они попытались это осуществить, то столкнулись с исключительно серьезной проблемой. Оказалось, что увидеть эманации Орла, не подвергаясь смертельному риску, нет никакой возможности. И в то же время увидеть их было необходимо. И тогда для защиты от смертельных ударов эманации Орла они использовали в качестве щита такой прием древних толтеков, как сновидение. А, сделав это, обнаружили, что сновидение само по себе является самым эффективным способом сдвига точки сборки.

— Одно из самых строгих правил новых видящих гласит, — продолжал дон Хуан, — «воин должен обучаться сновидению, пребывая в нормальном состоянии осознания». Следуя этому правилу, я начал обучать тебя сновидению с первых же дней нашего общения.

Я спросил:

— Откуда взялось это правило, и чем обусловлена его строгость?

— Дело в том, что сновидение — вещь исключительно опасная, а сновидящий весьма уязвим, — ответил дон Хуан. — Опасность сновидения — в его немислимой силе, а уязвим сновидящий потому, что сновидение отдает его на милость непостижимой силе настройки.

— Новые видящие обнаружили, что, будучи в нормальном состоянии осознания, мы обладаем множеством защит, которые могут предохранить нас от силы неиспользуемых эманаций, которые оказались внезапно настроены в сновидении.

– Так же, как и сталкинг, сновидение началось с довольно незамысловатой находки. Древние видящие определили, что во сне точка сборки совершенно естественным образом несколько смещается влево. Когда человек спит, фиксация точки сборки действительно нарушается, и самые разные типы незадействованных эманаций начинают светиться.

– Древние видящие сразу же заинтересовались этим открытием и начали работать с этим естественным сдвигом. В конце концов, они научились его контролировать. Этот контроль они называли сновидением или искусством управления телом сновидения.

Знания древних видящих о сновидении были настолько обширны, что описать их вряд ли возможно. Однако новым видящим из всего этого пригодилась лишь весьма незначительная часть. Поэтому, когда пришло время реконструкции, новые видящие взяли на вооружение только самые главные принципы сновидения. Эти принципы они использовали для смещения точки сборки, а также для того, чтобы увидеть эманации Орла.

Под сновидением видящие – и древние, и новые – понимают практику контроля естественного сдвига, которому точка сборки подвергается во сне. Дон Хуан подчеркнул, что контроль естественного сдвига ни в коем случае не предполагает каких-либо попыток этим сдвигом управлять. Речь идет только о фиксации точки сборки в том положении, которого она достигла, естественным образом смещаясь во сне. Это – самый сложный маневр, осуществление которого потребовало от древних видящих огромных усилий и концентрации.

Дон Хуан объяснил, что сновидящие должны уметь добиваться очень тонкого равновесия. Ведь нельзя ни вмешиваться в сны, ни управлять ими посредством сознательных усилий сновидящего. И в то же время сдвиг точки сборки должен происходить в соответствии с его командами. Разрешить это противоречие рационально невозможно. Зато можно практически.

На основании наблюдения сновидящих во время их сна, древние видящие пришли к заключению: нужно позволить снам

следовать своему естественному руслу. Они увидели – одни сны сдвигают точку сборки сновидящего довольно глубоко влево, другие – не так глубоко. Разумеется, они задались вопросом: а что первично? Содержание сна заставляет точку сборки смещаться, или сам сдвиг точки сборки производит содержание сна, вследствие использования незадействованных эманаций?

Довольно скоро они определили: первичное значение имеет сдвиг точки сборки влево – им определяется характер сновидений. Чем сдвиг глубже, тем более фантастические и живые картины человек видит во сне. Отсюда неизбежно последовали попытки древних видящих управлять снами, с целью добиться максимально возможной глубины сдвига точки сборки влево. Немного поэкспериментировав, толтеки обнаружили, что любая попытка сознательного или даже наполовину сознательного управления сном немедленно возвращает точку сборки в ее обычное положение. Поскольку же их интересовало обратное, они пришли к неизбежному выводу: вмешательство в сон является помехой естественному сдвигу точки сборки.

Это легло в основу совершенно поразительных знаний о сновидении, накопленных впоследствии древними видящими, – знаний, оказавших огромное влияние на все, чего новые видящие стремились достичь с помощью сновидения, однако в своем исходном виде практически бесполезных.

Дон Хуан объяснил, что, хотя я до сих пор и считал сновидение искусством управления снами, оно таковым на самом деле не являлось. Несмотря на то, что каждое из упражнений, которые он предлагал мне отрабатывать – например, находить во сне мои руки – казалось, имело своей целью именно обучение управлению снами. В действительности цель всех этих упражнений – фиксация точки сборки в том месте, куда она сдвинулась во время сна естественным образом. Это как раз тот момент, в котором сновидящие должны добиться тончайшего равновесия. Управлять можно только фиксацией точки сборки. Видящие подобны рыболовам, вооруженным самозакидывающейся удочкой: единственное, что они могут сделать, – это удерживать грузило там, где оно затонуло.

– Каким бы ни было место, в котором точка сборки оказывается во время сна, оно называется позицией сновидения, – продолжал дон Хуан. – Древние видящие достигли такого мастерства в сохранении позиции сновидения, что могли даже проснуться тогда, когда их точка сборки была закреплена в той позиции.

Подобное состояние древние видящие называли телом сновидения, потому что они добились столь исключительной степени контроля над ним, что могли формировать новое временное тело каждый раз, когда просыпались в новой позиции сновидения.

– Должен тебе сказать, что сновидение обладает одним ужасным недостатком. Оно является достоянием древних видящих и запятнано их настроениями. Я вел тебя сквозь него с предельной осторожностью, но гарантий все же нет никаких.

– Гарантий чего, дон Хуан?

– Того, что ты не угодишь в какую-нибудь из потрясающих ловушек, которыми изобилует сновидение. Дело в том, что на самом деле нет никакой возможности как-то направить сдвиг точки сборки в сновидении. Ибо определяется он единственным фактором – внутренней силой или слабостью сновидящего. И здесь мы сталкиваемся с первой ловушкой.

Поначалу новые видящие вообще сомневались в том, что сновидение может быть ими использовано. Они полагали, что оно не только не развивает силу воина, но более того – ослабляет его, делает капризным и склонным к одержимости. Все древние видящие отличались этими качествами. Но ничего, что заменило бы сновидение, новым видящим найти не удалось. Тогда они разработали весьма сложную многоэлементную систему поведения, которая была призвана компенсировать отрицательное воздействие сновидения. Эта система получила название пути или тропы воина.

Эта система позволила новым видящим обрести внутреннюю силу, необходимую для того, чтобы направлять сдвиг точки сборки во сне. Причем сила эта не являлась только лишь убежденностью. Никто не обладал убежденностью, которая могла бы превзойти убежденность древних видящих. А ведь они были слабы, и

сердцевина у них была напрочь гнилая. Внутренняя сила суть чувство невозмутимости, ощущение почти полного безразличия и легкости, но прежде всего – естественная и глубокая склонность к исследованию и пониманию. Такую совокупность черт характера новые видящие называли уравновешенностью³⁶.

Новые видящие убеждены в том, что безупречный образ жизни сам по себе неизбежно порождает чувство уравновешенности, которое, в свою очередь, приводит к смещению точки сборки.

Я уже говорил: новые видящие верили в то, что точка сборки может быть сдвинута изнутри. Но на этом они не остановились. Они пришли к мнению, что безупречного человека вовсе не обязательно должен кто-либо вести. Только за счет сохранения энергии он способен самостоятельно достичь всего, чего достигают видящие. Все, что ему требуется – это минимальный шанс. Просто он должен откуда-нибудь узнать о возможностях человека, открытых видящими.

Я сказал, что мы опять вернулись к исходной точке, с которой начинали, когда я был в нормальном состоянии осознания. Я был по-прежнему убежден в том, что безупречность или сохранение энергии – расплывчатые понятия, интерпретировать которые каждый может так, как ему заблагорассудится.

Я собрался было сказать еще что-то в подтверждение своей точки зрения, но тут странное чувство охватило меня. Я физически ощутил, что как бы прорываюсь сквозь что-то. И затем я отбросил прочь все свои доводы. Без тени сомнения я знал – дон Хуан прав. Нужна только безупречность, энергия. А начинается все с какого-нибудь одного действия, которое должно быть целенаправленным, точным и длительным³⁷. Повторяя такое действие достаточно долго, человек обретает нестигаемое намерение. А нестигаемое намерение может быть приложено к чему угодно. И, как только оно достигнуто – путь свободен. Каждый шаг повлечет за собой следующий, и так будет продолжаться до тех пор, пока весь потенциал воина не будет полностью реализован.

³⁶ Sobriety – трезвость, умеренность, воздержанность, уравновешенность

³⁷ Sustained – длительный, непрерывный

Когда я рассказал дону Хуану о том, что только что понял, тот удовлетворенно рассмеялся и сказал, что это – действительно Богом посланный пример той самой силы, о которой идет речь. И он объяснил, что моя точка сборки сдвинулась. И сдвинута она была силой уравниваемости в позицию, принесшую понимание. Точно также она могла быть сдвинута капризностью в позицию, которая лишь усиливает самозначительность, как это неоднократно случалось ранее.

– Теперь поговорим о теле сновидения, – продолжил дон Хуан. – На его изучении и использовании древние видящие сосредоточили все свои усилия. И научились применять его как тело более практичное. Иными словами, они воссоздавали себя во все более и более странных образах.

Всем видящим известно: множество древних магов так и не возвратились, однажды проснувшись в полюбившейся им позиции сновидения. Вполне вероятно, что они погибли в своих немыслимых мирах. А может, они живут по сей день в какой-то невероятной искаженной форме или каким-нибудь совершенно фантастическим образом.

Дон Хуан остановился, взглянул на меня и расхохотался:

– Ты умираешь от любопытства – хочешь узнать, что древние видящие делали с помощью тела сновидения. Ведь так?

И он кивнул, как бы подзадоривая меня задать вопрос.

– Хенаро – великий мастер осознания. Это – бесспорно. И он множество раз показывал тебе свое тело сновидения, когда ты был в состоянии нормального осознания. Этими демонстрациями он стремился сдвинуть твою точку сборки, причем не из состояния повышенного осознания, а из ее обычного положения.

Затем, словно раскрывая некий секрет, дон Хуан поведал мне, что Хенаро ждет нас на поле недалеко от дома, чтобы показать мне свое тело сновидения. Снова и снова дон Хуан твердил, что в настоящий момент я нахожусь в состоянии осознания, идеально подходящем для того, чтобы увидеть и понять, чем на самом деле

является тело сновидения. Затем он заставил меня встать, и через большую комнату мы направились к входной двери. Я готов был уже отворить дверь, когда вдруг заметил, что на стопке циновок, которыми ученики пользовались вместо кроватей, кто-то лежит. Я решил, что, видимо, кто-то из учеников вернулся в дом, пока мы с доном Хуаном беседовали на кухне.

Я подошел к лежащему человеку и вдруг понял, что это — Хенаро. Он спокойно спал лежа на животе и мирно похрапывал.

— Разбуди его, — велел дон Хуан. — Нам пора идти. Должно быть, он устал чертовски.

Я слегка встряхнул Хенаро. Он медленно перевернулся, издав при этом звук, словно при пробуждении от очень глубокого сна. Он вытянул руки, а потом открыл глаза. Я невольно вскрикнул и отпрянул. Глаза Хенаро вовсе не были глазами человека. Это были две точки яркого янтарного света. Испуг мой был настолько силен, что закружилась голова. Похлопав по спине, дон Хуан привел меня в чувство.

Хенаро встал и улыбнулся. Черты лица его выглядели застывшими. Двигался он так, словно как следует выпил или нездоров. Пройдя мимо меня, он направился прямо к стене. Столкновение казалось неизбежным, я вздрогнул, но Хенаро прошел сквозь стену, словно ее вообще не существовало. Потом он снова появился в комнате, войдя сквозь кухонную дверь. А потом я с ужасом увидел, как он пошел по стенам, причем тело его при этом было параллельно полу, и по потолку — ногами вверх.

Пытаясь уследить за ним, я свалился на спину. Из этого положения я больше не видел Хенаро. Вместо него по потолку надо мной и по стенам двигалось световой сгусток. Он бродил по всей комнате, словно кто-то водил по потолку и стенам лучом гигантского фонарика. В конце концов, луч света выключился. Пятно исчезло из виду, пройдя в очередной раз сквозь стену.

Дон Хуан отметил, что мой животный страх, как обычно, перешел все границы. Следовало все-таки как-то постараться его контролировать. Но, в общем и целом я вел себя хорошо. Я увидел

тело сновидения Хенаро таким, каково оно в действительности – как световой сгусток.

Я спросил, откуда он знает, что мне это удалось. Он ответил, что видел, как моя точка сборки сначала сдвинулась в направлении своего нормального положения – чтобы компенсировать испуг, а потом ушла влево, причем очень глубоко, в место, где нет сомнений.

– В этом положении точки сборки человек может видеть только одно – сгустки энергии, – продолжал он. – Но от позиции повышенного осознания до этого места в глубине левой стороны – рукой подать. Вот сдвинуть точку сборки в место, где нет сомнений, из ее нормального положения – это действительно достижение.

Он добавил, что встреча с телом сновидения Хенаро в поле недалеко от дома не отменяется. Нам еще предстоит это сделать, когда я буду в нормальном состоянии осознания.

Когда мы вернулись в дом Сильвио Мануэля, дон Хуан сказал, что мастерство, с которым Хенаро владеет своим телом сновидения – ничто в сравнении с тем, на что были способны древние видящие.

– Скоро сам увидишь, – пообещал он тоном, не предвещавшим ничего хорошего, и рассмеялся.

С возрастающим чувством страха я принялся его расспрашивать, но это только вызвало новый приступ смеха. Наконец, он перестал смеяться и сообщил, что собирается рассказать мне о том, каким образом новые видящие добрались до тела сновидения, и как они его использовали.

– Древние видящие стремились получить совершенно точную копию тела, – продолжил он. – И это им почти удалось. Единственным, что им так и не удалось воспроизвести, были глаза. Вместо глаз у тела сновидения было просто свечение осознания. Когда раньше Хенаро показывал тебе свое тело сновидения, ты никогда этого не сознавал.

Новых видящих воссоздание точной копии тела интересует мало. Фактически, копирование тела их не интересует вообще.

Однако название «тело сновидения» они сохранили. Так они называют чувство, сгусток энергии, который сдвигом точки сборки может быть направлен в любое место этого мира или в любое место какого угодно из семи миров, доступных человеку.

Затем дон Хуан в общих чертах описал методику достижения тела сновидения. Все начинается с исходного действия, которое, благодаря качеству непрерывности (длительности, поддерживаемости), рождает несгибаемое намерение. Несгибаемое намерение ведет к внутреннему безмолвию, а оно к внутренней силе, нужной для сдвига точки сборки в подходящие позиции во снах.

Он назвал эту последовательность фундаментом. Когда работа над фундаментом завершена, наступает очередь контроля. Его развивают посредством систематического сохранения позиции сновидения. Для этого используется практика упорного удержания картины сна. Благодаря настойчивой практике, появляется способность свободно сохранять новые позиции сновидения в новых снах. И дело здесь не столько в том, что по мере практики более совершенным становится контроль, сколько в том, что каждая тренировка в контроле укрепляет внутреннюю силу. Укрепленная внутренняя сила, в свою очередь, приводит к сдвигу точки сборки в более подходящие для развития уравновешенности позиции сновидения. Другими словами, сны сами по себе становятся все более управляемыми и даже упорядоченными.

– Развитие сновидящих – косвенное, – продолжал дон Хуан. – Именно поэтому видящие считают, что сновидение мы можем практиковать самостоятельно. В сновидении используется естественный, органичный сдвиг точки сборки, поэтому мы не нуждаемся ни в чьей помощи.

Однако мы нуждаемся в уравновешенности, причем очень сильно. Дать же ее нам либо помочь нам ее обрести не может никто, кроме нас самих. Без уравновешенности точка сборки перемещается хаотично, что соответствует хаосу, царящему в наших обычных снах.

Таким образом, в конечном счете, тело сновидения достигается безупречностью в нашей обычной жизни.

Дон Хуан объяснил, что когда уравновешенность достигнута, и позиции сновидения становятся все более и более устойчивыми, можно сделать следующий шаг: пробудиться в любой из позиций сновидения. Звучит просто, однако в действительности речь идет о действии исключительно сложном – настолько сложном, что для его выполнения требуется задействовать не только уравновешенность, но также и все атрибуты пути воина, и в особенности – намерение.

Я спросил, как намерение помогает воину пробудиться в позиции сновидения. Он ответил, что намерение, будучи сложнейшим³⁸ управлением силой настройки, за счет уравновешенности сновидящего, сохраняет настройку тех эманаций, которые начали светиться вследствие сдвига точки сборки.

Дон Хуан сказал, что у сновидения есть еще одна грозная ловушка – сама сила тела сновидения. Например, телу сновидения очень легко периодически подолгу созерцать эманации Орла. Однако в итоге оно так же легко может оказаться полностью ими поглощенным. Видящие, созерцавшие эманации Орла без помощи тела сновидения, умирали. А те, кто созерцал их в теле сновидения, сгорали в огне изнутри. Новые видящие решили эту проблему с помощью группового видения: пока один созерцал, остальные находились рядом, готовые прервать его видение.

– Как новые видящие видели группами?– спросил я.

– Они сновидели вместе, – объяснил он. – Как ты сам знаешь, несколько видящих могут одновременно возбудить одни и те же незадействованные эманации. В этом нет ничего нереального. Правда, и в этом случае каких-то специальных методов или техник, позволяющих это осуществить, нет. Это просто случается.

Он добавил, что при совместном сновидении что-то вдруг начинает нас вести, и мы вдруг обнаруживаем, что видим ту же картину, что и остальные сновидящие. А происходит вот что: наше

³⁸ The most sophisticated – самый утонченный, самый сложный, самый тонкий

человеческое состояние заставляет нас автоматически сфокусировать свечение осознания на тех эманациях, которые используют другие находящиеся рядом человеческие существа. Мы согласуем положение своей точки сборки с тем положением, которое она занимает у них. В правосторонней части своего осознания мы делаем это каждый день, когда воспринимаем наш обычный мир. В совместном сновидении мы делаем то же самое, но только в левосторонней части осознания.

Глава 12. Нагуаль Хулиан

В доме царило странное оживление. Все видящие партии дона Хуана пребывали в возбужденном состоянии, граничившем с рассеянностью. Такого я здесь еще ни разу не видел. Их и без того высокий энергетический уровень, казалось, сделался еще выше. Мне стало несколько не по себе. Я спросил дона Хуана, в чем дело. Он пригласил меня пройти во внутренний дворик. Некоторое время мы прогуливались молча. Потом он сказал, что их время близится, и скоро они уйдут. И он должен постараться успеть закончить свои объяснения до этого.

– Откуда вы знаете, что близится время вашего ухода? – спросил я.

– Это – внутреннее знание, – ответил он. – Когда-нибудь оно придет и к тебе. Видишь ли, нагуаль Хулиан заставлял мою точку сборки сдвигаться бесчисленное множество раз. Точно так же, как я заставлял твою. А затем он оставил мне задание: восстановить настройку всех тех эманаций, которые он помогал мне настроить, сдвигая мою точку сборки. Такое задание получает каждый нагуаль. Во всяком случае, процесс восстановления настройки подготавливает почву к осуществлению такого специфического маневра, как воспламенение всех эманации внутри кокона. Я почти достиг этого. Я приближался к своему пику. А поскольку я – нагуаль, то, как только я воспламеню эманации внутри моего кокона, все мы исчезнем в одно мгновение.

Я ощутил, что должен был бы опечалиться и всплакнуть, однако что-то во мне возрадовалось известию о грядущем освобождении нагуаля Хуана Матуса. Я подпрыгнул на месте и завопил от восторга. Я знал, что когда-нибудь, достигнув иного состояния осознания, я буду плакать от печали. Но в тот день я был полон счастья и оптимизма.

Я поведал дону Хуану о своих чувствах. Он засмеялся и похлопал меня по спине.

– Вспомни мои слова, – сказал он, – об эмоциональном понимании. Не следует на него опираться. Пусть сначала сдвинется твоя точка сборки. Понимание придет позже – годы спустя.

Мы прошли в большую комнату и присели, чтобы побеседовать. Какое-то мгновение дон Хуан колебался. Он выглянул в окно. С того места, где стояло мое кресло, был виден внутренний дворик. Было пасмурно. Время недавно перевалило за полдень. Собирался дождь. Грозовые облака двигались с запада. Мне нравились пасмурные дни. А дону Хуану – нет. Он немного поерзал в кресле, усаживаясь поудобнее.

Начал он свой рассказ с объяснения того, что сложность воспоминания всего, происходившего с человеком в состоянии повышенного осознания, связана с тем огромным количеством позиций, в которые точка сборки может сдвинуться после нарушения ее фиксации в нормальной позиции. С другой стороны, в состоянии нормального осознания точка сборки всегда находится в одном и том же обычном месте, поэтому все вспоминается легко и связность воспоминаний не нарушается.

Дон Хуан сказал, что сочувствует мне. И я должен принять то, что вспомнить будет очень сложно. И следует отдавать себе отчет в том, что мне, возможно, так никогда и не удастся восстановить настройку всех тех эманаций, которые он помогал мне настраивать. И задание мое останется невыполненным. Такое вполне возможно.

– Подумай об этом, – с улыбкой произнес он. – Ведь может статься, ты никогда не сможешь вспомнить даже этой нашей с тобой беседы, хотя в данный момент все выглядит так обычно и естественно. Вот – истинная тайна осознания. Она переполняет нас. Эта тайна сочится сквозь все наши поры, мы пахнем тьмой и чем-то еще – невыразимым и необъяснимым. И относиться к самим себе по-другому – безумие. Поэтому не следует стараться закрывать глаза на тайну внутри себя, пытаясь втиснуть ее в рамки здравого смысла или чувствуя к себе жалость. Человеческая глупость – вот что следует изживать в себе. И делать это посредством ее понимания. И не следует извиняться ни за то, ни за другое. Ибо и глупость, и тайна суть вещи необходимые.

Один из великих приемов, практикуемых сталкерами это – противопоставление друг другу скрытой в каждом из нас тайны и нашей глупости.

Он объяснил, что практики, составляющие искусство сталкинга, вряд ли могут вызвать восхищение, более того, они, по сути, откровенно предосудительны. Зная это, новые видящие пришли к заключению, что обсуждение либо практика принципов сталкинга в нормальном состоянии осознания не совпадает ни с чьими интересами.

Я обратил внимание на явное противоречие: он говорил, что воин не может адекватно действовать в мире, находясь в состоянии повышенного осознания, и он же говорил, что сталкинг – всего-навсего особое поведение с людьми.

– Говоря о том, что сталкингу не учат в нормальном состоянии осознания, я имел в виду обучение нагуаля, – объяснил он. – Сталкинг преследует двоякую цель. Во-первых, добиться максимально устойчивого и безопасного сдвига точки сборки, а это наилучшим образом достигается именно посредством сталкинга. А во-вторых, внедрить принципы сталкинга на очень глубокий уровень, что позволяет обойти человеческую инвентаризацию, как естественную реакцию отрицания, либо осуждения того, что может быть оскорбительным или отвратительным для здравого смысла.

Я сказал дону Хуану, что весьма сомневаюсь в своей способности выносить суждения по поводу подобных вещей или отрицать их. Он рассмеялся и заметил, что вряд ли я стану исключением иотреагирую иначе, чем все остальные, когда услышу о деяниях великого мастера сталкинга, каковым являлся бенефактор дона Хуана нагуаль Хулиан.

– Я вовсе не преувеличиваю, говоря, что нагуаль Хулиан был самым выдающимся из всех известных мне мастеров сталкинга, – продолжал дон Хуан. – Ты уже слышал о его мастерстве сталкинга от многих, но я еще ни разу тебе не рассказывал о том, что он сделал со мной.

Я хотел было сказать, что никогда ни от кого ничего не слышал о мастерстве нагуаля Хулиана, но, прежде чем я успел это сделать, меня охватило странное чувство неуверенности. Дон Хуан, казалось, мгновенно узнал, что я испытываю. Он удовлетворенно усмехнулся.

– Ты не можешь вспомнить, потому что воля пока что не находится в твоём распоряжении, – сказал он. – Тебе нужна безупречная жизнь и много добавочной энергии. Тогда воля сможет освободить эти воспоминания. Я же собираюсь рассказать тебе о том, как нагуаль Хулиан поступил со мной, когда мы с ним встретились. Если ты осудишь его и найдёшь его поведение предосудительным сейчас, когда находишься в состоянии повышенного осознания, то можешь себе представить, насколько отвратительным типом он бы тебе показался в твоём нормальном состоянии.

Я возразил, заявив, что он, вероятно, готовит какой-нибудь розыгрыш. Он заверил меня, что не собирается никого разыгрывать, а лишь намерен своим рассказом проиллюстрировать образ действия сталкеров, а также причины, побуждающие их вести себя так, а не иначе.

– Нагуаль Хулиан был последним из сталкеров старого времени, – продолжал дон Хуан. – Он был сталкером не по необходимости, а по призванию.

Дон Хуан объяснил, что новые видящие увидели: человеческие существа делятся на две группы. Одну составляют те, кому есть дело до других, а вторую – те, кому нет дела ни до кого. Разумеется, речь идет о крайних проявлениях, между которыми имеется бесконечное множество промежуточных состояний. Нагуаль Хулиан принадлежал к категории тех, кому другие безразличны. Себя же дон Хуан отнес к противоположной категории.

– Но разве не ты рассказывал мне о великодушии нагуаля Хулиана, о том, что он готов был снять с себя рубашку и отдать ее тебе? – спросил я.

– А он и был готов, – ответил дон Хуан. – Более того, он был не только великодушен, но и бесконечно очарователен и обаятелен. Он всегда глубоко и искренне интересовался делами всех, кто его

окружал. Его всегда отличали доброта и открытость, и все, что имел, он был готов в любой момент отдать всякому, кто в этом нуждался или просто ему нравился. И его любили все, кто имел с ним дело, поскольку, будучи мастером сталкинга, он умел дать людям почувствовать его действительное к ним отношение: что он не даст и ломаного гроша ни за одного из них.

Я промолчал, но дон Хуан знал, что я ощущаю недоверие и даже некоторое раздражение по поводу того, что он рассказал. Он усмехнулся и покачал головой:

– Таков сталкинг. Видишь, рассказ о нагуале Хулиане еще даже не начался, а ты уже раздражен.

Я попытался объяснить свои ощущения. Он расхохотался.

– Нагуалю Хулиану было наплевать на всех без исключения, – продолжил он. – И именно поэтому он мог оказывать людям помощь. И он ее оказывал; он отдавал им то, что у него было. Потому что ему было на них наплевать.

– Уж не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что своим ближним помогают только те, кому на них в высшей степени начхать? – спросил я раздраженно.

– Так говорят сталкеры, – ответил он с лучезарной улыбкой. – Нагуаль Хулиан, например, был фантастической силы целителем. Он помог многим тысячам своих ближних, но никогда не говорил, что делает это. Все считали целителем одну из женщин-видящих его команды.

– А если бы его ближние не были ему безразличны, он потребовал бы признания. Те, кому есть дело до других, заботятся и о себе, и требуют признания везде, где можно.

Дон Хуан сказал, что, принадлежа к категории тех, кому ближние не безразличны, сам он никогда никому не помогал. Он чувствовал неловкость от великодушия. Он даже представить себе не мог, что его могут любить так, как любили нагуалья Хулиана. И

уж наверняка ему показалось бы глупостью отдать кому-нибудь последнюю рубашку.

– Меня настолько сильно беспокоит судьба моих близких, – продолжал дон Хуан, – что я и пальцем не пошевелю ради любого из них. Я просто не буду знать, что делать. И меня всегда будет грызть мысль, что своими подарками я навязываю им свою волю.

– Конечно, путь воина помог мне преодолеть все эти чувства. Любой воин может с успехом обращаться с людьми таким же образом, как это делал нагуаль Хулиан. Но для этого сначала нужно сдвинуть точку сборки в положение, в котором не имеет значения – нравится он людям, не нравится или им нет до него дела. Но это – совсем другое.

Дон Хуан сказал, что, впервые познакомившись с принципами сталкинга, он пришел в крайнее недоумение. Нагуаль Элиас, который был очень похож на дону Хуана, объяснил ему, что сталкеры, подобные нагуалю Хулиану – естественные лидеры среди людей. Они могут помочь людям в чем угодно.

– Нагуаль Элиас говорил, что такой воин может помочь человеку исцелиться, – продолжал дон Хуан, – а может помочь ему заболеть. Может помочь найти счастье и может помочь найти горе. Я предложил нагуалю Элиасу вместо слов «помочь человеку» употреблять выражение «повлиять на человека». Он сказал, что такой воин не просто влияет на людей, но очень активно их подталкивает.

Дон Хуан усмехнулся и пристально на меня взглянул. В его глазах светились лукавые искорки.

– Странно, не правда ли? – сказал он. – Интересно как сталкеры толкуют то, что видят в людях, а?

И дон Хуан начал свой рассказ о нагуале Хулиане. Он сказал, что тот много лет провел в ожидании ученика-нагуаля. На дону Хуана он наткнулся, когда однажды возвращался домой после короткого визита к знакомым, жившим в соседней деревне. Идя по дороге, он как раз размышлял об ученике-нагуале. Вдруг раздался

громкий выстрел, и нагуаль Хулиан увидел, как люди разбегаются во все стороны. Вместе со всеми он забежал в придорожные кусты и вышел оттуда только тогда, когда увидел группу людей, собравшихся на дороге вокруг раненого человека, который лежал на земле.

Раненым, разумеется, оказался дон Хуан, в которого выстрелил управляющий-тиран. Нагуаль Хулиан мгновенно увидел, что дон Хуан – тот особый человек, чей кокон разделен на четыре части, а не на две, и понял, что ранен тот очень тяжело. Нельзя было терять ни минуты: желание нагуаля Хулиана исполнилось, и он должен был действовать, пока никто не сообразил что происходит. Он схватился за голову и запричитал:

– О-о-о! Они убили моего сына!

Обычно он путешествовал вместе с одной из женщин-видящих своей команды, крепко сбитой индианкой. На людях она, как правило, играла роль его злой и вредной жены. Они были великолепной командой сталкеров. Нагуаль Хулиан подал ей знак, и она тоже принялась с подвыванием рыдать о их бедном сыне, в беспамятстве истекавшем кровью. Нагуаль Хулиан попросил собравшихся зевак не вызывать полицию, а вместо этого помочь ему перенести сына домой в городок, который находился на некотором расстоянии от того места. Он пообещал четверем сильным парням, что заплатит им, если они отнесут туда его сына.

Парни принесли дон Хуана в дом нагуаля Хулиана. Нагуаль расплатился с ними очень щедро. Те были настолько тронуты горем этих людей, плакавших всю дорогу до дома, что даже отказались принять деньги. Однако нагуаль Хулиан настоял на своем, сказав, что, если они возьмут деньги, это принесет удачу его сыну.

В течение нескольких дней дон Хуан не знал, что и думать об этих добрых людях, которые взяли его в свой дом. Нагуаль Хулиан разыгрывал перед ним почти выжившего из ума старика. Старик не был индейцем, но был женат на молодой раздражительной толстой индианке, которая физически была настолько же сильна, насколько по характеру – сварлива. Дон Хуан подумал, что она, очевидно, –

целитель, судя по тому, как умело она пользовалась его рану, а также по огромному количеству лекарственных растений, сложенных в комнате, где он лежал.

Старик во всем подчинялся женщине. Она заставляла его ежедневно обрабатывать рану дон Хуана. Они постелили дону Хуану на толстой циновке, и старику приходилось туго каждый раз, когда он вынужден был опускаться на колени возле раненого. Дон Хуан с трудом сдерживал смех, наблюдая за тем, как немощный старец прикладывает все усилия, на какие способен, для того, чтобы согнуть ноги в коленях. Промывая рану, старик все время что-то бормотал, глядя прямо перед собой совершенно отсутствующим взглядом, руки его при этом дрожали, а все тело тряслось от макушки до пят.

Опустившись на колени, он уже не мог подняться самостоятельно. Хриплыми воплями он звал жену, едва сдерживая гнев. Та входила в комнату, и начиналась жуткая свара. Зачастую женщина уходила, так и оставив старика стоять на коленях, и ему приходилось подниматься самостоятельно.

Дон Хуан заверил меня, что никогда и ни к кому он не чувствовал такого сострадания, как к бедному старику. Много раз он пытался подняться и помочь ему, но едва мог шевелиться сам. Однажды старик потратил почти полчаса на то, чтобы доползти до двери и там, цепляясь за нее, с трудом встать. При этом он не переставая кричал и ругался.

Он объяснил дону Хуану, что причинами его слабого здоровья являются преклонный возраст, плохо сросшиеся переломы и ревматизм. Подняв к небу глаза, старик признался дону Хуану, что чувствует себя самым несчастным человеком на земле: пришел к целительнице за помощью, а закончил тем, что женился на ней и превратился в раба.

– Я спросил старика, почему он не уходит от нее, – продолжал дон Хуан. – Глаза старика расширились от ужаса. Шикнув на меня, чтобы я замолчал, он поперхнулся собственной слюной, а затем, буквально окаменев, грохнулся во весь рост рядом с моей постелью,

пытаясь заставить меня закрыть рот. С диким выражением глаз он, не останавливаясь, твердил: «Ты сам не знаешь, что говоришь, ты сам не знаешь, что говоришь. Никто не в силах отсюда убежать».

— И я ему поверил. Я был убежден, что он более несчастен и жалок, чем я когда-либо был в своей жизни. И с каждым днем я чувствовал себя в том доме все более и более неловко. Кормили меня прекрасно, женщины постоянно не было дома — она ходила по больным — так что почти все время я проводил наедине со стариком. Мы много беседовали о моей жизни. Мне нравилось с ним разговаривать. Я сказал ему, что заплатить за его доброту не смогу, так как не располагаю деньгами, но что сделаю все возможное, чтобы ему помочь. На это он ответил, что помочь ему невозможно, что он готов умереть, но если я действительно говорю искренне, то он хотел бы, чтобы после его смерти я женился на его жене. И тут я понял, что старик рехнулся. И еще я понял, что нужно бежать, и чем раньше, тем лучше.

Дон Хуан рассказал, что когда достаточно окреп, чтобы ходить без посторонней помощи, бенфактор самым жутким образом продемонстрировал ему свои способности сталкера. Без какой-либо подготовки или предупреждения, он столкнул дону Хуана нос к носу с неорганическим существом. Почувствовав, что дон Хуан собирается сбежать, он воспользовался возможностью напугать его своим союзником, который мог становиться похожим на чудовищной наружности человека.

— Увидев этого союзника, я едва не сошел с ума, — продолжал дон Хуан. — Я не мог поверить своим глазам, но чудовище стояло передо мной. А немощный старик стоял рядом и хныкал, моля чудовище о пощаде. Видишь ли, мой бенефактор был похож на древних видящих — он умел выдавать свой страх порциями, а союзник на это соответственно реагировал. Но я-то этого не знал. Я только видел собственными глазами, что к нам приближается совершенно ужасающее создание, готовое нас растерзать.

— В тот момент, когда союзник, шипя подобно змее, ринулся на нас, я рухнул без чувств. Когда я пришел в себя, старик сказал, что ему удалось с чудовищем договориться.

Он объяснил, что чудовищный человек согласился оставить их обоих в живых при условии, что дон Хуан станет ему служить. Предчувствуя недоброе, дон Хуан спросил, в чем будет заключаться служба. Старик ответил, что это будет рабство, но напомнил, что жизнь дон Хуана почти закончилась несколько дней назад, когда в него стреляли. И если бы они с женой его не подобрали и не остановили кровотечение, он бы непременно скончался. Так что торговаться все равно не имеет смысла, ибо торговать нечем и не на что. Чудовищному человеку все это было известно, поэтому он мог диктовать условия. Старик сказал дону Хуану, что раздумывать нечего – надо соглашаться. Чудовищный человек стоит за дверью и все слушает. И если дон Хуан откажется, то он ворвется в комнату и прикончит их на месте. И этим все закончится.

– У меня еще хватило выдержки на то, чтобы спросить у старика, который весь дрожал, как осиновый лист, каким образом чудовищный человек собирается нас убивать, – продолжал дон Хуан. – Старик ответил, что монстр планирует переломать все наши кости, начиная со ступней. При этом мы будем дико кричать и корчиться в невыразимых муках. А смерть наступит не ранее, чем через пять дней.

И я мгновенно согласился на любые условия. Со слезами на глазах он поздравил меня и сказал, что уговор, который он заключил с монстром, на самом деле не так уж плох. Мы должны были превратиться не столько в рабов, сколько в пленников чудовищного человека. Кормить нас будут как минимум дважды в день, и, сохранив себе жизнь, мы сможем заняться поисками пути к освобождению. Мы сможем строить планы, придумывать различные уловки и бороться за то, чтобы вырваться из этого ада.

Дон Хуан улыбнулся, а затем разразился хохотом. Он заранее знал, как я отнесусь к нагуалю Хулиану.

– Я же говорил тебе, что ты расстроишься, – сказал он.

– Я, правда, не понимаю, дон Хуан, – сказал я, – какой был смысл во всем этом крайне сложном маскараде?

– Все очень просто, – по-прежнему улыбаясь, ответил он. – Это – другой метод обучения, причем очень хороший. От учителя он требует громаднейшего воображения и не меньшей степени контроля. Мой метод обучения гораздо ближе к тому, что называешь обучением ты. Он требует огромного количества слов. Я иду до конца в разговоре. Нагуаль Хулиан шел до конца в stalkinge.

Дон Хуан сказал, что видящие используют два метода обучения, и что он знаком с обоими. Первый метод заключается в предварительном объяснении всего того, что будет происходить с человеком. Лично дон Хуан отдает предпочтение именно этому методу, поскольку он является системой, которая предполагает свободу выбора и понимание. Метод его бенефактора, наоборот, был более принудительным и не давал возможности ни выбирать, ни понимать. Но его огромное преимущество – в том, что он заставляет воина непосредственно переживать концепции видящих без каких бы то ни было промежуточных объяснений.

Как объяснил далее дон Хуан, все, что проделывал с ним его бенефактор, было шедевром стратегии. Каждое свое слово и действие нагуаль Хулиан тщательно подбирал таким образом, чтобы добиться вполне определенного эффекта. Его искусство состояло в том, чтобы снабдить слова и действия наиболее подходящим контекстом для того, чтобы они могли оказать необходимое воздействие.

– В этом заключается метод сталкеров, – объяснил дон Хуан. – Он благоприятствует не пониманию, а полному осознанию. Вот, например: мне потребовалось много времени – вся жизнь – на то, чтобы понять, что проделал нагуаль Хулиан, когда столкнул меня нос к носу с союзником. Хотя осознал я все без каких бы то ни было объяснений в тот самый миг, когда пережил это.

Хенаро, скажем, вообще не понимает своих манипуляций – об этом речь у нас с тобой уже шла, но он осознает все, что делает, с предельной остротой и ясностью. Это так, потому что его точка сборки была сдвинута методом сталкеров. Если точка сборки была сдвинута со своего обычного места методом подробного объяснения – как, например, происходит с тобой – то все время сохраняется

необходимость во внешней помощи не только для осуществления реального перемещения точки сборки, но и для объяснения происходящего. Если же точка сборки была сдвинута с помощью метода сталкеров, как было со мной и с Хенаро, то необходимость сохраняется лишь в начальном каталитическом действии, которое выдержнуло бы точку сборки из ее нормального положения.

Дон Хуан сказал что, когда нагуаль Хулиан столкнул его с чудовищного вида союзником, его точка сборки начала сдвигаться от страха. Испуг такой степени интенсивности в сочетании с еще не совсем восстановившимся после ранения здоровьем оказался идеальным средством для смещения точки сборки.

Для компенсации вредного воздействия страха требовалось несколько смягчить, но не минимизировать это воздействие. Объяснение происходящего свело бы страх к минимуму. А нагуаль Хулиан хотел быть уверен в том, что сможет воспользоваться каталитическим эффектом испуга столько раз, сколько потребуется. И в то же время ему нужна была гарантия того, что он сможет смягчить разрушительное воздействие испуга. Потому он и устроил весь этот маскарад. Чем более подробными и драматическими были его рассказы, тем большим смягчающим эффектом они обладали. Он как бы оказался в одной лодке с доном Хуаном, и тому не было так страшно, как было бы, если бы он знал, что одинок.

– Благодаря своему драматическому таланту, – продолжал дон Хуан, – бенефактор умудрился сдвинуть мою точку сборки достаточно далеко для того, чтобы сразу же наполнить меня всеподавляющим чувством двух основных качеств воина – долговременным³⁹ усилием и несгибаемым намерением. Я знал, что стать когда-нибудь снова свободным я смогу, только настойчиво и систематически работая в сотрудничестве с немощным старцем, нуждавшимся, как я полагал, в моей помощи не меньше, чем я нуждался в его. Я знал без тени сомнения, что больше всего на свете хочу именно этого.

В следующий раз мне удалось поговорить с доном Хуаном только через два дня. Было раннее утро, мы прогуливались с ним по

³⁹ Sustained – см. стр. 191

главной площади Оахаки. Дети шли в школу, люди направлялись в церковь, кое-кто сидел на скамейках, а водители такси ожидали туристов возле городского отеля.

– Само собой разумеется, самым сложным делом на пути воина является сдвиг точки сборки, – сказал дон Хуан. – Когда она начала перемещаться, заканчивается собственно поиск воина. С этого момента характер поиска изменяется, он становится поиском видящего.

Он еще раз повторил, что сдвиг точки сборки – главная и единственная задача пути воина. Древние видящие этого абсолютно не понимали. Они считали, что смещение точки сборки – своего рода стрелка, определявшая их положение по шкале достоинства. Они так никогда и не смогли постичь, что все воспринимаемое ими определяется именно этим смещением.

– Метод сталкеров, – продолжал дон Хуан, – когда его применяет такой мастер-сталкер, как нагуаль Хулиан, позволяет достичь просто потрясающих сдвигов точки сборки. Изменения, при этом возникающие, весьма устойчивы. Видишь ли, становясь опорой ученика, наставник-сталкер добивается полного его сотрудничества и полного соучастия. А приведение ученика к полному сотрудничеству и полному соучастию является чуть ли не важнейшим результатом метода сталкеров, и нагуаль Хулиан был непревзойденным мастером по части их достижения.

Дон Хуан сказал, что нет никакой возможности описать то удивление и замешательство, которое он испытывал, все больше и больше узнавая богатство и сложность личности нагуаля Хулиана и его жизни. Имея дело с запуганным, хилым и вроде бы совершенно беспомощным стариком, дон Хуан чувствовал себя довольно легко и удобно. Но однажды, вскоре после того, как они заключили свой договор с чудовищным человеком, его удобство было рассеяно в прах: нагуаль Хулиан в очередной раз жестко продемонстрировал ему свое мастерство сталкинга.

К тому времени дон Хуан был уже вполне здоров, но нагуаль Хулиан по-прежнему спал с ним в одной комнате и продолжал за

ним ухаживать. Как-то, проснувшись утром, нагуаль Хулиан объявил, что их тюремщик на пару дней уехал, а это значит, что можно на время перестать притворяться стариком. Он признался дону Хуану, что делал это все время для того, чтобы одурачить чудовище.

Не давая дону Хуану опомниться, он с невероятной ловкостью вскочил со своей циновки, наклонился, засунул голову в ведро с водой и некоторое время ее там подержал. Когда он выпрямился, волосы его были черны как смоль, седина вся смылась, и перед доном Хуаном предстал человек лет тридцати пяти-сорока. Он играл мускулами, глубоко дышал и потягивался всем телом, словно очень долго просидел в тесной клетке.

– Когда я увидел нагуалья Хулиана в образе молодого человека, я решил, что передо мною – сам дьявол, – продолжал дон Хуан. – Я закрыл глаза, решив, что конец мой близок. Нагуаль Хулиан хохотал до слез.

Затем нагуаль Хулиан привел дона Хуана в чувство, заставив его сдвинуться из правой стороны осознания в левую и обратно.

– Два дня молодой человек буквально носился по дому, – продолжал дон Хуан. – Он рассказывал мне истории из своей жизни и шутил, заставляя меня то и дело кататься по полу от хохота. Но еще более поразительные изменения произошли с его женой. Она сделалась стройной и по-настоящему красивой. Мне казалось, что это – совершенно другая женщина. Я с восторгом говорил о том, насколько неузнаваемо она изменилась и какой красавицей выглядит теперь. Молодой человек сказал, что, когда их тюремщик уезжает, она действительно становится совсем другой женщиной.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что слова его дьявольского бенефактора были истинной правдой. Поскольку женщина и в самом деле была совсем другой видящей из команды нагуалья.

Дон Хуан спросил у молодого человека, зачем они притворяются. Молодой человек взглянул на дона Хуана, глаза его наполнились слезами, и он сказал, что тайны мира воистину непостижимы. Он и его молодая жена попали в сети некой

необъяснимой силы и вынуждены прибегать к притворству, чтобы защититься. А поскольку их тюремщик все время подсматривает сквозь щели в двери, то ему приходится сохранять образ немощного старца все время. Он просил дона Хуана простить его за вынужденный обман.

Дон Хуан поинтересовался, кем является этот человек чудовищной наружности. Глубоко вздохнув, молодой человек ответил, что не имеет об этом ни малейшего понятия. Он сказал, что, хотя сам и является человеком образованным — известным театральным актером из Мехико-Сити, найти какие-либо объяснения происходящему он не в силах. Он знает только то, что прибыл сюда для лечения туберкулеза, которым страдал уже много лет. Когда родственники привезли его к целительнице, он уже почти умирал. Она помогла ему поправиться, и он безумно влюбился в красивую молодую индианку, а затем и женился на ней. Он собирался увезти ее в столицу, где они смогли бы разбогатеть благодаря ее искусству целителя.

Прежде, чем они отправились в Мехико, она предупредила его, что им придется изменить внешность, чтобы ускользнуть от одного мага. Как она объяснила, мать ее тоже была целительницей, и обучал ее как раз этот мастер магии. А потом он потребовал, чтобы ее дочь осталась с ним на всю жизнь. Молодой человек сказал, что не стал тогда расспрашивать жену о ее взаимоотношениях с магом. Ее освобождение было единственным его стремлением, поэтому он замаскировался под старика, а ее замаскировал под толстую.

Но история их не окончилась счастливо. Их поймал жуткий человек и заточил в неволю. Они не отважились снять маскировку в присутствии того ужасающего чудовища, и при нем всегда делали вид, что ненавидят друг друга. На самом же деле они друг в друге души не чают и живут исключительно ради тех немногих дней, когда он уезжает.

Дон Хуан рассказал, как молодой человек обнял его за плечи и сообщил, что единственное безопасное место в доме — комната, в которой спит дон Хуан. И он попросил дона Хуана выйти и постоять немного на страже, пока они с женой будут заниматься любовью.

– Весь дом сотряснулся от их страсти, – рассказывал дон Хуан. – А я тем временем сидел снаружи, чувствуя неловкость оттого, что все слышу, и в смертельном страхе ожидая, что с минуты на минуту возвратится чудовище. И, будь уверен, в конце концов, я услышал его шаги у входной двери. Я принялся колотить в дверь комнаты. Они не отвечали. Я вошел. Молодая женщина спала там обнаженной, молодого же человека нигде не было видно. Никогда в жизни я не видел такую красивую женщину обнаженной. И я все еще был очень слаб. И я слышал, как гремит чем-то за дверью чудовищный человек. Стеснение мое и страх были столь велики, что я упал в обморок.

Рассказ о нагуале Хулиане привел меня в состояние крайнего раздражения. Я заявил дону Хуану, что не понимаю, в чем ценность мастерства нагуаля Хулиана в области сталкинга. Дон Хуан слушал, не перебивая. А я все нес и нес какую-то околесицу.

Когда мы, наконец, присели на скамейку, я чувствовал страшную усталость. И на вопрос дон Хуана, чем же все-таки меня так расстроил рассказ о методе нагуаля Хулиана, я не смог ответить ни слова.

– Я не могу отделаться от ощущения, что он был просто злостным насмешником, – произнес я наконец.

– Злостный насмешник своими выходками ничему целенаправленно не учит, – возразил дон Хуан. – А нагуаль Хулиан разыгрывал драмы – магические драмы, которые требовали сдвигов точки сборки.

– А мне он кажется матерым эгоистом, – настаивал я.

– Ты судишь, – сказал дон Хуан. – Потому он и кажется тебе таковым. Ты – моралист. Я и сам через все это прошел. И, если ты испытываешь такие чувства, только услышав о делах нагуаля Хулиана, то можешь себе представить, что испытывал я, живя в его доме годами. Я осуждал его, боялся его, завидовал ему. И еще я любил его, но зависть моя превосходила мою любовь. Я завидовал его легкости, его таинственной способности по желанию становиться то молодым, то старым, я завидовал его потрясающему чутью и,

прежде всего, – его умению влиять на любого, с кем он имел дело. Я чуть на стену не лез от зависти, когда слышал, как он втягивает людей в интереснейшие беседы. У него всегда было, что сказать. А у меня – не было. И я ощущал себя тупым и никому ненужным.

Откровения дона Хуана заставили чувствовать себя неловко. Мне захотелось, чтобы он сменил тему, мне не нравился его рассказ о том, что он был таким же, как я. Ведь я привык думать о нем, как о ком-то несравненном. Он явно почувствовал, что со мной происходит, и рассмеялся, похлопав меня по спине.

– Я рассказываю тебе о своей зависти, – продолжил он, – для того, чтобы ты понял важнейшую вещь: все наше поведение и все наши чувства диктуются только позицией точки сборки.

И моим большим недостатком в то время, о котором я тебе рассказываю, было непонимание этого принципа. Я был неопытен. Я жил самозначительностью, как живешь сейчас ты, потому что в соответствующем месте располагалась моя точка сборки. Видишь ли, тогда я еще не научился тому, что для сдвига точки сборки надо установить новые привычки, *(по)велеть* ей двигаться⁴⁰. А когда мне удалось сместить точку сборки, я вдруг обнаружил: с несравненными воинами вроде моего бенефактора и его команды можно иметь дело, только не обладая самозначительностью. Только этим достигается беспристрастное к ним отношение.

Он сказал, что понимание бывает двух видов. Первый – просто болтовня, вспышки эмоций и ничего более. Второй – результат сдвига точки сборки. Этот второй вид понимания связан не с эмоциональными выбросами, а с действием. Эмоциональное осознание приходит годы спустя, когда воин закрепил новую позицию точки сборки многократным ее использованием.

– Нагуаль Хулиан неустанно вел нас к такого рода смещению, – продолжал он. – Он добился от нас полной готовности к сотрудничеству и полной вовлеченности в те драмы, которые разыгрывал, и которые были ярче самой жизни. Например, разыграв драму молодого человека, его жены и их тюремщика, он

⁴⁰ To establish new habits, to will it to move

полностью овладел моим нераздельным вниманием и сочувствием. Для меня вся эта история со стариком, который оказался молодым, выглядела очень убедительно. Я видел чудовище собственными глазами, а это значило, что он мог рассчитывать на мое полное и безусловное участие.

Дон Хуан сказал, что нагуаль Хулиан был магом и волшебником, способным управлять силой *воли* в степени, которая была непостижимой с точки зрения обычного человека. В его драмах принимали участие волшебные персонажи, вызванные силой *намерения*. Таким персонажем было, например, неорганическое существо, способное принимать гротескную человеческую форму. Сила нагуаля Хулиана была настолько безупречна, – продолжал дон Хуан, – что он мог заставить чью угодно точку сборки сдвинуться и настроить эманации, необходимые для восприятия любых задуманных нагуалем Хулианом элементов картины мира. Благодаря этому он мог, например, выглядеть слишком молодым и слишком старым для своего возраста, в зависимости от того, какие цели преследовал. И все, кто знал нагуаля Хулиана, могли сказать о его возрасте лишь одно: неопределенный. В течение тридцати двух лет нашего с ним знакомства он то выглядел совсем молодым, как ты сейчас, то становился стариком, настолько немощным, что едва мог ходить.

Дон Хуан сказал, что под воздействием бенефактора его точка сборки начала смещаться – очень незаметно, однако глубоко. Однажды, например, дон Хуан ни с того, ни с сего вдруг осознал, в нем присутствует страх. И страх этот, с одной стороны, не имеет для него никакого смысла, а с другой – создает весь смысл на свете.

– Я боялся, что, из-за своей глупости я не смогу достичь свободы и повторю жизненный путь своего отца, – объяснил дон Хуан. – Нет, не думай, в жизни моего отца не было ничего особенно плохого. Он жил и умер не лучше и не хуже, чем живет и умирает большинство людей. Важно другое: моя точка сборки сдвинулась, и в один прекрасный день я вдруг понял, что жизнь моего отца и его смерть ничего равным счетом не дали. Ни ему, ни кому бы то ни было другому.

– Мой бенефактор говорил мне, что мои родители жили и умерли только для того, чтобы родился я. Так же, как и их родители

сделали для них то же самое. Воин относится к жизни иначе. За счет сдвига точки сборки он отдает себе отчет в том, какой невероятно огромной ценой оплачена его жизнь. Этот сдвиг рождает в осознании воина почтение и трепет, которого никогда не испытывали его родители ни перед жизнью вообще, ни перед собственной жизнью в частности.

Дон Хуан сказал, что нагуаль Хулиан не только добивался фантастических успехов в ведении учеников к смещению их точек сборки, но также получал от этого неслыханное удовольствие. И, конечно, работая со мной, он развлекался постоянно. Позже, когда через несколько лет на горизонте начали появляться другие видящие моей партии, я и сам каждый раз предвкушал занятные ситуации, которые он для каждого из них придумывал.

– Когда нагуаль Хулиан покинул мир, восторг ушел вместе с ним, чтобы никогда не вернуться. Иногда нас развлекает Хенаро и даже временами приводит в восторг, но это – не то. Никто не может занять место нагуаля Хулиана. Его драмы всегда превосходили все, что может встретиться в жизни. Уверяю тебя, мы все даже понятия не имели, что такое истинное наслаждение до тех пор, пока не увидели, что делает он сам, когда некоторые из его драм выходят ему боком.

Дон Хуан поднялся со своей любимой скамейки. Его глаза были сияющими и мирными. Он сказал:

– Если когда-нибудь ты обнаружишь, что ты настолько туп, что не можешь выполнить свою задачу, тебе должно хватить энергии хотя бы на то, чтобы сдвинуть свою точку сборки для того, чтобы попасть на эту скамейку. Присядь здесь ненадолго, свободный от мыслей и желаний. И тогда, где бы я ни был, я попытаюсь прийти сюда и взять тебя с собой. Обещаю тебе, что попытаюсь это сделать.

Затем он рассмеялся, словно обещал нечто практически невыполнимое и потому неправдоподобное.

– Мне следовало произнести эти слова вечером, – сказал он, все еще смеясь. – Но только не утром. Утро – время, полное оптимизма. И подобные слова теряют свое значение.

Глава 13. Толчок⁴¹ земли

– Давай-ка прогуляемся в сторону Оахаки, – предложил дон Хуан. – Там где-то у дороги нас должен ожидать Хенаро.

Его предложение застало меня врасплох. Весь день я ждал, что он продолжит свои объяснения. Выйдя из дома, мы долго неспешно шли по городу в сторону немощенной дороги и молчали. Неожиданно дон Хуан заговорил:

– Все время я рассказывал тебе о великих открытиях, сделанных видящими древности. Так вот, подобно тому, как они обнаружили, что органическая жизнь – не единственная присутствующая на земле форма жизни, они выяснили и то, что сама по себе Земля тоже является живым существом.

Прежде, чем продолжить, он с улыбкой выждал немного, как бы предлагая мне высказаться по поводу его заявления. Я не нашел, что сказать. Тогда он продолжил:

– Древние видящие увидели, что у Земли есть кокон. Они увидели – существует шар, внутри которого находится Земля. Этот шар – светящийся кокон, заключающий в себе эманации Орла. Таким образом, Земля – гигантское живое существо, подверженное воздействию тех же самых сил, воздействию которых подвержены и мы.

– Как только древние толтеки об этом узнали, они сразу же принялись за поиски путей практического применения нового знания. В результате появилась самая развитая категория их магии, которая имела дело с Землей. Толтеки считали Землю первоначальным источником всего того, чем мы являемся.

– И в этом они не ошибались. Земля – действительно наш первичный источник.

⁴¹ Boost – поддержка, подталкивание

Больше он не сказал ничего до тех пор, пока, пройдя вдоль дороги примерно милю, мы не встретили Хенаро. Он ждал нас, сидя на придорожном камне.

Очень тепло Хенаро приветствовал меня и сказал, что нам предстоит взобраться на вершину одного из скалистых холмов, покрытых чахлой растительностью.

– Мы – все втроем – сядем, прислонившись спиной к камню, – объяснил дон Хуан, – и будем смотреть на солнечный свет, отраженный от восточных гор. А когда солнце опустится за горы на западе, Земля, возможно, позволит тебе увидеть настройку.

Поднявшись на вершину горы, мы сели, прислонившись спинами к камню. Дон Хуан велел мне занять место между ним и Хенаро.

Я спросил у дона Хуана, что он собирается делать. Его загадочные фразы, перемежавшиеся длительным молчанием, производили зловещее впечатление. Я чувствовал себя ужасно обеспокоенным.

Дон Хуан не ответил. Он продолжал, словно я не произнес ни слова:

– Древние видящие были теми, кто, открыв, что восприятие есть настройка, наткнулись на нечто монументальное. Очень досадно, что их заблуждения опять не дали им возможности понять, что они совершили.

Он указал на горный хребет к востоку от городка.

– На этих горах достаточно блеска, чтобы подтолкнуть твою точку сборки. Прямо перед тем, как солнце зайдет за западные пики, у тебя будет несколько мгновений, чтобы поймать все нужное тебе сверкание. Магический ключ, который открывает двери Земли, – это внутренняя тишина и любая сверкающая вещь.

– Что я должен делать? – спросил я.

Оба они изучали меня. Я думал, что вижу в их глазах смесь любопытства и отвращения.

– Просто отсеки внутренний диалог, – ответил дон Хуан.

Меня охватили чувства тревоги и сомнения, смогу ли я сделать это, но потом я просто расслабился. Я осмотрелся. Мы находились достаточно высоко. Вся длинная узкая долина лежала перед нами как на ладони. Солнце еще освещало косыми лучами подножия гор на востоке, по другую сторону долины. Выветренные склоны казались охряно-оранжевыми, а голубоватые пики вдали приобрели пурпурный оттенок.

– Ты ведь отдаешь себе отчет в том, что уже делал это раньше?
– шепотом спросил у меня дон Хуан.

Я ответил, что не отдаю себе отчета ни в чем.

– Мы уже сидели здесь не один раз, – настаивал он, – но это не важно. В счет идет только этот раз. Сегодня Хенаро поможет тебе найти ключ, которым отпирается все. Пока что ты не сможешь им воспользоваться. Но ты будешь знать, что он такое и где он находится. За то, чтобы это узнать, видящие платят непомерную цену. И сам ты все эти годы выплачивал свой долг.

Он объяснил, что ключом ко всему называет непосредственное знание того, что Земля – живое существо, и, будучи таковым, способна дать воину мощнейший толчок. Этот толчок суть импульс, исходящий из осознания самой Земли в тот момент, когда эманации внутри кокона воина настраиваются на соответствующие им эманации внутри кокона Земли. Поскольку и Земля, и человек являются живыми существами, их эманации совпадают, вернее, у Земли есть все эманации, присутствующие в человеке и все эманации, присутствующие во всех живых существах, как органических, так и неорганических. Когда имеет место момент настройки, чувствующие существа используют эту настройку в ограниченной мере и воспринимают свой мир. Воин может использовать настройку либо для того, чтобы воспринимать подобно всем другим существам, либо как толчок (поддержку), позволяющий ему проникнуть в невообразимые миры.

– Я долго ждал от тебя вопроса – одного-единственного имеющего смысл вопроса, который ты в принципе можешь сейчас задать, – продолжал дон Хуан. – Однако ты так его и не задал. Вместо этого ты зацепился за выяснение того, находится ли тайна всего этого внутри нас. Впрочем, это уже не очень далеко от того, что я имею в виду.

– В действительности неизвестное не лежит внутри кокона человека – в эманациях, не задействованных осознанием – и в то же время, образно говоря, оно там. Это тот момент, который остался тебе непонятен. Когда я рассказывал тебе о семи мирах, которые ты можешь собрать помимо известного мира обычной жизни, ты думал, что речь идет о вещах сугубо внутреннего характера, поскольку в целом ты склоняешься к вере в то, что лишь воображаешь все, что делаешь с нами. Поэтому ты никогда не спрашивал меня, где действительно находится неизвестное. Годами я множество раз, указывая рукой на окружающий мир, говорил тебе: там – неизвестное. Но ты никогда не улавливал связи.

Хенаро засмеялся, потом закашлялся, встал на ноги и произнес, обращаясь к дону Хуану:

– Он ее так и не уловил.

Я признался в том, что, если какая-то связь и существует, то я ее не вижу.

Дон Хуан снова и снова твердил, что та часть эманаций, которая заключена внутри человеческого кокона, находится там только для осознания. Само же осознание суть соответствие некоторой части внутренних эманаций какой-то части эманации внешних, то есть больших. Большими они называются, потому что они бесконечны, и сказать: непознаваемое находится вне кокона человека – то же самое, что сказать: непознаваемое – внутри кокона Земли. Однако внутри ее кокона присутствует также и неизвестное. Неизвестное же внутри человеческого кокона суть эманации, не тронутые осознанием. Когда свечение осознания их затрагивает, они становятся активными и могут быть настроены на соответствующие

им большие эманации. Как только это происходит, неизвестное делается объектом восприятия и превращается в известное.

– Я слишком туп, дон Хуан. Ты бы разбил свое объяснение на части. Может, по кусочкам тебе удалось бы получше мне его разжевать.

– Сейчас Хенаро тебе все разжует, – пообещал дон Хуан.

Хенаро принялся ходить походкой силы, той самой, которую он использовал тогда на вспаханном поле возле своего дома, когда ходил вокруг большого плоского камня. В тот раз дон Хуан увлеченно следил за его движениями. На этот раз он прошептал мне на ухо, что следует постараться услышать движения Хенаро, обращая особое внимание на звук, который сопровождает подъем бедер, когда при каждом шаге они поднимаются к грудной клетке.

Взгляд мой следовал за каждым движением Хенаро. Через несколько секунд я ощутил, что его ноги поймали какую-то часть меня. Движение его бедер не отпускало меня. Появилось такое ощущение, будто я иду вместе с ним. Я даже запыхался. Потом я осознал, что уже вовсе не сижу на прежнем месте, а действительно иду вслед за Хенаро.

Дона Хуана я не видел. Хенаро все тем же странным образом шел впереди меня. Мы шли уже много часов подряд. От усталости у меня разболелась голова, и неожиданно меня стошнило. Хенаро остановился, потом подошел ко мне и встал рядом. Все вокруг нас было залито ярким сиянием, свет которого отражался в чертах лица Хенаро. Глаза его светились. Вдруг в ушах моих зазвучал голос:

– Не смотри на Хенаро! Взгляни вокруг!

Я подчинился. Я подумал, что попал в ад! Шок от того, что я увидел, был настолько силен, что я вскрикнул, ужаснувшись. Но не издал при этом ни звука. То, что я видел вокруг, как нельзя лучше соответствовало картине ада, запечатленной в моем сознании католическим воспитанием. Я видел красноватый мир, жаркий и гнетущий, темный, испещренный пустотами. В этом мире не было неба, и отсутствовал какой бы то ни было свет, кроме зловещих

отражений красноватых огней, метавшихся вокруг с немислимой быстротой.

Хенаро двинулся дальше, и что-то потянуло меня за ним. Сила, заставлявшая меня двигаться вслед за Хенаро, не давала также и взглянуть вокруг. Все мое осознание было приклеено к движениям Хенаро.

Я увидел, как Хенаро рухнул на землю, словно окончательно обессилив. В миг, когда он всем телом коснулся земли и вытянулся, чтобы отдохнуть, что-то во мне обрело свободу, и я снова смог оглядеться. Дон Хуан с любопытством меня разглядывал. Я стоял прямо перед ним. Мы находились на том самом месте, где сидели с самого начала – на широком уступе невысокой скалистой горы. Хенаро сопел и отдувался, как, впрочем, и я. Весь я был покрыт потом. С волос капало. Одежда тоже вся промокла, как будто меня выкупали в речке.

– Господи, да что же это такое!? – воскликнул я с выражением абсолютной серьезности и крайней озабоченности.

Вопрос мой прозвучал настолько глупо, что дон Хуан и Хенаро засмеялись.

– Мы пытаемся сделать так, чтобы ты понял настройку, – ответил Хенаро.

Дон Хуан аккуратно помог мне сесть. Сам он опустился на землю рядом со мной и спросил:

– Ты помнишь, что происходило?

Я ответил, что помню. Он потребовал, чтобы я в точности описал все, что видел. Требование это шло вразрез с тем, что он говорил раньше, а именно с тем, что значение имеет только смещение точки сборки, но не содержание тех или иных конкретных видений.

Дон Хуан объяснил, что Хенаро уже не единожды пытался помочь мне подобным же образом, но в прошлые разы я не мог

вспомнить ничего. Он сказал, что Хенаро вел мою точку сборки, как уже делал это раньше, к сборке мира в другой большой полосе эманаций.

Последовала долгая пауза. Я был оглушен и поражен, однако осознание мое было как никогда острым. Мне показалось, что я наконец-то понял, чем является настройка. Что-то внутри меня, задействованное мною неизвестно каким образом, наполняло меня уверенностью, что мне удалось постичь великую истину.

– Похоже, ты начинаешь ускоряться, – сказал мне дон Хуан. – Ладно, идем домой. Для одного дня достаточно.

– Ну что ты! – возразил Хенаро. – Он сильнее быка. Нужно его еще немного подтолкнуть.

– Нет! – отрезал дон Хуан. – Нужно беречь его силы. У него их не так уж много.

Хенаро настаивал на том, чтобы мы остались. Он взглянул на меня и подмигнул. А потом, указывая на цепь гор на востоке, сказал:

– Смотри – солнце прошло совсем немного. А ведь ты брел по аду много часов. Тебя это не впечатляет?

– Не пугай его без необходимости! – почти яростно запротестовал дон Хуан.

Тут-то я и увидел все их маневры. Голос видения сказал мне, что дон Хуан и Хенаро – два великолепных сталкера, которые со мной играют. Именно дон Хуан всегда толкал меня за пределы моих возможностей. Однако роль погоняющего он предоставлял играть Хенаро. И в тот день, в доме Хенаро, когда я достиг опасной стадии истерического страха, и Хенаро спрашивал у дон Хуана, стоит ли толкать меня дальше, а дон Хуан уверял меня, что Хенаро надо мной потешается, Хенаро действительно за меня волновался.

То, что я увидел, настолько потрясло меня, что я рассмеялся. И дон Хуан, и Хенаро взглянули на меня с удивлением. Потом дон

Хуан, похоже, мгновенно понял, что происходит у меня в уме. Он сказал об этом Хенаро, и оба они засмеялись, совсем как дети.

– Растешь! – сказал мне дон Хуан. – Всему свое время: ты не слишком глуп, но и не блистаешь. Совсем, как я. Правда, заблуждения твои от моих отличаются. В этом ты больше похож на нагуалья Хулиана. За исключением того, что тот был просто великолепен.

Дон Хуан встал и потянулся, бросив на меня самый пронзительный и яростный взгляд, какой я видел в своей жизни. Я тоже поднялся.

– Нагуаль никогда не позволяет знать, что он у руля, – сказал он, обращаясь ко мне. – Нагуаль приходит и уходит, не оставляя следов. Именно эта свобода делает его нагуалем.

Мгновенно сверкнув, глаза его подернулись дымкой мягкости, доброты и человечности, снова став глазами дон Хуана.

Я почти потерял равновесие, едва не падая в обморок. Хенаро подскочил ко мне и помог мне сесть. Оба они сели по бокам.

– Ты поймаешь толчок Земли, – прошептал мне в одно ухо дон Хуан.

– Думай о глазах нагуалья, – шепнул в другое Хенаро.

– Толчок Земли придет в тот самый миг, когда ты увидишь сверкание на вершине вон той горы, – сказал дон Хуан и указал на самый высокий пик восточного хребта.

– Ты больше никогда не увидишь глаз нагуалья, – шепнул Хенаро.

– Отправляйся с толчком туда, куда он тебя возьмет, – сказал дон Хуан.

– Если ты будешь думать о глазах нагуалья, ты осознаешь, что медаль имеет две стороны, – прошептал Хенаро.

Я хотел подумать о том, что оба они говорили, но мысли мне не подчинялись. Что-то давило на меня. Я чувствовал, что сжимаюсь. Я ощутил приступ тошноты. Я видел, как вечерние тени быстро поднимаются по склонам гор на востоке. Я чувствовал, что словно бегу за теньями.

– Ну – вперед! – сказал Хенаро мне на ухо.

– Следи за большим пиком, смотри на сверкание, – сказал с другой стороны дон Хуан.

Там, куда указывал дон Хуан, на вершине самого высокого пика восточного хребта действительно появилась сверкающая точка. Я смотрел, как она отражает последние лучи заходящего солнца. Под ложечкой образовалась пустота, словно я несся вниз по американской горке.

Затем я скорее почувствовал, чем услышал, гул далекого землетрясения, которое внезапно захватило меня. Сейсмические волны были настолько огромны и производили такой грохот, что утратили для меня всякое значение. Сам же я был никчемным микробом, которого крутило и вертело.

Постепенно движение утихло. Последовал еще один мощный толчок, после чего наступила остановка. Я попытался осмотреться. У меня не было точки отсчета. Я словно рос подобно дереву. Надо мной был белый сияющий непостижимых размеров купол. Его существование вдохновило меня. Я полетел к нему, вернее, был выброшен, как снаряд. Я испытывал ощущение комфорта, ухоженности, безопасности. Чем ближе я поднимался к куполу, тем чувства эти становились все более интенсивными. Наконец, они переполнили меня, и я утратил всякое самоощущение.

Следующим, что я знал, было ощущение парения. Я покачивался в воздухе, словно падающий лист. Я чувствовал, что бесконечно устал. Неведомая засасывающая сила куда-то тянула меня. Пройдя сквозь темную дыру, я оказался рядом с доном Хуаном и Хенаро.

На следующий день мы с доном Хуаном и Хенаро отправились в Оахаку. Вечером, когда дон Хуан и я прогуливались по главной площади, он неожиданно завел разговор о том, что мы проделали в предыдущий день. Дон Хуан поинтересовался, понял ли я, что он имел в виду, говоря, что древние видящие наткнулись на нечто монументальное:

Я ответил, что понимаю, но облечь это понимание в слова не могу.

– А как ты думаешь, ради чего мы поднимались вчера на вершину той горы? Что ты должен был там найти? Самое главное?

– Настройку, – произнес голос у самого моего уха в то же мгновение, когда слово это сорвалось и с моих уст.

Я рефлексивно обернулся и нос к носу столкнулся с Хенаро, который шел за мной след в след. Быстрота, с которой я обернулся, была для него неожиданностью. Он усмехнулся, а затем обнял меня.

Мы присели на скамейку. Дон Хуан сказал, что сказать о том толчке, который я получил вчера от Земли, ему в общем-то почти нечего. В подобных случаях воин всегда остается один на один с самим собой. Истинное же понимание приходит гораздо позже, спустя годы борьбы.

Я сказал дону Хуану, что сложности, связанные с пониманием, в моем случае значительно увеличиваются еще и из-за того, что они с Хенаро делают всю работу. Я же все время остаюсь лишь пассивным объектом, способным лишь реагировать на их действия. Для меня было невозможным инициировать какое-либо действие, потому что я не знал ни каким оно должно быть, ни как его начать.

– Все совершенно верно, – согласился дон Хуан. – Ты пока и не должен знать. Ты останешься здесь один, и тебе придется пересмотреть и реорганизовать в себе все то, что мы сейчас с тобой проделываем. Перед такой задачей рано или поздно оказывается каждый нагуаль. Нагуаль Хулиан сделал то же самое со мной. Но гораздо безжалостнее, чем мы поступаем с тобой. Он знал, что делает, поскольку был блестящим нагуалем. Ведь чтобы

реорганизовать все, оставленное ему нагуалем Элиасом, самому ему потребовалось всего несколько лет. Он практически не тратил времени на многие вещи, которые у тебя или у меня заняли бы всю жизнь. Разница в том, что нагуалю Хулиану требовался лишь незначительный намек, а дальше за дело бралось его осознание, которое и открывало единственную имеющуюся дверь.

– Что ты имеешь в виду, говоря о единственной двери, дон Хуан?

– Я имею в виду, что, стоит точке сборки преодолеть некий критический порог, и результат оказывается одним и тем же для любого человека. Приемы, ее сдвигающие, могут быть бесконечно разнообразными. Но результат всегда один: точка сборки собирает другие миры с помощью толчка Земли.

– А толчок Земли одинаков для всех?

– Совершенно верно. Проблема обычного человека – внутренний диалог. Толчок Земли может быть использован только по достижении состояния абсолютного внутреннего безмолвия. Это – бесспорная истина, и ты в ней удовлетворишься непременно, когда однажды самостоятельно попытаешься воспользоваться толчком Земли.

– Но я бы не советовал тебе пытаться, – искренне сказал Хенаро. – На то, чтобы стать безупречным воином, уходят годы. Сейчас ты не готов к тому, чтобы выдержать толчок Земли. Тебе необходимо сильно измениться к лучшему.

– Скорость этого толчка растворит в тебе все, чем ты являешься, – сказал дон Хуан. – Под его воздействием мы превращаемся в ничто. Скорость и личностное самосознание не могут сосуществовать. Вчера на вершине мы с Хенаро поддерживали тебя. Мы служили как бы якорями. Иначе ты бы не вернулся. Ты уподобился бы тем людям, которые ушли в неизвестное, намеренно воспользовавшись толчком Земли. Они и по сей день странствуют где-то там, в этой непостижимой бесконечности.

Я хотел, чтобы дон Хуан подробнее остановился на этом, но он отказался, резко сменив тему.

– Есть одно, чего ты пока что не понял относительно Земли как ощущающего⁴² существа, – сказал он. – И Хенаро, этот ужасный Хенаро, намерен толкать тебя до тех пор, пока ты не поймешь.

Оба они рассмеялись. Хенаро игриво толкнул меня, подмигнул и произнес:

– Я ужасен.

– Хенаро – надсмотрщик, – продолжал дон Хуан, – ужасный, злобный и безжалостный. Ему наплевать на твои страхи, и погоняет он тебя безо всякой пощады. Если бы не я...

И он с идеальной точностью изобразил доброго, заботливого старого джентльмена. Он даже вздохнул, потупив взгляд. А затем они оба разразились громоподобным хохотом.

Когда они утихомирились, дон Хуан сказал, что Хенаро хотел бы показать мне то, чего я еще не понял: именно высшее осознание Земли позволяет нам переходить в другие большие полосы эманаций.

– Мы – живые существа – воспринимающие, – сказал он. – А воспринимаем мы потому, что некоторые эманации внутри наших человеческих коконов настраиваются на соответствующие им внешние эманации. Таким образом, настройка – потайной ход, а толчок Земли – ключ. Хенаро хочет показать тебе момент настройки. Смотри на него! Хенаро встал и поклонился, как фокусник в цирке.

Потом он показал, что ни в рукавах, ни в штанинах ничего не прячет. Он даже снял туфли и потряс их, показывая, что в них тоже нет ничего.

Дон Хуан самозабвенно хохотал. Хенаро поднял и опустил руки. Это движение мгновенно зафиксировало меня. Я ощутил, что

⁴² Sentient – чувствующий, ощущающий

мы все втроем вдруг встали и пошли с площади, причем они шли по обе стороны от меня.

Продолжая идти, я обнаружил, что утратил периферийное зрение. Я не различал ни домов, ни улиц. Я не видел также ни гор, ни растительности. В какой-то момент я осознал, что потерял из виду дона Хуана и дону Хенаро. Вместо этого рядом со мной я видел два светящихся пучка,двигающихся вверх и вниз.

Меня мгновенно охватила паника, с которой я тут же справился. Появилось хорошо знакомое, но в то же время весьма необычное ощущение, что я есть я и в то же время не я. Я осознавал окружающее с помощью какой-то незнакомой и одновременно хорошо известной мне способности. Я воспринимал сразу весь мир. Я видел всем своим существом. Все то, что в нормальном состоянии осознания я называл бы своим телом, было способно воспринимать. Оно словно превратилось в один гигантский глаз, который видел все. Первое, что я обнаружил сразу же после того, как увидел два сгустка света, был острый фиолетово-пурпурный мир, составленный чем-то похожим на цветные панели и навесы. Плоские, экраноподобные панели неправильных концентрических окружностей заполняли все вокруг.

Я ощутил огромное давление, сжимавшее меня со всех сторон, а затем услышал голос. Я видел. Голос объяснил, что давление обусловлено тем, что я двигаюсь. Я двигался вместе с доном Хуаном и Хенаро. Я ощутил слабый толчок, словно прорвался бумажный барьер. Я оказался в светящемся мире. Свет исходил отовсюду, но не слепил. Это было похоже на то, как светит солнце, готовое вот-вот пробиться сквозь толщу полупрозрачных облаков. Я смотрел вниз на источник света. Было очень красиво. Земли не было – только белые пушистые облака и свет. И мы шли по этим облакам.

Затем я снова оказался у чего-то в плену. Я двигался с той же скоростью, что и сгустки света по обе стороны от меня. Постепенно они утратили светимость, потом помутнели и, наконец, превратились в дона Хуана и Хенаро. Мы шли по пустынной боковой улочке прочь от главной площади. Потом мы пошли обратно на площадь.

– Только что Хенаро помог тебе настроить твои эманации на большие эманации, принадлежащие другой полосе, – объяснил мне дон Хуан. – Настройка должна быть действием очень мирным и незаметным. Никаких полетов, никакой суеты.

Он сказал, что уравновешенность, необходимая для того, чтобы позволить точке сборки собирать другие миры, не может быть достигнута экспромтом. Прежде, чем воину удастся безнаказанно сломать барьер восприятия, его уравновешенность должна созреть и сделаться самостоятельной силой.

Мы подходили к площади. Хенаро по-прежнему молчал. Он словно погрузился в размышление. Перед тем, как мы вышли на центральную площадь, дон Хуан сказал, что Хенаро хотел показать мне еще одну вещь: позиция точки сборки – это всё, и мир, который она заставляет нас воспринимать, является настолько реальным, что не оставляет места ни для чего, кроме реальности.

– Хенаро позволит своей точке сборки собрать иной мир исключительно ради тебя, – продолжал дон Хуан. – И ты поймешь, что, как только он начнет воспринимать другой мир, сила его восприятия не оставит места ни для чего другого.

Хенаро пошел впереди нас. Дон Хуан велел мне, следя за Хенаро, вращать глазами в направлении против часовой стрелки, чтобы не втянуться вслед за ним. Я подчинился. Хенаро шел в полутора-двух метрах перед нами. Вдруг его форма начала растворяться, и в считанные мгновения он исчез.

Мне пришли на память виденные когда-то научно-фантастические фильмы, и я подумал: не отдаем ли мы себе подсознательно отчет в своих возможностях?

– В настоящий момент Хенаро отделён от нас силой восприятия, – спокойно проговорил дон Хуан. – Когда точка сборки собирает мир, этот мир завершен⁴³. Это и есть то чудо, на которое натолкнулись в свое время древние видящие. Но они так и не поняли, что это такое: осознание Земли может дать нам толчок,

⁴³ Total – весь, целый, абсолютный, полный, тотальный

поддержку для того, чтобы настроиться на другие большие полосы эманаций. И сила новой настройки заставляет этот мир растаять.

– Каждый раз, когда древние видящие достигали новой настройки, они думали, что погружаются в глубины или воспаряют в небесную высь. Они так и не узнали, что мир исчезает, как дым, развеянный дуновением ветра, когда новая полная настройка заставляет нас воспринимать другой завершённый мир.

Глава 14. Накатывающаяся⁴⁴ сила

Дон Хуан собирался начать объяснять овладение осознанием, но передумал и встал. Мы сидели в большой комнате, соблюдая молчание.

– Я хочу, чтобы ты попытался увидеть эманации Орла, – сказал он. – Для этого ты должен сдвинуть свою точку сборки, пока не увидишь кокон человека.

Мы вышли из парка, направились в центр города и сели на пустую скамейку в парке напротив церкви. День клонился к вечеру. Было солнечно и ветрено. Вокруг мельтешило множество людей.

Он опять повторил, как если бы хотел, чтобы я обязательно это усвоил, что настройка – это уникальная сила, поскольку она либо помогает точке сборки двигаться, либо приклеивает её к обычному положению. Тот аспект настройки, – сказал он, – который удерживает точку сборки неподвижной, есть воля, а аспект, сдвигающий её – намерение. Он заметил, что одна из самых захватывающих тайн – это то, как воля, безличная сила настройки превращается в намерение – личную силу, которая находится в распоряжении каждого индивидуума.

– Наиболее странной частью этой тайны, – сказал он, – является то, что превращение это очень легко осуществить, но гораздо труднее убедить себя в том, что это возможно. Именно здесь и находится наш предохранитель. Мы должны быть убеждены, однако никто из нас этого не хочет.

Он сказал, что я нахожусь в своем самом остром состоянии осознания, и что я могу намереваться сдвинуть свою точку сборки глубже влево, в позицию сновидения. Он сказал, что воины никогда не должны пытаться видеть без помощи сновидения. Я возразил, что никогда не отличался способностью засыпать на публике. Он уточнил свое заявление, сказав, что сдвинуть точку сборки с ее нормального положения и удержать ее в новом месте и значит спать;

⁴⁴ Rolling – крутящийся, катящийся, вертящийся

с практикой видящие учатся находиться в состоянии сна и в то же время вести себя так, как будто с ними ничего не происходит.

Помолчав секунду, он добавил, что для того, чтобы увидеть кокон человека, необходимо смотреть на людей сзади, когда они удаляются. Бесплезно смотреть на них лицом к лицу, поскольку передняя сторона яйцевидного кокона человека имеет защитный экран, который видящие называют фронтальной пластиной. Она представляет собой почти непроницаемый прочнейший щит, который всю нашу жизнь защищает нас от натиска некой силы, порождаемой самими эманациями.

Дон Хуан также сказал, что не следует удивляться, если я почувствую, что тело мое одеревенело, как будто его заморозили. Кроме того, большое значение будет иметь быстрота реакции, потому что я буду ощущать себя подобно человеку, смотрящему на улицу сквозь окно, и люди будут проходить мимо окна моего видения очень быстро. Затем дон Хуан велел мне расслабить мышцы, выключить внутренний диалог, и позволить точке сборки смещаться под воздействием внутреннего молчания. Он велел мне мягко, но уверенно похлопать себя по правой стороне туловища между тазом и ребрами.

Я сделал это трижды и глубоко уснул. Это было совершенно особенное состояние сна. Тело мое дремало, но я полностью осознавал все, что происходило вокруг. Я слышал, как дон Хуан ко мне обращается, и мог следить за всеми его словами так, словно находился во вполне бодрствующем состоянии. И в то же время не мог пошевелить ни одной частью тела.

Дон Хуан сказал, что к окну моего видения приближается человек и что мне нужно попытаться этого человека увидеть. Я безуспешно попытался повернуть голову, а потом возникло нечто светящееся яйцеобразной формы. Оно было великолепно! Я был в восторге от этого зрелища, но оно исчезло прежде, чем я смог оправиться от удивления. Покачиваясь вверх-вниз, оно уплыло.

Все произошло настолько неожиданно и быстро, что я расстроился и почувствовал, что меня охватывает нетерпение.

Возникло ощущение, что я начинаю пробуждаться. Дон Хуан снова заговорил и велел мне расслабиться. Он сказал, что у меня нет ни права, ни времени проявлять нетерпение. Вдруг появилось и уплыло прочь еще одно светящееся яйцо. Оно казалось сделанным из белой флуоресцирующей косматой шерсти.

Дон Хуан сказал, что, если я захочу, то мои глаза способны замедлить все, на чем будет сфокусирован взгляд. Потом предупредил, что идет еще один человек. В этот момент я осознал, что слышу два голоса. Тот, который за минуту до этого увещевал меня проявить терпение, был голосом дон Хуана. А тот голос, который учил меня использовать свои глаза для замедления движения, был голосом видения.

В тот день я увидел десять светящихся существ в замедленном движении. Голос видения вел меня. Благодаря ему я смог разглядеть в светимости осознания все то, о чем рассказывал мне ранее дон Хуан. На правой стороне яйцеобразных светящихся существ я увидел вертикальную полосу яркого янтарного свечения. Она занимала примерно одну десятую всего объема кокона. Голос объяснил, что это — человеческая полоса осознания. Потом голос обратил мое внимание на точку, сиявшую особенно ярко. Она располагалась на коконах высоко, почти на самой верхушке. Голос объяснил, что эта точка и есть точка сборки.

Каждое светящееся создание, когда я видел его в профиль по отношению к человеческому телу, напоминало гигантский волчок, поставленный на ребро, или почти круглый горшок, накрытый крышкой и опрокинутый на бок. Та его часть, которая напоминала крышку, была фронтальной пластиной. Она занимала примерно одну пятую всей толщины кокона.

Я мог бы еще долго сидеть и разглядывать светящиеся существа, но дон Хуан сказал, что теперь пора попробовать созерцать людей спереди, лицом к лицу, не прекращая созерцание до тех пор, пока не удастся разрушить барьер и увидеть эманации.

Я последовал его указанию. И почти мгновенно увидел ярчайшую сеть живых, неотразимых⁴⁵ волокон света. Зрелище было настолько ослепительным, что я тут же потерял равновесие и свалился на бок, прямо на бетонную дорожку. Лежа там, я увидел, как множатся неотразимые волокна света. Потом произошел взрыв, и из прежних волокон вырвались мириады новых. Однако, несмотря на то, что волокна были неотразимыми и подчиняющимися, они не нарушали моего обычного зрения. В церковь шли люди. Я больше не видел их. Несколько мужчин и женщин находились совсем рядом со скамейкой. Я хотел было сфокусировать глаза на этих людях, но вместо этого вдруг заметил, как начало разбухать одно из волокон. Оно превратилось в нечто, похожее на огненный шар около семи футов⁴⁶ в диаметре. Шар покатился ко мне. Первым моим импульсом было откатиться в сторону с его пути. Но прежде, чем я успел пошевелиться, шар накатился на меня. Я ощутил удар, словно кто-то несильно попал мне кулаком в живот. Мгновение спустя меня ударил еще один шар огня, на этот раз удар был гораздо ощутимее. А потом дон Хуан дал мне хорошую оплеуху. Я непроизвольно вскочил, и тут же светящиеся волокна и бьющие меня шары исчезли из моего поля зрения.

Дон Хуан сказал, что я успешно выдержал первую короткую встречу с эманациями Орла, однако пара толчков опрокидывателя опасно приоткрыла мой просвет. Он добавил, что шары, которые ударялись в меня, называются накатывающей силой или опрокидывателем.

Мы находились в его доме. Я не помнил, как и когда мы туда вернулись. Несколько часов я провел как бы в полусне, и Дон Хуан с помощью других видящих своей группы все время поили меня водой. Кроме того, они периодически ненадолго окунали меня в ванну с ледяной водой.

— Те волокна, которые я видел, были эманациями Орла? — спросил я у дона Хуана.

⁴⁵ Compelling – неотразимый, непреодолимый, подчиняющий, принуждающий

⁴⁶ Около двух метров

– Да. Но ты по-настоящему не видел их, – ответил он. – Как только ты начал видеть, опрокидыватель тебя остановил. Если бы это продолжалось еще несколько мгновений, он бы тебя взорвал.

– Что такое опрокидыватель?

– Опрокидыватель – это сила, исходящая из эманаций Орла, – ответил он. – Непрекращающаяся сила, которая ударяет нас каждое мгновение нашей жизни. Когда ее видишь, она смертельна. Но в нашей обычной жизни мы ее не замечаем, поскольку обладаем защитными щитами. У нас есть всепоглощающие интересы, занимающие все наше осознание. Мы все время беспокоимся о своем положении, о том, чем владеем. Тем не менее, эти щиты не избавляют нас от ударов опрокидывателя. Они просто не дают нам увидеть его непосредственно, предохраняя тем самым от поражения страхом, возникающим при виде огненных шаров, которые непрерывно ударяют нас. Щиты – большая помощь для нас, но и большая помеха. Они успокаивают нас и в то же время обманывают, сообщая нам ложное ощущение защищенности.

Дон Хуан предупредил меня, что когда-нибудь в моей жизни неизбежно настанет миг, когда я, утратив щиты, буду открыт непрерывному воздействию опрокидывателя. Он сказал, что такую стадию непременно проходит любой воин. Она называется потерей человеческой формы.

Я попросил его объяснить так, чтобы я раз и навсегда усвоил, что такое человеческая форма, и что значит ее потерять.

Дон Хуан ответил, что видящие называют человеческой формой неодолимую силу настройки эманаций, зажженных свечением осознания в том месте, где обычно фиксирована точка сборки человека. Это та сила, которая делает нас личностями. Таким образом, быть личностью означает быть вынужденным присоединиться к этой силе настройки и, следовательно, быть присоединенным к тому месту, откуда она исходит.

Благодаря практике воина, его точка сборки в определенный момент начинает сдвигаться влево. Этот сдвиг устойчив, он приводит к необычному чувству отстраненности, или контроля, или

даже отчужденности. Смещение точки сборки влечет за собой перенастройку эманаций. Новая настройка становится началом целой серии еще более значительных сдвигов. Первоначальный же сдвиг видящие очень точно назвали потерей человеческой формы, поскольку он знаменует собой начало неумолимого движения точки сборки прочь от ее исходной позиции, в результате чего необратимо утрачивается наша присоединенность к силе, делающей нас человеческими личностями.

Затем он попросил меня во всех подробностях описать то, что я запомнил об огненных шарах. Я сказал, что видел шары лишь мельком, и вряд ли смогу подробно их описать. Дон Хуан отметил, что видение – просто иносказательное описание сдвига точки сборки. Поэтому, сдвинув ее еще немного левее, я смог бы получить более четкую картину огненных шаров, картину, которую можно было бы интерпретировать как то, что мне удалось их запомнить.

Я попытался получить более четкую картину, но из этого ничего не вышло. Тогда я описал то, что помнил.

Он внимательно слушал, а потом попросил вспомнить, были это шары или огненные кольца. Я сказал, что не помню.

Дон Хуан объяснил, что значение этих огненных шаров для человеческих существ огромно, ибо они являются проявлением силы, имеющей самое непосредственное отношение ко всем деталям жизни и смерти. Саму эту силу видящие называют накатывающейся силой.

Я попросил разъяснить, что понимается под всеми деталями жизни и смерти.

– Накатывющаяся сила является средством, с помощью которого Орел раздает в пользование жизнь и осознание, – объяснил он. – Но эта же сила, так сказать, взимает плату. Накатывающаяся сила заставляет все живые существа умирать. То, что ты сегодня видел, древние видящие называли опрокидывателем.

– Видящие описывают опрокидыватель как бесконечную линию радужных колец или огненных шаров, непрерывно

накатывающихся на живые существа. Светящееся органическое существо передней частью⁴⁷ встречает накатывающуюся силу, пока не приходит день, когда оно уже не может с нею совладать. Тогда существо разрушается. Древние видящие были просто околдованы, когда увидели, как опрокидыватель сталкивает умирающее существо прямо к клюву Орла, где оно поглощается. Именно поэтому древние называли эту силу опрокидывателем.

– Ты сказал, что это зрелище околдовывает. А тебе самому приходилось видеть, как эта сила катит человеческое существо?

– Конечно, приходилось, – ответил дон Хуан, а потом добавил. – Да ты и сам это видел совсем недавно. В Мехико Сити.

Ввиду полной несуразности его утверждения я вынужден был заявить, что на этот раз он ошибается. Он засмеялся и напомнил мне случай, когда мы с ним сидели на скамейке в парке Аламеда в Мехико Сити и наблюдали смерть человека. Дон Хуан сказал, что это событие запечатлелось не только в моей обычной памяти, но и в эманациях левой стороны.

По мере того, как дон Хуан говорил, я почувствовал, что во мне что-то постепенно проясняется. И я смог с необычной ясностью восстановить образ всей той сцены в парке. На траве лежал человек. Сдерживая зевок, над ним стояли трое полицейских. Я ясно помнил, как дон Хуан хлопнул меня по спине, чтобы сдвинуть уровень осознания. И я увидел. Но видение мое не было совершенным: я не мог избавиться от восприятия обычного мира. Мне удалось добиться лишь того, что я видел волокна совершенно дивных цветов, наложенные на здания, на транспорт и на все, что было вокруг. Волокна были нисходящими нитями цветного света. Они обладали внутренней жизнью, сияли и излучали энергию.

Взглянув на умирающего, я увидел то, о чем говорил дон Хуан. На чем бы я ни фокусировал взгляд, я видел катающееся повсюду нечто, напоминающее огненные кольца или радужные шары перекасти-поля. Кольца накатывались на людей, на дон Хуана, на меня.

⁴⁷ Head on (здесь наречие) – головой, передней частью, носом, прямо

Я ощущал их своим животом и меня начало подташнивать.

Дон Хуан велел сосредоточиться на умирающем. Я увидел, как тот в какой-то момент свернулся, как сворачивается мокрица, когда до нее дотрагиваются. Огненные кольца отталкивали его прочь, словно устраняя со своего величественного, вечно неизменного пути.

Ощущение мне не понравилось. Огненные кольца не испугали меня. В них не было ничего устрашающего или зловещего. И я не чувствовал себя ни подавленным, ни мрачным. Кольца, скорее, вызывали у меня тошноту. Я чувствовал их у себя под ложечкой. Отвращение – вот что я тогда чувствовал.

Воспоминание этого сна пробудило во мне то чувство общего дискомфорта, которое я ощущал в тот раз. Когда меня начало тошнить, дон Хуан расхохотался и смеялся до тех пор, пока не начал задыхаться.

– Однако ты склонен сильно преувеличивать, – сказал он. – Накатывающаяся сила не настолько плохая вещь. Более того, она – прекрасная вещь. Новые видящие советуют открыться ей. Древние видящие тоже открывались ей, но из соображений и в целях, в основном продиктованных самозначительностью и одержимостью.

– А новые видящие подружились с ней. Они вполне освоились с этой силой, управляя ей без какой-либо самозначительности. Последствия этого дали потрясающий результат.

– Все, что требуется для того, чтобы открыться накатывающейся силе – это лишь сдвинуть точку сборки. Если силу эту видеть намеренно, опасность минимальна. Зато исключительно опасна ситуация, когда точка сборки сдвигается случайно, например, вследствие физической усталости, эмоционального истощения, болезни или просто небольшого эмоционального либо физического кризиса, такого как испуг или алкогольное опьянение.

– При непреднамеренном смещении точки сборки накатывающаяся сила раскалывает кокон. Я много раз говорил о просвете, который имеется у человека ниже пупка. Находится этот

просвет не на самом теле, а в коконе на уровне чуть ниже пупка. Этот просвет, скорее, является впадиной, чем-то вроде естественной щели гладкого во всех остальных частях кокона. Именно сюда нацелены удары опрокидывателя, именно здесь и трескается кокон.

– Если сдвиг точки сборки незначителен, надкол совсем небольшой и кокон восстанавливается очень быстро. Человек при этом испытывает то, что когда-нибудь случалось с каждым: видит цветные пятна неправильных очертаний, которые остаются перед глазами, даже если их закрыть.

– Если же сдвиг значителен, заметно большей будет и трещина. Поэтому на самовосстановление кокону потребуется больше времени. Такое происходит с воином, использующим растения силы для целенаправленного сдвига точки сборки, а также с людьми, которые принимают наркотики и тем самым сдвигают точку сборки неосознанно. В этом случае человек чувствует онемение и холод. Ему сложно говорить и даже думать; ощущение такое, словно внутри все замерзло.

– При катастрофически значительных сдвигах точки сборки вследствие, например, травмы или смертельного заболевания накатывающаяся сила раскалывает кокон по всей его длине, кокон рушится и сворачивается, а человек умирает.

– Может ли такая трещина образоваться вследствие преднамеренного сдвига точки сборки? – спросил я.

– Иногда, – ответил дон Хуан. – Ведь в действительности мы – очень хрупкие создания. По мере того, как опрокидыватель снова и снова ударяет нас, смерть входит сквозь наш просвет. Накатывающаяся сила и есть смерть. Как только она находит слабинку в просвете светящегося существа, она автоматически раскалывает кокон, разрушая существо.

– Просвет есть у любого живого существа? – спросил я.

– Конечно, – ответил он. – Тот, у кого не было бы просвета, никогда бы не умер. Однако по форме и размерам просветы бывают разные. Человеческий просвет – чашеобразное углублением

размером с кулак. Форма очень хрупкая и крайне уязвимая. Просветы других органических существ похожи на человеческий. Некоторые несколько устойчивее нашего, некоторые – еще слабее. Но действительно сильно отличаются от нашего только просветы неорганических существ. Они больше похожи на нить, тонкий волосок светимости. Соответственно, неорганические существа живут бесконечно дольше, чем мы.

– То, как долго живут эти существа, есть что-то навязчиво привлекательное. И древние видящие не смогли противостоять тому, чтобы пойти на поводу у этой привлекательности.

– Одна и та же сила может производить два диаметрально противоположных эффекта. Древние видящие стали пленниками накатывающейся силы, новые видящие за свои труды получили вознаграждение в виде дара свободы. С помощью владения намерением, новые видящие освоились с накатывающейся силой. В некоторый момент они раскрывают свои коконы, впуская силу внутрь. И, вместо того, чтобы катить их как свернутую мокрицу, сила заполняет их изнутри. Конечным результатом становится полная и мгновенная дезинтеграция.

Я задал дону Хуану массу вопросов по поводу выживания осознания после поглощения светящегося существа огнем изнутри. Он не ответил. Он только усмехнулся, пожал плечами и продолжил свой рассказ:

– Одержимость древних видящих опрокидывателем не позволила им заметить другую сторону этой силы. Новые видящие, тщательно следуя своему правилу полного отрицания традиции, ударились в другую крайность. Сначала они вообще не склонны были фокусировать свое видение на опрокидывателе, утверждая, что сперва необходимо понять силу больших эманаций в ее дающем жизнь и усиливающим осознание аспекте.

– Они поняли, что неизмеримо легче разрушить что-либо, чем построить и поддерживать. Укатить жизнь прочь – ничто в сравнении с задачей порождения жизни и ее поддержания. Конечно,

новые видящие тоже несколько заблуждались, но впоследствии им удалось исправить ошибку.

– В чем именно они заблуждались, дон Хуан? – спросил я.

– Выделять что-либо для изолированного видения – это ошибка. В самом начале новые видящие действовали в направлении полностью противоположном направлению деятельности их предшественников. Они с той же полнотой сосредоточили внимание на другой стороне опрокидывателя. И с ними произошло нечто настолько же, если не более ужасное, чем то, что случилось с древними видящими. Они умирали глупой смертью, совсем как обычные люди. Ведь у них не было ни таинственности, ни злобности древних видящих, также как и стремления к свободе, отличающего видящих современных.

– Первые из новых видящих готовы были служить всем подряд. Видение свое они направили только на дающую жизнь сторону эманаций, и потому любовь и доброта переполняли их. Но это не спасло их от ударов опрокидывателя. Они оказались такими же уязвимыми, как и древние видящие со всеми их гнусными фокусами.

– Современные новые видящие считают, что оказаться ни с чем после жизни, наполненной дисциплиной и тяжким трудом, ничуть не лучше, чем остаться беспомощным после бесцельно и бестолково прожитой жизни обычного человека. И то, и другое с точки зрения современных видящих – неприемлемо.

– После того, как новые видящие пересмотрели свою традицию, они поняли, что знание древних, касавшееся накатывающейся силы, было полным. В какой-то момент древние видящие пришли к заключению, что существует два аспекта накатывающейся силы. Опрокидывающий ее аспект соотносится исключительно с разрушением и смертью. Но есть еще кольцевой аспект – тот, который поддерживает жизнь, осознание, осуществление и цель. Однако древние выбрали путь взаимодействия только с опрокидывающим аспектом.

– С помощью группового созерцания новым видящим удалось увидеть разделение двух аспектов накатывающейся силы. Они увидели, что это – две силы, которые слиты, но не являются одним и тем же. Кольцевая сила приходит к нам чуть-чуть раньше опрокидывающей, но они настолько близки, что кажутся одним.

– Кольцевой силу называли потому, что она приходит в виде колец, нитеобразных радужных петель – очень тонких и деликатных. И точно так же как опрокидывающая, кольцевая сила ударяет каждое живое существо непрерывно, однако совсем с другой целью. Она ударяет их, чтобы дать силу, направление, осознание; чтобы дать жизнь.

– Новые видящие обнаружили, что равновесие двух сил в каждом живом существе – вещь очень тонкая. Если в какой-то момент индивид чувствует, что опрокидывающая сила бьет мощнее, чем кольцевая, значит равновесие нарушено. В этом случае опрокидыватель будет бить и бить, все сильнее и сильнее, пока не расколется просвет живого существа и не заставит это существо умереть.

– Из того, что ты назвал огненными шарами, исходят радужные обручи, точно соответствующие по своим размерам живым существам, независимо от того, будь это люди, деревья, микробы или союзники.

– А что, эти обручи бывают разных размеров? – спросил я.

– Не нужно воспринимать все настолько буквально, – сказал дон Хуан. – Собственно говоря, никаких колец нет. Существует только кольцевая сила, которая вызывает у видящего, который сновидит ее, ощущение колец. И разных размеров тоже нет. Сила – одна, она неделима и приходится впору всем живым существам – органическим и неорганическим.

– А почему древние видящие сосредоточили усилия только на опрокидывающем аспекте? – спросил я.

– Потому что были уверены в том, что от умения видеть этот аспект зависит их жизнь. Они были убеждены: видение даст им

ответы на вечные вопросы. Они полагали, что, раскрыв тайну накатывающейся силы, станут неуязвимыми и бессмертными. Печально, но, как бы там ни было, они действительно раскрыли тайну, однако это не сделало их ни неуязвимыми, ни, тем более, бессмертными.

– Новые видящие все изменили, осознав, что, пока у человека есть кокон, путь к бессмертию отрезан.

– Древние видящие, видимо, так и не осознали того, что человеческий кокон – это сосуд, и он не может выдерживать натиск накатывающейся силы вечно. И, несмотря на все накопленные ими знания, в конечном счете, они оказались не в лучшем, а, пожалуй, в гораздо худшем положении, чем обычные люди.

– В каком смысле их положение было худшим, чем положение обычных людей? – спросил я.

– Колоссальные знания, которыми они обладали, заставили их считать, что их выбор непогрешим, – ответил дон Хуан. – Поэтому они решили жить, во что бы то ни стало.

Дон Хуан взглянул на меня и улыбнулся. Было очевидно, что этой театральной паузой он хочет мне что-то сказать. Но что именно – я не улавливал.

– Они выбрали жизнь, – повторил он. – Подобно тому, как они решили стать деревьями, чтобы собрать миры в почти недостижимых больших полосах.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Я имею в виду то, что они воспользовались накатывающейся силой для того, чтобы сдвинуть свои точки сборки в невообразимые позиции сновидения, вместо того, чтобы позволить ей откатить их к клюву Орла ему на съедение.

Глава 15. Бросившие вызов смерти

К дому Хенаро я подъехал около двух часов дня. Мы немного поговорили с доном Хуаном, а потом он сдвинул меня в состояние повышенного осознания.

– Ну вот, снова мы собрались втроем, совсем как в тот день, когда ходили на плоский камень, – сказал дон Хуан. – И сегодня ночью мы сходим в те места еще раз.

– Теперь ты обладаешь знаниями, достаточными для того, чтобы прийти к очень серьезным выводам относительно того места и его воздействия не осознание.

– А что в том месте особенного, дон Хуан?

– Сегодня тебе предстоит узнать некоторые жуткие и отвратительные факты, собранные древними видящими и касающиеся накачивающейся силы. Ты увидишь, о чем шла речь, когда я говорил, что древние видящие выбрали жизнь любой ценой.

Дон Хуан повернулся и толкнул Хенаро, который начинал уже клевать носом:

– Как, по-твоему, древние видящие были ужасными людьми?

– Вне всякого сомнения, – очень четко проговорил Хенаро, а потом как бы поддавшись усталости, снова заметно клюнул носом. Через мгновение он уже спал сном праведника, свесив голову на грудь. Он захрапел.

Я чуть громко не рассмеялся, но тут заметил, что Хенаро внимательно на меня смотрит. Он словно спал с открытыми глазами.

– Они были настолько ужасны, что умудрились бросить вызов самой смерти, – добавил Хенаро в паузе между двумя руладами храпа.

– Тебе не любопытно, каким образом эти отвратительные типы бросили вызов смерти? – спросил у меня дон Хуан.

Похоже было, что он хочет, чтобы я попросил его привести пример, подтверждающий их отвратительность. Он замолчал и взглянул на меня с выражением, которое я воспринял, как ожидание.

– Ты ждешь, что я попрошу тебя привести пример, да? – спросил я.

– Это – великое мгновение! – сказал он, похлопав меня по спине и засмеявшись. – Мой бенефактор добился того, что в этот момент я уже ерзал на стуле: я попросил его привести пример, и он его привел. Теперь я, в свою очередь, собираюсь привести пример тебе. Независимо от того, попросишь ты меня об этом или нет.

Я до того испугался, что в животе у меня все сжалось, и сдавленным голосом спросил:

– Что ты собираешься делать?

Дону Хуану потребовалось довольно много времени на то, чтобы справиться с приступом хохота. Несколько раз он пытался заговорить, но каждая попытка неизменно вызывала взрыв кашляющего смеха.

– Как сказал Хенаро, древние видящие были людьми ужасными, – произнес он наконец, потирая глаза. – Они любой ценой старались избежать одного – смерти. Они не хотели умирать. Ты можешь сказать, что обычный человек тоже не хочет умирать. Однако по сравнению с обычными людьми древние видящие обладали одним существенным преимуществом: они обладали способностью к концентрации и дисциплиной достаточными для того, чтобы намереваться отводить от себя вещи. И они вознамерились отвести от себя смерть.

Он замолчал и взглянул на меня, приподняв брови. Он сказал, что я, похоже, не в форме, поскольку не задаю своих обычных вопросов. Я заметил, что мне понятно: он подводит меня к вопросу

относительно того, удалось ли древним видящим осуществить их намерение отвести смерть. Но ведь он сам уже говорил мне, что знание опрокидывателя не спасло их от смерти.

– Они добились успеха в намеревании отвести смерть, – произнес дон Хуан, тщательно выговаривая каждое слово. – Но все же они должны были умереть.

– Как они намеревались отвести от себя смерть? – спросил я.

– Они наблюдали за своими союзниками, – ответил он. – И увидев, что те являются живыми существами, обладающими гораздо более высокой сопротивляемостью к воздействию накатывающейся силы, они перестроили себя по образу и подобию союзников.

– Древние видящие поняли, что чашеобразным просветом обладают только органические существа. Его размер, форма и хрупкость обеспечивают идеальные условия для того, чтобы удары опрокидывающей силы с легкостью раскалывали и разрушали светящуюся оболочку. Союзники, просвет которых является, по сути, тоненькой линией, подставляют ударам опрокидывателя настолько малую площадь, что оказываются практически бессмертными. Их коконы способны выдерживать натиск опрокидывающей силы неограниченно долго, так как линейная конфигурация просвета создает крайне неподходящие условия для успешного воздействия опрокидывателя.

– Древние видящие разработали чрезвычайно специфические приемы закрывания просвета. Ведь в принципе они были правы – линейный просвет значительно устойчивее просвета чашеобразного.

– Существуют ли эти приемы в настоящее время, дон Хуан? – спросил я.

– Приемы – не существуют, – ответил он. – А вот некоторые из видящих, которые их практиковали, существуют и поныне.

По какой-то непонятной причине слова его вызвали у меня приступ смертельного ужаса. Дыхание неуправляемо участилось.

– Они ведь живы до сих пор, верно, Хенаро? – спросил дон Хуан.

– Вне всякого сомнения, – пробормотал тот откуда-то из глубин своего сна.

Я спросил у дона Хуана, не знает ли он, почему я так испугался.

– Ты помнишь тот случай, когда Хенаро открыл дверь, и мы спрашивали тебя, не видишь ли ты, какие странные существа вошли в эту комнату? Так вот, в тот день твоя точка сборки сдвинулась очень глубоко влево и собрала пугающий мир. И я еще тогда тебе говорил, что ты не помнишь, как отправился прямым в тот далекий мир и перепугался там так, что чуть не уписался.

Дон Хуан повернулся к Хенаро. Тот мирно храпел, вытянув ноги. Дон Хуан спросил:

– Хенаро, правда, ведь он чуть не уписался?

– Чуть не уписался, вне всякого сомнения, – пробормотал Хенаро, и дон Хуан рассмеялся.

– Я хочу, чтобы ты знал: мы не виним тебя в том, что ты испугался, – продолжил дон Хуан. – Нам и самим некоторые действия древних видящих внушают отвращение. И я уверен, что к настоящему моменту ты уже понял: из произошедшего той ночью ты не помнишь того, что видел древних видящих, которые живы до сих пор. Я хотел было возразить, что вовсе ничего такого я не понял, но не смог выговорить ни слова. И прежде, чем мне это удалось, я вынужден был несколько раз прочистить горло. Я давился, а Хенаро встал и, мягко похлопывая меня по спине, сказал:

– У тебя в глотке застряла лягушка.

Я поблагодарил его высоким писклявым голосом.

– Нет, пожалуй, там – цыпленок, – констатировал он, а затем снова сел и заснул.

Дон Хуан сказал, что новые видящие восстали против всех изощренных практик древних толтеков, объявив их не только бесполезными, но и вредными для всего нашего бытия. Они даже пошли еще дальше – запретили обучать новых воинов этим практикам. В течение многих поколений толтекские методы даже не упоминались.

И только в начале восемнадцатого века нагуаль Себастьян – представитель прямой линии нагуалей дона Хуана – вновь открыл существование этих практик.

– Каким образом он их открыл? – спросил я.

– Он был великим сталкером и, благодаря своей безупречности, получил возможность познать чудеса.

И дон Хуан рассказал, что однажды, собираясь приступить к выполнению своих ежедневных обязанностей – а он был пономарем в соборе того города, где жил – он встретил перед дверью собора индейца средних лет. Тот как бы в некотором замешательстве стоял перед дверью церкви.

Нагуаль Себастьян подошел к этому человеку и спросил, не нуждается ли тот в помощи.

– Мне нужна энергия – немного энергии для того, чтобы закрыть свой просвет, – громко и четко проговорил человек. – Не поделишься ли ты со мной своей энергией?

Согласно истории, нагуаль Себастьян был совершенно огорошен. Он понятия не имел, о чем идет речь. Он сказал индейцу, что мог бы отвести его к приходскому священнику. Человек с нетерпением и яростью обвинил Себастьяна в том, что тот тянет время.

– Мне нужна твоя энергия, потому что ты – нагуаль, – сказал он. – Идем, но тихо. Нагуаль Себастьян не устоял перед магнетической силой незнакомца и покорно ушел за ним в горы. Когда через много дней он вернулся, то не только по-новому относился к древним видящим, но и в совершенстве знал их

техники. Таинственный незнакомец оказался одним из последних выживших толтеков.

Нагуаль Себастьян узнал о древних видящих массу дивных вещей. Он был первым, кто узнал насколько уродливым и ошибочным был их путь. До него об этом было известно только понаслышке.

– Однажды ночью мой бенефактор и нагуаль Элиас привели мне пример того, как заблуждались древние толтеки, – продолжал дон Хуан. Фактически, они продемонстрировали это нам с Хенаро, так что будет даже лучше, если мы продемонстрируем тебе этот пример вдвоем.

Я хотел поговорить, чтобы выиграть время: мне необходимо было успокоиться и все обдумать. Но прежде, чем я успел произнести хотя бы слово, дон Хуан и Хенаро практически вытащили меня из дома и повели в сторону выветренных холмов, где мы уже бывали раньше.

Остановились мы у подножия большого голого холма. Дон Хуан указал на далекие горы на юге и сказал, что между тем местом, где мы находимся, и, похожей на разинутый рот, естественной выемкой в одной из тех гор расположено по меньшей мере семь мест, в которых древние видящие сфокусировали всю силу своего осознания.

Дон Хуан сказал, что эти видящие не только обладали потрясающими знаниями и отвагой, но им также сопутствовал необычайный успех. Он добавил, что их бенефактор показывал ему и Хенаро место, где древние видящие, побуждаемые любовью к жизни, заживо погребли себя и намерением, фактически, отвели от себя накатывающуюся силу.

– В тех местах нет ничего, что привлекало бы взгляд, – продолжал дон Хуан. – Древние видящие старались не оставлять следов. Просто обыкновенный пейзаж. Чтобы найти эти места, необходимо видеть.

Дон Хуан сказал, что ему не хочется идти к тем из этих мест, которые расположены далеко, поэтому он покажет мне самое ближнее из них. Я потребовал, чтобы он объяснил, чего мы добиваемся. Он ответил, что мы собираемся увидеть погребенных толтеков, и что до тех пор, пока не стемнеет, нам следует укрыться в тех зеленых кустах. И он указал на какие-то заросли, которые находились от нас примерно в полумиле вверх по пологому склону.

Мы направились к этим кустам, сели там на землю и устроились поудобнее. Дон Хуан очень тихим голосом начал рассказ о том, что древние видящие погребали себя для того, чтобы подпитаться энергией Земли. Промежутки времени, которые они проводили в погребенном состоянии, были разными – в зависимости от преследуемых целей. Чем более трудная задача стояла перед видящим, тем большим был период его самозахоронения.

Дон Хуан встал и жестом героя мелодрамы указал на место в нескольких метрах от нас:

– Здесь погребены два толтека. Они похоронили себя около двух тысяч лет тому назад, чтобы ускользнуть от смерти. Но они не бежали от нее, а бросили ей вызов.

Дон Хуан попросил Хенаро показать мне точное место, где похоронены древние видящие. Я оглянулся на Хенаро и обнаружил, что он сидит рядом и опять спит. Но к моему величайшему изумлению, он тут же подпрыгнул, по-собачьи залаял и на четвереньках побежал к тому месту, на которое указывал дон Хуан. Там он обежал круг, в совершенстве имитируя повадки небольшой собачки.

Мне его представление показалось забавным. Дон Хуан от смеха едва не упал.

– Хенаро продемонстрировал тебе нечто исключительное, – сказал он после того, как Хенаро вернулся к нам и в очередной раз уснул. – Он показал тебе кое-что, касающееся точки сборки и сновидения. Сейчас он сновидит, но действовать может так, как действовал бы, находясь в полностью бодрствующем состоянии. Он

слышит все, что ты говоришь, и в этой позиции способен на большее, чем в бодрствующем состоянии.

Дон Хуан ненадолго замолчал, как бы прикидывая, что сказать дальше. Хенаро ритмично похрапывал.

Дон Хуан отметил, что, несмотря на очевидные для него недостатки в действиях древних видящих, он никогда не устанет восхищаться их достижениями. Он сказал, что им удалось в совершенстве постичь Землю. Они не только открыли и научились использовать толчок Земли, но также обнаружили, что, если они останутся погребенными, то их точка сборки будет настраивать обычно недоступные эманации. И эта настройка задействует странную и необъяснимую способность Земли отклонять непрерывные удары накатывающейся силы. На основании этого открытия они разработали совершенно поразительные сложнейшие приемы самопогребения на чрезвычайно длительные периоды времени без какого-либо вреда для себя. Ведя битву со смертью, они научились продлевать периоды самозахоронения на тысячелетия.

День был пасмурным, и ночь спустилась быстро. Почти сразу все погрузилось во тьму. Дон Хуан встал и повел меня и спящего Хенаро к огромному плоскому овальному камню, на который я обратил внимание еще в самом начале, едва мы пришли на это место. Камень этот был очень похож на тот, к которому мы ходили в прошлый раз, но несколько превосходил его по размерам. Мне почему-то подумалось, что этот камень, несмотря на его громадность, кем-то положен сюда специально.

– Это – другое место, – сообщил мне дон Хуан. – Этот громадный камень сюда положили в качестве ловушки, чтобы привлекать людей. Скоро ты узнаешь, почему.

Я ощутил, как по телу моему пробежала дрожь. Мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок. Я хотел сообщить дону Хуану о неадекватности моей реакции, но он продолжал говорить хриплым шепотом. Он сказал, что Хенаро сейчас сновидит и потому имеет достаточно контроля над своей точкой сборки, чтобы двигать ее до достижения определенных эманаций, которые заставят пробудиться

все, что есть вокруг этого камня. Мне дон Хуан посоветовал сдвинуть свою точку сборки вслед за точкой сборки Хенаро. Он сказал, что мне это по силам. Во-первых, установлением моего нестигаемого намерения сдвинуть ее, а во-вторых, позволив контексту ситуации диктовать, куда она должна сдвинуться.

Немного подумав, дон Хуан шепотом добавил, что беспокоиться по поводу технических аспектов ни к чему, ибо подавляющая часть необычных вещей, происходящих с видящими, впрочем, как и с обычными людьми, происходит сама собой, при вмешательстве только лишь намерения.

Еще немного помолчав, он сказал, что опасность для меня будет заключаться в неизбежной попытке погребенных видящих запугать меня насмерть. Он настаивал на том, чтобы я сохранял спокойствие и не поддавался страху, а просто следовал за Хенаро.

Я отчаянно боролся с тошнотой. Дон Хуан похлопал меня по спине и сказал, что у меня богатый опыт по части изображения из себя ни к чему не причастного прохожего. И он заверил меня, что я не пытаюсь сознательно помешать своей точке сборки сдвинуться. Это просто автоматическая реакция любого нормального человека.

– Случится нечто, что перепугает тебя до смерти, – шептал дон Хуан, – но ты не сдавайся. Если ты сдашься, ты умрешь, и эти древние хищники попируют твоей энергией на славу.

– Уйдем отсюда, – взмолился я. – Мне, честное слово, плевать на любые примеры гротескности древних видящих.

– Поздно, – произнес Хенаро, который, полностью проснувшись, стоял рядом со мной. – Даже если сейчас мы попытаемся отсюда ускользнуть, двое видящих и их союзники достанут тебя и сразят где-нибудь в другом месте. Они уже окружили нас. Сейчас на тебе сфокусировано не меньше шестнадцати осознаний.

– Кто они? – прошептал я на ухо Хенаро.

– Четверо видящих и их сопровождение, – ответил он. – Они осознавали нас с тех пор, как мы пришли сюда.

Я хотел развернуться и бежать, куда глаза глядят, но дон Хуан схватил меня за локоть и указал в небо. Я заметил, как разительно изменилось освещение: тьма, бывшая черной как смоль, сменилась приятными предрассветными сумерками. Я быстро сориентировался по странам света. На востоке небо было определенно более светлым.

Вокруг головы моей возникло странное давление. В ушах зазвенело. Мне было холодно, и в то же время я чувствовал жар. Я никогда до этого не был так напуган, но не это досаждало мне больше всего, а навязчивое ощущение поражения и то, что я чувствовал себя трусом. Меня тошнило, и вообще мне было отвратительно не по себе.

Дон Хуан начал шептать мне в самое ухо. Он сказал, что нужно быть в полной готовности, поскольку все мы втроем в любой момент можем подвергнуться нападению древних видящих.

Быстро, словно что-то подгоняло его, Хенаро шепнул мне:

– Если хочешь, можешь за меня держаться.

Мгновение я колебался. Мне не хотелось показывать дону Хуану, что я до такой степени напуган.

– А вот и они! – громко прошептал дон Хуан. Мир мгновенно перевернулся для меня вверх ногами, когда я вдруг ощутил, как что-то схватило меня за левую лодыжку. Смертный холод пронзил все мое тело. Я знал, что вступил в железный капкан, поставленный, должно быть, на медведя. Все это молнией пронеслось в моем уме прежде, чем я издал пронзительный крик – такой же дикий, как мой испуг.

Дон Хуан и Хенаро громко расхохотались. Они стояли по бокам от меня, не дальше, чем в трех футах. Но я был в таком ужасе, что до этого момента их не замечал.

Я услышал, как дон Хуан вполголоса приказал:

– Пой! Пой, иначе умрешь!

Я попытался высвободить ногу и почувствовал пронзительную боль, словно в кожу мою впились множество игл. Дон Хуан снова и снова требовал, чтобы я пел. Они с Хенаро затянули популярную песенку. Хенаро произносил слова, глядя на меня с расстояния не более двух дюймов. Они пели фальшиво и хрипло, полностью выбиваясь из дыхания и настолько выше нормального диапазона своих голосов, что я не выдержал и рассмеялся.

– Пой, иначе ты погибнешь, – сказал мне дон Хуан.

– Давайте устроим трио, – предложил Хенаро. – Споем болеро. Я присоединился к их фальшивому дуэту. Получилось не менее фальшивое трио. Довольно долго, мы как пьяные, распевали на пределе своих голосов. Я чувствовал, что железная хватка на моей ноге понемногу начинает ослабевать, но взглянуть вниз не отваживался. В конце концов, я решился. И обнаружил, что никакого капкана там нет. В меня впилось нечто темное, по форме напоминающее голову!

Только благодаря чудовищному усилию мне удалось не упасть в обморок. Меня тошнило. Автоматически я попытался было наклониться, чтобы меня вырвало, но кто-то с нечеловеческой силой схватил меня за локти и шею, не давая пошевелиться. Меня вырвало, и все потекло вниз прямо по одежде.

Меня охватило такое отвращение, что я снова начал терять сознание. Дон Хуан плеснул на меня водой из тыквенной фляжки, которую всегда носил с собой, когда мы ходили в горы. Холодная вода потекла под воротник. Это восстановило мое физическое равновесие, но на силе, которая держала меня за локти и за шею, это никак не отразилось.

– Похоже, ты в своем страхе зашел чересчур далеко, – громко сказал дон Хуан таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся, и у меня тут же возникло ощущение упорядоченности.

– Споем-ка еще раз, – добавил он. – Давайте споем что-нибудь содержательное; болеро меня что-то больше не привлекает.

Мысленно я поблагодарил его за уравниловку и благородство. Когда же они запели песню «Ла Валентина», я был настолько растроган, что заплакал. ✦

Все мое существо словно пронзил шок невыносимой переоценки ценностей. Никогда еще песня не имела для меня такого огромного значения. Услышав, как они распевают слова, которые я всегда считал сентиментальной дешевкой, я вдруг подумал, что постиг дух⁴⁸ воина. Дон Хуан намертво вбил в меня формулу: воин всегда живет бок о бок со смертью. Воин знает, что смерть – всегда рядом, и из этого знания черпает мужество для встречи с чем угодно. Смерть – худшее из всего, что может с нами случиться. Но поскольку смерть – наша судьба, и она неизбежна, то мы – свободны. Тому, кто все потерял, нечего бояться. Я подошел к дону Хуану и Хенаро и обнял их, чтобы выразить, бесконечную благодарность и восхищение. А затем я осознал, что ничто не держит меня более. Не говоря ни слова, дон Хуан взял меня за руку, подвел к плоскому камню и усадил на него.

– Представление начинается! – весело воскликнул Хенаро, усаживаясь поудобнее. – За входной билет ты уже заплатил. Билет у тебя – на всю грудь.

Он взглянул на меня, и оба они расхохотались.

*Because of my passion, they say
That ill fortune is on my way.
It doesn't matter
That it might be the devil himself.
I do know how to die.
Valentina, Valentina
I throw myself in your way
If I am going to die tomorrow,
Why not once and for all today?*

*Они говорят, что из-за моей страсти,
На моем пути несчастье.
Но это не важно,
Пусть это будет хоть дьявол сам.
Я знаю, как умирать.
Валентина, Валентина
Я перед тобой распростерт,
И если завтра мне смерть суждена,
Почему не сегодня –
Сразу и навсегда?*

⁴⁸ Ethos – характер, преобладающая черта, дух

– Не садись ко мне слишком близко, – попросил Хенаро. – Не люблю блевотины. Но не стоит садиться и слишком далеко: фокусы древних видящих еще не исчерпаны.

Я придвинулся к ним настолько близко, насколько позволяли приличия. В течение какого-то мгновения я чувствовал обеспокоенность своим состоянием, но потом все мои неприятные ощущения сразу отошли на задний план: я заметил, что к нам приближаются какие-то люди. Я не мог рассмотреть их фигуры, но различал контуры группы людей, приближавшихся к нам в полумраке. У них не было ни фонариков, ни ламп, хотя в такой час они бы им не помешали. Деталь эта почему-то меня обеспокоила. Мне не хотелось на ней сосредотачиваться, поэтому я намеренно принялся размышлять в рациональном ключе. Я прикинул, что своим громким пением мы, должно быть, привлекли их внимание, и они идут, чтобы выяснить, в чем дело. Дон Хуан похлопал меня по плечу. Движением подбородка он указал на мужчин, шедших впереди группы:

– Вон те четверо – древние видящие. Остальные – их союзники. Прежде, чем я успел заметить, что это, вероятнее всего, местные крестьяне, за спиной моей раздался свистящий звук. Ужасно встревожившись, я мгновенно оглянулся. Движение мое было таким быстрым, что предупреждение дона Хуана запоздало.

Я услышал, как он кричит:

– Не оглядывайся!

Но эти слова уже могли быть лишь фоновым звуком: они ничего для меня не значили. Оглянувшись, я увидел, что три чудовищно уродливых человека взобрались на камень за моей спиной. Они крались ко мне, разинув рты в кошмарных гримасах и вытянув руки, чтобы меня схватить.

Я хотел заорать во всю глотку, но вместо этого у меня вырвался лишь сдавленное клокотание, словно что-то сдавило мне горло. Увернувшись от них, я автоматически скатился на землю.

Как только я встал, дон Хуан прыгнул ко мне, и в то же мгновение толпа, возглавляемая теми, на кого указывал дон Хуан, налетела на меня. Они были похожи на стервятников, они даже попискивали как летучие мыши или крысы. В ужасе я завопил. Теперь это мне удалось – крик получился дикий и пронзительный.

С ловкостью спортсмена в пике формы дон Хуан выхватил меня из их лап и утащил на камень. Суровым голосом он велел не оглядываться, как бы страшно не было. Он объяснил, что союзники не могут меня столкнуть, но испугать так, что я снова свалюсь на землю – вполне способны. А вот на земле союзники могут удержать кого угодно. Если бы мне пришлось упасть на землю в месте погребения древних видящих, я оказался бы в полной их власти. Они разорвали бы меня на части, пока союзники удерживали бы меня.

Дон Хуан добавил, что не рассказал мне всего этого раньше, так как думал, что в силу обстоятельств я буду вынужден все это увидеть и понять самостоятельно. Его решение едва не стоило мне жизни.

Я ощущал присутствие уродливых людей совсем рядом за своей спиной, и это было невыносимо. Дон Хуан приказал мне сохранять спокойствие и сосредоточить внимание на четырех мужчинах, возглавлявших толпу из десяти-двенадцати человек. В мгновение, когда я сфокусировал на них взгляд, они все, как по команде, ринулись к краю плоского камня. Остановившись там, они по-змеиному зашипели и начали ходить взад-вперед. Движения их казались согласованными. Все это выглядело настолько единообразным и упорядоченным, что производило впечатление какого-то механизма. словно они следовали некой непрерывно повторявшейся схеме, рассчитанной на то, чтобы меня загипнотизировать.

– Не пялься на них так, дорогой, – сказал Хенаро таким тоном, словно обращался к ребенку.

Я захохотал, и смех мой был настолько же истерическим, насколько и страх. Я хохотал так, что эхо гуляло по окрестным холмам.

Люди сразу же остановились. Казалось, они в замешательстве. Я различал, как головы их покачиваются вверх-вниз, словно они разговаривают, что-то обсуждая между собой. Потом один из них вскочил на камень.

– Берегись! Этот – видящий! – крикнул Хенаро.

– Что нам теперь делать?! – закричал я.

– Можем спеть еще, – будничным голосом произнес дон Хуан. Страх мой достиг апогея. Я принялся подпрыгивать на месте и рычать, как зверь. Человек спрыгнул на землю.

– Ну ладно, не обращай внимания на этих шутов, – сказал дон Хуан. – Давай лучше побеседуем как обычно.

Он сказал, что пришли мы сюда ради достижения мною просветления, а я не оправдываю их надежд. Мне следует перестроиться. Во-первых, следует осознать, что моя точка сборки сдвинулась и теперь заставляет светиться довольно мрачные эманации. Переносить же чувства, свойственные моему нормальному состоянию осознания, в мир, который я собрал, просто нелепо, поскольку страх может доминировать только среди эманаций обычной жизни.

Я сказал, что, если моя точка сборки сдвинулась, как он говорит, то у меня для него есть новость. Мой страх стал бесконечно сильнее и опустошительнее, чем все, когда-либо испытанное мною в обычной жизни.

– Ошибаешься, – сказал дон Хуан. – Твое первое внимание в недоумении и не желает отказываться от контроля, вот и все. У меня такое чувство, что ты можешь спокойно подойти к этим созданиям, и они ничего не смогут с тобой сделать.

Я настаивал, что определенно не в состоянии пробовать настолько нелепую вещь, как эта.

Дон Хуан смеялся и смеялся надо мной. Он сказал, что рано или поздно мне придется избавиться от своего сумасшествия и что перехватить инициативу и встретиться с этими видящими лицом к лицу – вещь гораздо менее нелепая, чем исходное согласие с самой идеей того, что я вообще их вижу. С его точки зрения сумасшествием было бы встретиться с людьми, погребенными две тысячи лет назад и все еще живыми, и не думать при этом, что это – предел нелепости.

Я очень ясно слышал все, что он говорил, но практически не обращал не его слова никакого внимания. Я был в ужасе от людей, которые окружали камень. Похоже было, что они готовятся к прыжку на нас. Фактически их интересовал именно я. Они были сосредоточены на мне. Моя правая рука начала вздрагивать, словно меня поразило какое-то нервно-мышечное заболевание. Тут я вдруг понял, что освещенность неба изменилась еще больше. Уже почти рассвело, но я только сейчас это заметил. А потом случилось нечто странное. Какой-то неконтролируемый порыв заставил меня вскочить и ринуться к группе людей.

В тот миг я ощущал два диаметрально противоположных чувства по отношению к одному и тому же. Жуткий ужас был меньшим из них. Преобладало же полное безразличие. Мне было абсолютно все равно.

Когда я добежал до них, я понял, что дон Хуан был прав. На самом деле они не были людьми. Из них только четверо в какой-то степени напоминали людей, но людьми все-таки не являлись. Я видел перед собой некие странные создания с огромными желтыми глазами. Остальные же были просто формами, которыми управляли те четверо.

Я смотрел на этих четверых, и меня охватила невыразимая печаль. Я попытался до них дотронуться, но не смог их отыскать. Что-то похожее на ветер унесло их прочь.

Я оглянулся, ища дона Хуана и Хенаро. Их не было. Вокруг снова стояла непроглядная темень. Я звал их по именам. Несколько

минут я слонялся во тьме, пока ко мне неожиданно не подошел дон Хуан. Хенаро я не видел.

– Пойдем домой, – сказал дон Хуан. – Путь неблизкий.

Дон Хуан отметил, что на месте погребения древних видящих я вел себя очень хорошо, особенно во второй части поединка с ними. Он сказал, что сдвиг точки сборки сопровождается изменением освещенности. Днем становится очень темно, ночью же тьма превращается в сумерки. Дон Хуан добавил также, что мне дважды удалось сдвинуть точку сборки самостоятельно с помощью одного лишь животного страха. Не понравилось ему только одно – я потакал своему животному страху. Особенно ни к чему это было после того, как я осознал, что воину нечего бояться.

– Откуда ты знаешь, что я это осознал? – спросил я.

– Ты был свободен. Стоит исчезнуть страху, как все узы, связывающие нас, тут же растворяются, – объяснил он. – Союзник цеплялся за твою ногу только потому, что его привлекал твой животный ужас.

Я сказал, что не смог воплотить в жизнь то, что понял и очень об этом сожалею.

– Это не должно тебя беспокоить, – засмеялся он. – Ты же знаешь: таких моментов понимания – хоть пруд пруди. Но в жизни воина они ничего не стоят, поскольку ликвидируются при сдвиге точки сборки.

Просто мы с Хенаро хотели заставить тебя сдвинуться очень глубоко. И Хенаро в этот раз был нужен лишь для того, чтобы выманить древних видящих. Он уже как-то проделал нечто подобное, и ты сдвинулся так глубоко влево, что вспомнить тебе это удастся не скоро. В тот раз ты испугался не меньше, чем сегодня, но твое упрямое первое внимание не дало тебе тогда осознать видящих и их союзников, которые следовали за тобой и вошли в эту комнату.

– Объясни мне, что произошло на месте погребения древних видящих?

– Союзники вышли, чтобы тебя увидеть, – ответил он. – Их энергетический уровень очень низок, поэтому они нуждаются в помощи людей. Те четверо видящих собрали вокруг себя двенадцать союзников.

– Сельская местность в Мексике, а также некоторые города опасны. То, что произошло с тобой, может случиться с любым мужчиной и любой женщиной. Наткнувшись на такой могильник, человек даже может увидеть видящих и их союзников. Если, конечно, он достаточно податлив для того, чтобы позволить своему страху сдвинуть точку сборки. Но одно можно сказать наверняка: человек может умереть от страха.

– Ты что, действительно веришь, что эти видящие-толтеки до сих пор остаются живыми? – спросил я.

Он засмеялся и с недоверием покачал головой:

– Настало время слегка подвинуть твою точку сборки. Я не могу с тобой беседовать, когда ты находишься в состоянии полного идиота.

И он трижды шлепнул меня ладонью – прямо по правому выступу таза, по срединной точке спины чуть ниже лопаток и по верхней части правой грудной мышцы.

В ушах незамедлительно послышался звон. Из правой ноздри выбежала струйка крови. Внутри меня что-то откупорилось. Как будто вновь потек некий заблокированный поток энергии.

– Чего от нас хотели те видящие и их союзники? – спросил я.

– Ничего, – ответил он. – Это мы от них чего-то хотели. Конечно, когда ты приходил и видел их в первый раз, они обратили внимание на твое поле энергии. Ну, а во второй раз, обнаружив, что ты вернулся, они решили ею поживиться.

– Эти видящие, как ты утверждаешь, – живые, – сказал я. – Но ты имеешь в виду, что они живые в том же смысле, в каком живыми являются союзники, так?

– Совершенно верно, – подтвердил он. – Они никак не могут быть живыми в том смысле, в каком живыми являемся мы с тобой. Это было бы уже слишком.

И он объяснил, что древние видящие были настолько озабочены проблемой смерти, что не пренебрегали даже самыми причудливыми возможностями. Те из них, кто взял за образец союзников, вне всякого сомнения жаждали обрести пристанище на небесах. И они нашли свое пристанище. Им стала фиксированная позиция точки сборки в одной из семи полос неорганического осознания. Там видящие почувствовали себя в относительной безопасности. Ведь от обычного мира их отделял практически непреодолимый барьер – барьер восприятия, установленный точкой сборки.

– Когда видящие увидели, что ты умеешь сдвигать точку сборки, они побежали от тебя, как черт от ладана, – сказал он и рассмеялся.

– Ты хочешь сказать, что я собрал один из семи неорганических миров? – спросил я.

– В этот раз – нет, – ответил он. – Но ты сделал это в прошлый раз, когда видящие и их союзники за тобой погнались. В тот день ты проделал весь путь, отделяющий нас от их мира. Но проблема в том, что ты любишь действовать глупо и поэтому ничего не можешь вспомнить.

– Я уверен, что именно присутствие нагуаля иногда заставляет людей действовать тупо. Пока нагуаль Хулиан находился здесь, я был гораздо тупее, чем сейчас. И я уверен – когда меня здесь не станет, тебе удастся вспомнить все.

Дон Хуан объяснил, что счел необходимым показать мне тех, кто бросил вызов смерти. Поэтому они с Хенаро вызвали их на грань нашего мира. Сдвиг, который я осуществил вначале, был очень глубоким, но боковым, что позволило мне воспринять бросивших вызов смерти в человеческом образе. Но, в конце концов, мне удалось добиться правильного сдвига, и я увидел их самих и их союзников такими, каковы они в действительности.

Ранним утром следующего дня дон Хуан позвал меня в большую комнату дома Сильвио Мануэля, чтобы поговорить о событиях предшествовавшей ночи. Я чувствовал себя страшно уставшим, хотелось отдохнуть и поспать, но дон Хуан сказал, что время поджимает. Он начал говорить, как только мы вошли в комнату. Он сказал, что древние видящие научились использовать накатывающуюся силу и перемещаться с ее помощью. Вместо того чтобы поддаться натиску опрокидывателя и позволить ему расколоть их коконы, они катились вместе с ним, позволив ему сдвигать их точки сборки до пределов человеческих возможностей.

Дон Хуан выразил искреннее восхищение таким достижением. Он признал, что толчка, подобного толчку опрокидывателя, точке сборки не может дать ничто.

Я спросил о различии между толчком Земли и толчком опрокидывателя. Он объяснил, что толчок Земли – суть сила настройки исключительно янтарных эманаций. Такой толчок повышает осознание до немыслимой степени. Для новых видящих это взрыв неограниченного осознания, который они называют полной свободой.

Он сказал, что толчок опрокидывателя, в отличие от толчка Земли, – сила смерти. Под воздействием опрокидывателя точка сборки перемещается в новые непредсказуемые позиции. Таким образом, древние видящие в своих странствиях всегда были одинокими путниками, хотя все их предприятия всегда были совместными. Если же случалось так, что в одном и том же путешествии принимали участие несколько видящих, то это означало только борьбу за главенство и считалось нежелательным поворотом событий.

Я признался дону Хуану, что, чем бы древние видящие ни занимались, это производят на меня гораздо более жуткое впечатление, чем самые мрачные сказки. Он раскатисто захохотал. Было похоже, что происходящее доставляет ему массу удовольствия.

– Тебе все же придется согласиться с тем, что, как бы это ни было противно, эти черти обладали огромной смелостью, –

продолжал он. – Мне и самому они никогда не нравились, как ты знаешь, но не восхищаться ими я, тем не менее, не могу. Их любовь к жизни для меня поистине непостижима.

– Но разве это можно назвать любовью к жизни, дон Хуан? – спросил я. Это же что-то тошнотворное.

– Но что, кроме любви к жизни, способно толкнуть человека на такие крайности? – ответил он вопросом на вопрос. – Они до такой степени были влюблены в жизнь, что ни за что не желали с ней расставаться. Так я это вижу. Мой бенефактор видел иначе. Он считал, что они боялись умереть, что не то же самое, что любить жизнь. Я говорю, что они боялись умереть, потому что любили жизнь и потому что видели чудеса, а вовсе не из-за того, что были мелкими алчными чудовищами. Нет. Они заблудились. Никто никогда не бросал им вызов, и они испортились, как маленькие избалованные дети. Но отвага их была безупречна, и таким же безупречным было их мужество.

– Вот ты, например, отправился бы в неизвестное, побуждаемый только алчностью? Да ни за что. Алчность работает только в мире обычных дел. Но, чтобы в ледящем душу одиночестве пуститься в странствие по немыслимым пространствам иных миров, требуется нечто повнушительнее алчности. Любовь. Нужна любовь к жизни, к аванюре, к тайне. Нужно обладать неиссякаемой любознательностью и огромной смелостью. Поэтому не говори, что тебе противно, ибо это – чушь. Это попросту неприлично!

В глазах дона Хуана мерцали искорки сдерживаемого смеха. Он ставил меня на место, но сам смеялся над этим.

Примерно на час дон Хуан оставил меня в комнате одного. Мне хотелось разобраться в мыслях и чувствах. Но я не знал, как это сделать. Я знал наверняка, что моя точка сборки находится в положении, в котором роль рассудка не является доминирующей. И в то же время интересовали меня вопросы вполне рассудочные. Дон Хуан сказал, что, формально, как только сдвигается точка сборки, мы засыпаем. Меня интересовал, например, вопрос, выглядел ли я

спящим для стороннего наблюдателя, так как Хенаро выглядел для меня.

Как только вернулся дон Хуан, я спросил его об этом.

– Ты спишь самым натуральным образом, хотя и не ложился, – ответил он. – Если бы сейчас тебя увидел человек, находящийся в нормальном состоянии осознания, он решил бы, что ты слегка не в себе, а может быть даже – что ты пьян.

И он объяснил, что во время обычного сна точка сборки сдвигается вдоль одного из краев человеческой полосы. Такие сдвиги всегда сопряжены с дремотным состоянием. А в процессе практики точка сборки сдвигается вдоль среднего сечения человеческой полосы. Поэтому дремотного состояния не возникает, хотя сновидящий по-настоящему спит.

– Как раз на этой развилке и разошлись новые и древние видящие в своем походе за силой, – продолжал он. – Древних видящих интересовала копия тела, физически более сильная, чем само тело. Поэтому они использовали сдвиг вдоль правого края человеческой полосы. Чем глубже они уходили в этом направлении, тем более причудливым становилось их тело сновидения. Вчера ты сам имел возможность увидеть чудовищный результат глубокого сдвига вдоль правого края.

– Новые видящие поступили совсем иначе. Они старались удержать точку сборки посередине человеческой полосы. При неглубоком сдвиге такого рода – например, при сдвиге в состояние повышенного осознания – сновидящий практически ничем не отличается от любого другого человека на улице, разве что несколько в большей степени подвержен воздействию эмоций, таких как, скажем сомнение и страх. Но на определенном уровне глубины, сновидящий, который сдвигается вдоль средней секции, становится сгустком⁴⁹ света. Сгусток света и есть тело сновидения новых видящих.

⁴⁹ Blob – маленький шарик, капля

Он сказал также, что такое безличное тело сновидения в большей степени способствует пониманию и исследованию, являющихся основой всего, что делают новые видящие. В значительной степени очеловеченное тело сновидения древних видящих заставляло их искать такие же личностные, очеловеченные ответы.

Неожиданно дон Хуан запнулся, как бы подыскивая слова.

– Есть еще один бросивший вызов смерти, – отрывисто произнес он. – Он совершенно не похож на тех четырех, которых ты видел. Его невозможно отличить от любого обычного человека с улицы. То, чего он достиг – уникально. Он научился открывать и закрывать свой просвет по собственному желанию.

Дон Хуан почти нервно перебирал пальцами.

– Этот бросивший вызов смерти – тот древний видящий, с которым в 1723 году познакомился нагуаль Себастьян, – продолжал он. – День их встречи мы считаем днем начала нашей линии, днем второго начала. Бросивший вызов смерти живет на Земле уже сотни лет. Он вносил изменения в жизнь каждого из нагуалей, с которым встречался. Некоторых из них изменения коснулись в большей степени, некоторых – в меньшей. А встречался он со всеми нагуалями нашей линии, жившими после 1723 года.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я почувствовал странное неудобство. Я решил, что неловкость вызвана возникшей передо мной дилеммой: я очень сильно сомневался в правдивости этого предания, и в то же время по какой-то необъяснимой причине твердо верил, что все это – правда. Я сказал о своем затруднении дону Хуану.

– Вопрос рационального недоверия – не только твоя проблема, – заметил он. – Мой бенефактор тоже поначалу бился над этим вопросом. Конечно, потом он все вспомнил, но на это ему потребовалось довольно много времени. Когда я с ним познакомился, он уже восстановил все в памяти, поэтому стать свидетелем его сомнений мне не довелось. Я только слышал о них.

– Но вот что удивительно: те, кто ни разу не видели того человека, с гораздо большей легкостью верили в то, что он – один из древних видящих. Мой бенефактор утверждал, что шок, который он испытал при встрече с таким существом, слепил в одну кучу некоторое количество эманаций. Отсюда и колебания, поскольку на то, чтобы эти эманации разделились, потребовалось время. Твоя точка сборки будет смещаться. Когда-нибудь настанет миг – она попадет на должную комбинацию эманаций, и доказательства реального существования этого человека встанут перед тобой с ошеломляющей очевидностью.

Я снова почувствовал необходимость поговорить о своем ощущении раздвоения.

– Мы отклоняемся от темы, – сказал он. – Может показаться, что я пытаюсь убедить тебя в существовании этого человека. Я же хотел сказать только то, что этот древний видящий знает, как управлять накатывающейся силой. А веришь ты в то, что он существует или нет – не важно. Однажды ты узнаешь, что ему действительно удалось закрыть просвет. Это станет для тебя очевидным фактом. Ту энергию, которую он заимствует у нагуаля каждого поколения, он использует исключительно для того, чтобы закрывать просвет.

– Но как ему это удастся? – спросил я.

– Выяснить это невозможно, – ответил он. – Я разговаривал об этом с двумя другими нагуалями, встречавшимися с ним лицом к лицу – нагуалем Хулианом и нагуалем Элиасом. Ни один из них не знал. Тот человек никогда не раскрывал секрет того, как он закрывает просвет. Причем через некоторое время просвет, видимо, начинает снова приоткрываться. Нагуаль Себастьян рассказывал, что, когда он познакомился с этим древним видящим, тот был очень слаб, он почти умирал. А когда с ним встретился мой бенефактор, тот уже скакал с живостью и энергией полного сил молодого человека.

Дон Хуан рассказал, что нагуаль Себастьян прозвал этого безымянного человека «арендатором», поскольку они заключили с

ним соглашение: тот получал энергию, так сказать, «жилье», платя за аренду услугами и знаниями.

– Кто-нибудь пострадал при этом обмене? – поинтересовался я.

– Ни одному из нагуалей обмен энергией с этим человеком вреда не причинил, – ответил дон Хуан. – Толтек обязался брать только немного свободной энергии в обмен на дары, на сверхъестественные способности. Нагуаль Хулиан, например, получил от него походку силы. С ее помощью он мог задействовать или гасить определенные эманации в своем коконе, делаясь по своей воле то молодым, то старым.

Дон Хуан объяснил, что бросившие вызов смерти дошли до того, что привели в пассивное состояние все эманации внутри своих коконов, кроме эманаций, соответствующих эманациям союзников. Таким образом, они имитируют союзников.

– Каждый из тех бросивших вызов смерти, с которыми мы столкнулись возле плоского камня, – сказал дон Хуан, – смог очень точно сместить свою точку сборки в место, где она задействовала эманации, которые соответствуют эманациям союзников. Благодаря этому те видящие могут с союзниками взаимодействовать. Однако вернуть точку сборки в обычное положение и взаимодействовать с людьми они не в состоянии. Арендатор же может сдвигать свою точку сборки в положение, где она собирает обычный мир, так, словно ничего не произошло.

Дон Хуан также сказал, что его бенефактор был убежден – и сам он с этим целиком и полностью согласен – в том, что для заимствования энергии старый маг сдвигает точку сборки нагуаля в зону эманаций союзника внутри кокона нагуаля. Резкая настройка, ранее никогда не использовавшихся эманаций, генерирует мощный выброс энергии, которым и пользуется маг.

Дон Хуан сказал, что энергия, заключенная в дремлющих внутри нас эманациях, огромна, и ее там неизмеримое количество. Очень приблизительно оценить объем этой силы можно, опираясь на тот факт, что вся энергия, которая обеспечивает восприятие нами обычного мира и все наше с ним взаимодействие, генерируется

настройкой не более чем одной десятой всего объема эманаций, заключенных в коконе.

– В момент смерти вся энергия разом высвобождается, – продолжал дон Хуан. – В этот миг немыслимая сила переполняет все живые существа. Это – не накатывающаяся сила, расколовшая их просвет, поскольку последняя никогда не проникает внутрь кокона, она только заставляет его разрушаться. Сила, которой наполняется живое существо, есть сила внезапной настройки сразу всех эманаций, сохранявших пассивность в течение целой жизни. И у этой гигантской силы нет выхода, она может только вырваться наружу через просвет.

– Старый маг научился захватывать эту энергию. Он настраивает пассивные эманации внутри кокона нагуаля в очень узком участке их спектра, захватывая выброс ограниченной, но, тем не менее, гигантской силы.

– Как энергия нагуаля попадает в его тело? – спросил я. – Что ты думаешь по этому поводу?

– Он надкалывает просвет нагуаля, – ответил дон Хуан. – Сдвигает его точку сборки, пока просвет не приоткроется. Когда через это отверстие стравливается энергия свеженастроенных эманаций, он втягивает ее сквозь свой просвет.

– Зачем он все это делает? – спросил я.

– Я думаю, что он попал в замкнутый круг и не может его разорвать, – ответил дон Хуан. – Мы заключили с ним соглашение. Он делает все возможное, чтобы его выполнять. Мы – тоже. Мы не можем его осуждать, хотя и знаем, что его путь к свободе не ведет. И он об этом знает, но знает он также и то, что остановить все это он не в силах. Он попал в ловушку им же самим созданной ситуации, и единственное, что в его силах – на сколько возможно продлить свое союзникоподобное существование.

Глава 16. Человеческая матрица

Сразу после завтрака мы с доном Хуаном сели поговорить. Начал он без предисловий и заявил, что мы приблизились к концу объяснения искусства владения осознанием. Он сказал, что мы самым подробным образом обсудили все истины об осознании, открытые древними видящими, и подчеркнул, что теперь мне известен порядок, в котором новые видящие их расположили. В последней части своего объяснения он детально описал две силы, помогающие точке сборки сдвинуться – толчок Земли и накатывающуюся силу. Кроме того, он объяснил мне три метода, разработанные новыми видящими – сталкинг, намерение и сновидение – а также рассказал, как практика этих методов воздействует на движение точки сборки.

– Теперь, – продолжил он, – чтобы объяснение владения осознанием можно было считать законченным, тебе остается проделать лишь одно: самостоятельно разрушить барьер восприятия. Ты должен сам, без посторонней помощи, сдвинуть свою точку сборки и настроить другую большую полосу эманаций.

– Если ты не сможешь этого совершить, то все, о чем мы говорили и что делали, окажется пустой болтовней, просто словами. А слова ничего не стоят.

Он объяснил, что, когда точка сборки уходит со своего обычного положения и достигает определенной глубины, она прорывает некий барьер, который на мгновение лишает ее способности настраивать эманации. Мы ощущаем это как момент пустоты восприятия. Древние видящие называли этот момент стеной тумана: в момент нарушения настройки эманаций появляется восприятие полосы тумана.

Дон Хуан сказал, что с этим барьером можно иметь дело тремя способами. Он может быть взят абстрактно, как барьер восприятия, он может быть почувствован, как акт прорывания экрана из плотной бумаги, или его можно увидеть, как стену тумана.

Разумеется, в течение моего ученичества дон Хуан много раз подводил меня к видению барьера восприятия. Поначалу мне нравился образ стены тумана, Дон Хуан предупредил меня, что древние видящие тоже предпочитали видеть барьер именно таким образом. Он объяснил, что так гораздо легче и удобнее, однако при этом существует опасность превращения вещей непостижимых в нечто мрачное и злое. Поэтому он советовал мне не делать непостижимое частью инвентаризации первого внимания, а оставить непостижимым.

Некоторое время мне по-прежнему было удобно видеть барьер как стену тумана, однако потом я согласился с доном Хуаном, что лучше воспринимать переходный момент как некую непостижимую абстракцию. Но тогда мне так и не удалось нарушить фиксацию осознания. Каждый раз, оказываясь в положении, близком к разрушению барьера, я видел стену тумана.

Как-то по случаю я пожаловался дону Хуану и Хенаро, что никак не могу изменить это, хотя и очень хочу увидеть барьер в каком-нибудь ином виде. Дон Хуан заметил тогда, что в этом нет ничего удивительного, ибо я болезненно впечатлителен и мрачен, и мы с ним в этом разительно отличаемся друг от друга. Он – весел и практичен и не поклоняется человеческой инвентаризации. А я не желаю вышвырнуть в окошко свою инвентаризацию и потому тяжел, злое и непрактичен. Столь резкая критика ошеломила меня, я пришел в состояние подавленности и печали. Дон Хуан и Хенаро хохотали до слез.

А Хенаро еще добавил, что я мстителен и склонен к полноте. Они хохотали так, что в конце концов я не устоял и к ним присоединился.

Затем дон Хуан рассказал мне о том, что тренировка в собирании других миров позволяет точке сборки накапливать опыт перемещений. Однако меня всегда интересовал вопрос: как получить первичный толчок, который выбил бы точку сборки из ее исходного положения. Когда раньше я спрашивал об этом у дон Хуана, он обычно отвечал, что поскольку настройка есть сила,

вовлеченная во все, намерение суть то, что заставляет перемещаться точку сборки.

Теперь я в очередной раз задал ему тот же вопрос. Он ответил:

– Сейчас ты в состоянии сам в состоянии ответить на свой вопрос. Владение осознанием есть то, что дает точке сборки этот толчок. В конечном счете, от нас – человеческих существ – зависит не так уж много. Ведь мы, по сути, – всего лишь зафиксированная в определенной позиции точка сборки. Наш внутренний диалог – наша инвентаризация – наш враг и в то же время наш друг. Будь воином, останови свой внутренний диалог, проведи инвентаризацию и выбрось ее прочь. Новые видящие проводят тщательные инвентаризации, а потом смеются над ними. Без инвентаризации точка сборки обретает свободу.

Дон Хуан напомнил мне о том, как много времени мы с ним в прошлом посвятили обсуждению одного из самых стойких аспектов нашей инвентаризации – идее Бога.

– Этот пункт, – сказал он, – подобен прочнейшему клею, фиксирующему точку сборки в ее исходном положении. И если ты намерен собрать другой реальный мир, пользуясь другой большой полосой эманаций, тебе необходимо сделать один обязательный шаг, чтобы освободить всё, привязывающее точку сборки. Этим шаг заключается в том, чтобы увидеть человеческую матрицу. И сегодня тебе предстоит проделать это самостоятельно.

– Что такое человеческая матрица, дон Хуан?

– С моей помощью ты видел ее множество раз, – ответил он. – Так что тебе известно, что это такое.

Я хотел сказать, что не знаю, о чем идет речь, но воздержался. Если он утверждал, что я ее видел, то, вероятнее всего, так оно и было, хотя я не имел об этом ни малейшего понятия.

Он знал, о чем я думаю. Он понимающе улыбнулся и медленно покачал головой.

– Человеческая матрица – это огромный блок эманаций в большой полосе органической жизни, – сказал он. – Его называют человеческой матрицей, потому что он является структурой, встречающейся только внутри человеческого кокона.

– Человеческая матрица – это та часть эманаций Орла, которую видящий может видеть непосредственно, не подвергаясь при этом никакой опасности.

Последовала долгая пауза, после которой он вновь заговорил:

– Преодоление барьера восприятия – последняя из задач владения осознанием. Чтобы сдвинуть точку сборки в соответствующую позицию, тебе необходимо собрать большое количество энергии. Соверши путешествие восстановления, вспомни то, что ты не раз уже совершал!

Я безуспешно пытался вспомнить, что же такое человеческая матрица. Бездна этой затеи ужасно меня расстроила, а потом и разозлила. Я пришел в ярость, я был зол на себя, на дона Хуана, на все вообще.

На дона Хуана ярость моя не произвела никакого впечатления. Он спокойно объяснил, что моя точка сборки колеблется: подчиниться команде или нет. Отсюда и ярость, которая является вполне естественной реакцией.

– Прежде, чем ты сможешь практически применить принцип «твоя команда есть команда Орла», пройдет немало времени, – сказал он. – Это – сущность владения намерением. А пока что сформируй команду не раздражаться даже в наихудшие из моментов сомнения. Твоя команда будет услышана и исполнена как команда Орла, хотя процесс этот и будет идти медленно.

– Между обычной позицией точки сборки и местом, где нет сомнений, – а оно почти совпадает с местоположением барьера восприятия – имеется неизмеримо обширная область осознания. В этой области воин подвержен склонности совершать самые разнообразные неверные действия. Поэтому ты должен быть

настороже и не терять уверенности, потому что неизбежно наступит момент, когда тебя охватит чувство поражения.

– Новые видящие советуют поступать очень просто, столкнувшись на пути с чувствами нетерпения, отчаяния, гнева или печали. Они говорят, что нужно вращать глазами. В любом направлении. Лично я предпочитаю по часовой стрелке.

– Такое движение глаз моментально сдвигает точку сборки. И в тот же миг приходит облегчение. Это вместо действительного владения намерением.

Я пожаловался, что у нас было слишком мало времени на то, чтобы подробнее поговорить о намерении.

– Когда-нибудь все вернется к тебе, – заверил он меня. – Одно повлечет за собой другое. Одно ключевое слово – и все это вывалится из тебя, как из переполненного шкафа, дверца которого не выдержала.

И дон Хуан вернулся к разговору о человеческой матрице. Он сказал, что увидеть ее самостоятельно, без посторонней помощи – исключительно важный шаг, поскольку у всех нас имеются определенные идеи, которые должны быть разрушены прежде, чем мы станем свободными. Видящий, который вступает в неизвестное с тем, чтобы увидеть непознаваемое, должен находиться в безупречном состоянии бытия.

Дон Хуан подмигнул и сказал, что находиться в безупречном состоянии бытия значит быть свободным от рациональных допущений и рациональных страхов. И добавил, что мои рациональные допущения и страхи в данный момент не дают мне снова осуществить настройку эманаций, необходимую для того, чтобы вспомнить, как я видел человеческую матрицу. Дон Хуан потребовал, чтобы я расслабился и сдвинул точку сборки вращением глаз. Он снова и снова повторял, что очень важно вспомнить человеческую матрицу до того, как я в очередной раз ее увижу. И, поскольку у него нет времени, то я не могу делать все со своей обычной медлительностью.

Я принялся вращать глазами в соответствии с его указанием. Практически немедленно я забыл обо всех своих неудобствах, а потом вдруг вспышкой молнии ум мой пронзило воспоминание. Я вспомнил, что действительно видел человеческую матрицу. Это произошло несколькими годами ранее. Это событие было для меня весьма знаменательным еще и потому, что в тот день дон Хуан высказал самые святотатственные с точки зрения моего католического воспитания утверждения, какие мне когда-либо доводилось слышать.

Началось все с обычного разговора во время прогулки по предгорьям в Сонорской пустыне. Дон Хуан объяснял, что происходит со мной в процессе обучения. Мы остановились, чтобы отдохнуть и присели на какие-то большие валуны. Дон Хуан продолжал говорить о методике обучения. Это подтолкнуло меня в сотый раз поведать ему о том, что я при этом чувствую. Было вполне очевидно: рассказы о моем отношении к его методике дону Хуану уже давно надоели. Он сдвинул уровень своего осознания и сказал, что если я увижу человеческую матрицу, то, может быть, сразу пойму все, что он делает, и это сэкономит нам годы усердного труда.

И он подробно описал, что представляет собой человеческая матрица. Он рассказывал о ней не в терминах эманаций Орла, а как о некоем энергетическом шаблоне, который служит для отпечатывания качеств человеческого существа в аморфном сгустке биологического материала. По крайней мере, так я тогда понял.

Особенно после того, как он описал матрицу человека с помощью механической аналогии. Он сказал, что она похожа на гигантский штамп, который без конца штампует человеческие существа, как будто некий конвейер доставляет к нему заготовки. Как бы изображая ладонями пуансон и матрицу этого гигантского штампа, дон Хуан крепко сжал их, а затем вновь разжал, чтобы выпустить свежештампованного индивида.

Он объяснил также, что каждому биологическому виду соответствует своя матрица, поэтому каждый индивид, этому виду принадлежащий, обладает свойствами, для данного вида характерными.

И дон Хуан приступил к рассказу о человеческой матрице. Рассказ этот очень сильно выбил меня из колеи. Дон Хуан сказал, что у древних видящих и мистиков нашего мира была одна общая черта – и тем, и другим удалось увидеть человеческую матрицу, но ни те, ни другие не поняли, что это такое. Веками мистики потчевали нас душещипательными отчетами о своем духовном опыте. Но отчеты эти, при всей их красоте, содержали в себе грубейшую и совершенно безнадежную ошибку – их составители верили, что матрица – это всемогущий и всеведущий творец. Примерно такой же была интерпретация древних видящих. Они считали, что это – добрый дух, защитник человека.

Он сказал, что только у новых видящих хватило уравновешенности на то, чтобы, увидев человеческую матрицу, трезво понять, что это такое. Они смогли осознать: человеческая матрица не есть творец, но образец всех человеческих атрибутов, которые мы можем себе представить, а также некоторых таких, которые для нас совершенно невообразимы. Матрица – наш Бог, поскольку все, что мы собой представляем, ею отштамповано, но вовсе не потому, что она творит нас из ничего по своему образу и подобию. И, по его мнению, когда мы преклоняем колени перед человеческой матрицей, мы совершаем поступок, от которого веет высокомерием и антропоцентризмом.

Я ужасно разволновался, слушая объяснение дона Хуана. Я никогда не считал себя особо благочестивым католиком, однако его богохульные интерпретации меня шокировали. Из вежливости я слушал не прерывая, но в первой же подходящей паузе намеревался сменить тему. Но он продолжал безостановочно и безжалостно бить в одну и ту же точку. В конце концов, я не выдержал и перебил его, заявив, что считаю существование Бога реальностью.

Он сказал, что мое мнение – это вопрос веры и, как таковое, является косвенным убеждением, а потому ровным счетом ничего не значит.

– Твоя, как, впрочем, и чья угодно, вера в существование Бога основана на чужих словах, а не на непосредственном видении, – продолжал он. – Но если бы ты даже мог видеть, ты все равно

неизбежно допустил бы ту же ошибку, что и мистики. Каждый, кто видит человеческую матрицу, автоматически принимает ее за Бога.

Дон Хуан назвал мистический опыт случайным видением, одиночным попаданием, которое само по себе не имеет никакой ценности, поскольку является результатом случайного сдвига точки сборки. Он заявил, что выносить верные суждения по данному вопросу могут только новые видящие, поскольку они искоренили случайное видение, заменив его способностью видеть человеческую матрицу так часто, как им нравится.

И они увидели, что то, что мы называем Богом, есть статический прототип человеческого образа, не имеющий никакой силы. Человеческая матрица ни при каких обстоятельствах не может ни помочь нам в наших действиях, ни наказать нас за несправедливые дела, ни воздать нам за дела праведные. Мы – отпечаток матрицы, продукт ее штамповки. То, чем является человеческая матрица, в точности соответствует своему названию – это образец, форма, группирующая определенную связку волокнообразных элементов, которую мы называем человеком.

Все, что он говорил, причиняло мне самые настоящие страдания, однако его, похоже, мало трогала глубина моих переживаний. Он продолжал методически меня доставать. Он сказал, что случайные видящие совершили непростительное преступление, заставив нас фокусировать нашу невосполнимую энергию на том, что не имеет никакой силы сделать что-либо. Чем больше он говорил; тем сильнее я раздражался. Когда я дошел до такой стадии раздражения, что готов был начать на него кричать, он сдвинул меня в состояние еще более повышенного осознания, ударив по правой стороне туловища между тазом и ребрами. Этот удар отправил меня парить в радужном свете, в лучезарном источнике мира и дивной благодати. Этот свет был раем, оазисом в окружавшей меня черноте.

Субъективно я ощущал, что время остановилось. Я видел этот свет неизмеримо долго. Описать словами все великолепие того, что я созерцал, не было никакой возможности, но понять, что именно делает это столь прекрасным, я тоже не мог. Затем я подумал, что

ощущение красоты порождается чувством гармонии, мира, покоя и столь долгожданной безопасности. Я чувствовал, что вдыхаю и выдыхаю в состоянии мира и облегчения. Какое дивное ощущение изобилия! Без тени сомнения я знал – это есть Бог, источник всего сущего, и я встретился с Ним лицом к лицу. И я знал, что Бог любит меня. Бог суть любовь и всепрощение – это я тоже знал. Свет омывал меня, я был очищен и спасен. Я не был властен над собой, я рыдал. В основном о себе. Зрелище этого великолепного света заставило меня чувствовать свою недостойность и мерзость.

Вдруг в ушах моих зазвучал голос дона Хуана. Он велел мне идти дальше, подняться над матрицей. Он говорил, что матрица – всего лишь ступень (стадия), приносящая временный мир и безмятежность тем, кто путешествует в неизвестное. Но она бесплодна и статична. Она есть одновременно плоский отраженный образ в зеркале и само зеркало. А образ является человеческим образом.

Я страстно отверг сказанное доном Хуаном. Я восстал против его Богохульных и святотатственных речей. Мне хотелось послать его подальше, но я не мог преодолеть связывающую силу своего видения. Я был ею пойман. Дон Хуан, казалось, в точности знал все, что я чувствую и все, что хочу ему сказать.

– Ты не можешь послать нагуалья, – сказал он у меня в ушах. – Ибо нагуаль – это тот, кто дает тебе возможность видеть. Это – техника нагуалья, его сила. Нагуаль – тот, кто ведет.

И тут я кое-что понял относительно этого голоса. Он не был голосом дона Хуана, хотя весьма на него походил. И, кроме того, голос был прав. Инициатором моего видения действительно был нагуаль Хуан Матус. Именно его техника и сила заставили меня увидеть Бога. Он сказал, что это – не Бог, а шаблон человека. И я знал, что он прав. Но я не мог с этим согласиться, причем не из упрямства или от раздражения, но просто потому, что мною всецело владело чувство преданности и любви к тому божеству, которое было передо мной.

Со всей страстностью, на какую только был способен, я всматривался в этот свет. Он как бы сконденсировался, обретая форму, и я увидел человека. Сияющего человека, от которого исходило обаяние⁵⁰, любовь, понимание, искренность и истина. Человека, воплощавшего в себе всю сумму добра.

Страсть, которая охватила меня, когда я увидел этого человека, превосходила все, что я когда-либо чувствовал. Я рухнул на колени. Я жаждал поклоняться воплощенному Богу, но тут вмешался дон Хуан. Он ударил меня по верхней части грудной клетки слева, возле ключицы, и я тут же потерял Бога из виду.

Я остался, охваченный мучительным чувством – некой смесью сожаления, воодушевления, уверенности и сомнений. Дон Хуан меня высмеял. Он сказал, что я набожен и легкомысленен, что из меня мог бы получиться дивный священник, а теперь к тому же и духовный лидер, у которого была возможность увидеть Бога. И он язвительно посоветовал мне взяться за проповедничество и описывать всем то, что я видел.

А потом он с небрежным видом, но как бы заинтересованно произнес, наполовину в вопросительном, наполовину в утвердительном тоне:

– А мужчина? Ты ведь не можешь забыть, что Бог – мужчина. Огромность чего-то неопределенного начала вырисовываться передо мной по мере того, как я входил в состояние огромной ясности.

– Удобно-то как, а? – с улыбкой добавил в тот раз дон Хуан. – Бог – мужского пола. Облегчение-то какое!

Теперь же, рассказав дону Хуану обо всем, что вспомнил, я задал ему вопрос по поводу одной вещи, которая поразила меня, показавшись исключительно странной. Чтобы увидеть человеческую матрицу, я должен был пройти через сдвиг точки сборки. Это очевидно. Воспоминание о том осознании и чувствах было настолько ярким, что я ощутил бессмысленность всего этого. Ведь, вспоминая сейчас, я испытывал те же самые чувства. Ничто не изменилось. Я

⁵⁰ Charisma – *рел.* божий дар; харизма, обаяние; гениальность (о художественном даре)

спросил у дона Хуана, как могло получиться, что, так полно все уяснив, я умудрился настолько основательно все позабыть. У меня складывалось впечатление, что все произошедшее не имело никакого значения, и мне каждый раз приходится начинать с одного и того же места, вне зависимости от того, насколько далеко я продвинулся в прошлом.

– Это только эмоциональное впечатление, – объяснил он. – Полное заблуждение. Все, что ты сделал несколько лет назад, прочно зафиксировано где-то в незадействованных эманациях. Например, тот день, когда я заставил тебя увидеть человеческую матрицу. Ведь я тогда и сам заблуждался. Я думал, что стоит тебе ее увидеть – и ты тут же все поймешь. С моей стороны налицо было полное непонимание.

Дон Хуан сказал, что до него всегда все доходило очень медленно. По крайней мере, так считал он сам. Но проверить этого он не мог, так как сравнивать было не с чем. Когда же появился я, и он выступил в совершенно новой для него роли учителя, он обнаружил, что ускорить процесс понимания в принципе невозможно. И одного лишь смещения точки сборки тут явно недостаточно. А он рассчитывал, что этого хватит. Вскоре, однако, он осознал, что поскольку во время сна любой человек претерпевает естественный сдвиг точки сборки, причем зачастую весьма и весьма значительный, то всякий раз, когда мы подвергаемся вынужденному сдвигу, мы все немедленно компенсируем его, будучи экспертами в этом. Мы постоянно восстанавливаем свое равновесие и продолжаем действовать так, как если бы с нами ничего не произошло.

Дон Хуан отметил, что ценность заключений, к которым пришли новые видящие, не становится очевидной до тех пор, пока человек не пытается сдвигать точку сборки кого-нибудь другого. Новые видящие утверждают, что в этом отношении имеют значение лишь усилия, направленные на укрепление её устойчивости в новой позиции. Они считают, что эта часть процесса обучения – единственное, что стоит обсуждать. И им известно, что это длительный процесс, который должен проводиться постепенно, со скоростью улитки.

Затем дон Хуан сказал, что в начале моего обучения он пользовался растениями силы, поскольку так рекомендуют поступать новые видящие. Опираясь на опыт своего видения, они знают, что растения силы далеко выбивают точку сборки с ее обычного места. В принципе воздействие растений силы на точку сборки очень похоже на воздействие сна. Но растения силы вызывают более глубокие и всепоглощающие сдвиги, чем сон. Дезориентирующее влияние такого сдвига используется затем учителем для закрепления учеником понимания того факта, что восприятие мира никогда не может быть окончательным.

Тут я вспомнил, что за все годы обучения видел человеческую матрицу еще пять раз. И с каждым последующим разом реакция моя на нее становилась все менее и менее страстной. Но справиться с тем фактом, что я вижу Бога мужского пола, мне не удавалось. В конце концов то, что я видел, перестало быть для меня Богом и стало человеческой матрицей. Но не потому, что об этом твердил дон Хуан, а потому, что Бог мужского пола стал нелепостью, не выдерживавшей критики. И тогда я понял все, что говорил по поводу человеческой матрицы дон Хуан. Он ни в малейшей степени не богохульствовал, и утверждения его не являлись святотатством; они никак не были связаны с контекстом повседневности. Дон Хуан был прав, говоря, что преимущество новых видящих состоит в их способности видеть человеческую матрицу по собственному желанию и сколь угодно часто. Но для меня гораздо большее значение имела их уравновешенность, которая позволила трезво подойти к исследованию того, что они видели.

Я поинтересовался, почему человеческая матрица в моем восприятии всегда оказывается структурой человека мужского пола. Дон Хуан объяснил это тем, что, когда я видел человеческую матрицу, моя точка сборки еще не была прочно зафиксирована на новом месте и смещалась поперек человеческой полосы. Так же, как и в случае с видением барьера восприятия в образе стены тумана. Этот поперечный сдвиг был обусловлен практически неизбежным желанием или потребностью представить непостижимое в каких-нибудь более или менее знакомых терминах: барьер — стена, матрица мужчины — непременно мужчина. Дон Хуан полагал, что,

будь я женщиной, то человеческая матрица, которую я видел, вероятнее всего, была бы структурой человека женского пола.

Затем дон Хуан встал и сказал, что пришло время вернуться и пройти по городу, поскольку человеческую матрицу я должен увидеть, находясь среди людей. В молчании мы дошли до площади, но прежде, чем мы на нее вышли, я ощутил неудержимый всплеск энергии и ринулся вдоль по улице к окраине городка. Я вышел на мост. Человеческая матрица словно специально меня там дожидалась. Я увидел ее – дивный теплый янтарный свет.

Я упал на колени, но это не было продиктовано набожностью, а явилось физической реакцией на чувство благоговения. Зрелище человеческой матрицы было в этот раз еще более удивительным, чем когда-либо прежде. Я почувствовал, как сильно изменился с того времени, когда увидел ее впервые. В этом чувстве не было ни высокомерия, ни самолюбования, просто все, что я увидел и узнал за прошедшие годы, позволило мне гораздо лучше и глубже оценить возникшее перед моими глазами чудо.

Сначала человеческая матрица была наложена на мост. Потом я изменил фокусировку и увидел, что человеческая матрица простирается вверх и вниз в бесконечность, а мост – крохотный узор, полупрозрачный набросок, нарисованный на бесконечности. Такими же были и микроскопические фигурки прохожих, с нескрываемым любопытством меня разглядывавших. Но я был недосягаем для них, хотя именно в этот миг мои открытость и уязвимость достигли максимума. Человеческая матрица была бессильна защитить меня или пощадить, но все равно я любил ее страстно, и страсть моя не знала границ.

Я подумал, что теперь понимаю слова дона Хуана, неоднократно от него слышанные: реальная привязанность не может быть капиталовложением. Я бы с радостью навек остался слугой человеческой матрицы, и не за то, что она дает мне что-то, – ведь дать она ничего не может – а просто из-за чувства, которое я к ней испытывал.

Я ощутил, как что-то потянуло меня прочь. Прежде чем исчезнуть, я закричал, что-то обещаю человеческой матрице, но закончить не успел – мощная сила подхватила меня и сдула прочь. Я стоял на коленях посреди моста, а собравшиеся вокруг крестьяне надо мной смеялись.

Подошел дон Хуан, помог мне встать и отвел домой.

– Человеческую матрицу можно видеть в двух различных образах, – начал он, как только мы сели. – В образе человека и в образе света. Все зависит от сдвига точки сборки. При поперечном сдвиге ты видишь образ человека, при сдвиге в среднем сечении человеческой полосы матрица – это свет. Сегодня ты сдвинул точку сборки в среднем сечении. Только это имеет значение.

– Позиция, в которой человек видит человеческую матрицу, очень близка к позиции появления тела сновидения и барьера восприятия. Именно по этой причине новые видящие настаивают на необходимости увидеть и понять человеческую матрицу.

– А ты уверен в том, что понял, чем в действительности является человеческая матрица? – спросил он с улыбкой.

– Уверю тебя, дон Хуан – я полностью отдаю себе отчет в том, что такое человеческая матрица, – сказал я.

– Но, подходя к мосту, я слышал, как ты кричал матрице какую-то чушь, – заметил он с язвительнейшей улыбкой.

Я сказал, что чувствовал себя бесполезным слугой, который поклоняется бесполезному господину, и все же искренняя привязанность заставила меня пообещать неумирающую любовь. Дон Хуан нашел это весьма занятным и смеялся до тех пор, пока совсем едва не задохнулся.

– Обещание бесполезного слуги бесполезному господину бесполезно, – прокомментировал он и снова захлебнулся в смехе.

Отстаивать свою позицию мне не хотелось. То, что я чувствовал по отношению к человеческой матрице, было с моей стороны даром, взамен за который я даже не думал что-либо получить. И бесполезность данного обещания не имела ровным счетом никакого значения.

Глава 17. Путешествие тела сновидения

Дон Хуан сказал, что мы с ним едем в Оахаку в последний раз. С предельной ясностью он дал мне понять, что после этого мы уже никогда не встретимся с ним там.

– Может быть, чувства мои еще вернуться в эти места, но сам я, полностью – никогда, – сказал он.

Несколько часов мы с доном Хуаном бродили по городу, он разглядывал такие обыденные и тривиальные вещи, как блеклость стен, далекие очертания гор, узор трещин на асфальте, лица прохожих. Потом мы вышли на площадь и сели на его любимую скамейку. На ней никто не сидел, впрочем, как и всегда, когда дон Хуан этого хотел.

Во время этой длительной прогулки по городу я изо всех сил старался напустить на себя настроение печали и тоски, но у меня ничего не вышло. В предстоящем уходе дон Хуана было что-то праздничное. Он объяснил это неукротимой энергией абсолютной свободы.

– Свобода подобна заразной болезни, – сказал дон Хуан, – а носитель ее – безупречный нагуаль. Люди могут этого не оценить – ведь они не желают освобождения. Свобода страшит. Запомни это. Но не нас. Почти всю жизнь я готовился к этому моменту. То же будет и с тобой.

И он несколько раз повторил, что на той ступени, которой я достиг, никакие рациональные предположения не должны вмешиваться в мои действия. Он сказал, что тело сновидения и барьер восприятия суть позиции точки сборки. Знание этого имеет примерно такое же жизненно важное значение для видящих, какое для современного человека имеет умение читать и писать. И то, и другое достигаются многолетней практикой.

– Очень важно для тебя прямо сейчас вспомнить тот раз, когда твоя точка сборки достигла определенной позиции, и она создала

тело сновидения, – сказал дон Хуан как-то по-особенному действительно.

Потом он улыбнулся и объяснил, что времени осталось очень и очень мало. Вспоминание основного путешествия моего тела сновидения поместит мою точку сборки в позицию разрушения барьера восприятия для того, чтобы собрать другой мир.

– Тело сновидения называют по-разному, – продолжил дон Хуан после длительной паузы. – Лично мне больше всего нравится название «другой». Этот термин принадлежит древним видящим, как и их настрой. Их настрой меня не трогает, а вот что касается термина – тут я вынужден признать – он мне нравится. Другой. Что-то таинственное и запретное. Как и от самих древних видящих, от него веет тьмой и тенями. Толтеки говорили, что другой всегда приходит, окутанный ветром.

В течение всех лет обучения дон Хуан и видящие его партии пытались заставить меня осознать, что человек может одновременно находиться в двух разных местах, что мы можем испытывать нечто вроде раздвоения восприятия.

По мере того как дон Хуан говорил, я начал припоминать нечто столь основательно забытое, что сначала возникло впечатление, будто я только лишь слышал об этом. Постепенно, шаг за шагом я осознал, что вспоминаю свой собственный опыт.

Я находился в двух местах одновременно. Это произошло однажды ночью в горах Северной Мексики. Весь день мы с доном Хуаном собирали растения. Когда мы остановились на ночлег, я буквально валился с ног от усталости, как вдруг с порывом ветра из темноты прямо передо мной возник дон Хенаро, чуть до смерти меня не перепугав.

Сначала у меня возникло подозрение. Я решил, что дон Хенаро все время прятался в кустах, ожидая пока стемнеет, чтобы столь пугающим образом появиться из ниоткуда. Но, глядя на то, как он скачет вокруг, я заметил, что этой ночью он какой-то уж очень странный. Было в нем что-то не то, что-то вполне осязаемое и реальное, но в то же время такое, чего я никак не мог ухватить.

Он шутил и плясал вокруг, производя действия, которые мой рассудок отказывался принимать. Дон Хуан хохотал, как идиот, по поводу моего крайнего замешательства. В подходящий с его точки зрения момент, он сдвинул уровень моего осознания и в течение некоторого времени я видел дона Хуана и дона Хенаро как сгустки света. Хенаро не был тем доном Хенаро из плоти и крови, с которым я общался, находясь в состоянии нормального осознания. Передо мной было его тело сновидения. Я знал это наверняка, так как видел его как светящийся шар, парящий в пространстве. Он не касался земли, как дон Хуан, а как бы готовился к полету, зависнув в воздухе на высоте полуметра от земли. Создавалось впечатление, что он вот-вот умчится прочь.

Вспоминая это событие, я осознал, что той ночью сделал кое-что еще: внезапно у меня возникло знание, что для того, чтобы добиться сдвига точки сборки, мне следует вращать глазами. Своим намерением я мог настроить эманации, позволяющие видеть Хенаро как сгусток света, а мог настроить другие и видеть его как нечто потустороннее, неизвестное, странное.

Глаза странного Хенаро зловеще светились, подобно глазам зверя, рыщущего во тьме. Но они все же оставались при этом глазами. Я не видел их как точки янтарного света.

В ту ночь дон Хуан сказал, что Хенаро собирается помочь моей точке сборки сдвинуться очень глубоко, поэтому мне следует имитировать его движения и вообще повторять все, что он делает. Хенаро отставил зад, а потом с силой двинул тазом вперед. Жест, по моему мнению, получился весьма непристойный. Словно танцуя, Хенаро повторял его снова и снова.

Дон Хуан подтолкнул меня, побуждая следовать примеру Хенаро. Я подчинился, и вот уже мы вдвоем носились вокруг, выполняя этот гротескный жест. Через некоторое время у меня возникло ощущение, что тело мое выполняет его самостоятельно, без участия того, что кажется мне моим истинным «я». Постепенно разделение между моим телом и моим истинным «я» становилось все более и более ярко выраженным. В конце концов, я обнаружил, что

смотрю со стороны на дурацкую сцену, в которой два мужика делают друг перед другом похотливые жесты.

Я увлеченно наблюдал за происходящим и вдруг понял, что один из тех двоих – я. И тут же что-то потянуло меня, и я вновь оказался тем самым собой, который синхронно с Хенаро двигал тазом взад-вперед. Почти сразу же я заметил, что еще один человек стоит рядом с доном Хуаном и за нами наблюдает. Его обдувал ветер, я видел, как шевелятся волосы на его голове. Он был обнажен и казался смущенным. Ветер скапливался вокруг него, словно защищая или наоборот, пытаясь унести его прочь.

То, что этот другой человек – тоже я, дошло до меня не сразу. Когда же это, наконец, произошло, я испытал самый сильный в своей жизни шок. Неуловимая физическая сила разделила меня, словно я состоял из волокон. Я снова смотрел на себя. Тот я, на которого я смотрел, скакал вместе с Хенаро и бросал изумленные взгляды на того я, который наблюдал. И в то же время я смотрел на голого человека, который был мной и в изумлении разглядывал меня, занятого выполнением непристойных движений синхронно с Хенаро. Мой шок был настолько силен, что я сбился с ритма движений и упал.

Следующим, что я помнил, было то, как дон Хуан помог мне подняться. Хенаро и другой я – голый исчезли.

Я помнил также, что в ту ночь дон Хуан отказался обсуждать происшедшее. Он не объяснил ничего, только сказал что Хенаро – большой мастер по части формирования своего дубля или другого, и что в состоянии нормального осознания я много раз подолгу имел дело с дублем Хенаро, ничего при этом не замечая.

После того, как я рассказал дону Хуану обо всем, что вспомнил, он сказал:

– В ту ночь, как и сотни раз до того, Хенаро сдвинул твою точку сборки очень глубоко влево. Сделал он это с такой силой, что перетянул твою точку сборки в положение, где появляется тело сновидения. И ты увидел собственное тело сновидения, которое за

тобой наблюдало. Всего этого Хенаро добился с помощью своего танца.

Я попросил объяснить, каким образом непристойное движение Хенаро могло произвести столь поразительный эффект.

– Ты стеснителен, – последовал ответ. – Хенаро воспользовался твоими отвращением и смущением, немедленно возникшими, как только тебя заставили делать непристойные жесты. Хенаро находился в своем теле сновидения и поэтому обладал силой видеть эманации Орла. Пользуясь этим преимуществом, он с легкостью заставил твою точку сборки сдвинуться.

– Но то, что Хенаро заставил тебя сделать в ту ночь – ерунда. Он сдвигал твою точку сборки, заставляя ее формировать тело сновидения множество раз, однако я хочу, чтобы ты вспомнил не это.

– Мне нужно, чтобы ты настроил соответствующие эманации и вспомнил тот раз, когда ты действительно проснулся в позиции сновидения.

Словно что-то взорвалось внутри меня – таким мощным был прилив энергии, который я ощутил, едва лишь он произнес последние слова. Я знал, что он имел в виду, я почти вспомнил. Правда, восстановить в памяти все событие целиком мне не удавалось. Я отчетливо помнил только его фрагмент.

Как-то утром мы с доном Хуаном и доном Хенаро сидели на этой же самой скамейке. Я находился в нормальном состоянии осознания. Вдруг дон Хенаро совершенно неожиданно заявил, что собирается сделать так, что его тело покинет эту скамейку, не отрываясь от нее. Заявление это совершенно не касалось темы, которую мы в тот момент обсуждали. Я привык к упорядоченным объяснениям и действиям дона Хуана и потому повернулся к нему в ожидании подсказки. Но дон Хуан невозмутимо смотрел прямо перед собой, словно ни меня, ни дон Хенаро не существовало вообще.

Дон Хенаро подтолкнул меня, привлекая внимание, и сразу вслед за этим я увидел нечто, потрясшее меня до глубины души: на

другой стороне площади стоял Хенаро. Я действительно видел его там. Он манил меня к себе. Но я также видел дона Хенаро, который сидел рядом на скамейке и смотрел прямо перед собой, так же, как дон Хуан.

Я хотел что-то сказать по поводу своего полнейшего недоумения, однако обнаружилось, что я онемел. Некая сила сковала меня и не позволяла говорить. Я снова взглянул на Хенаро, стоявшего на той стороне площади. Он по-прежнему находился там и призывно мне кивнул.

Мое эмоциональное напряжение за секунду выросло до предела. Живот расстроился, и зрение стало тоннельным: я смотрел сквозь тоннель, который вел прямо к Хенаро на ту сторону площади. А затем огромное любопытство, а может быть огромный страх – в тот момент они казались одним и тем же чувством – потянул меня туда, где он стоял. Пролетев по воздуху, я оказался рядом с ним. Хенаро заставил меня обернуться и указал на троих, сидевших на скамейке в неподвижных позах, словно время для них остановилось.

Я ощутил ужасающее неудобство, внутренний зуд, словно все мои органы горели в огне, и снова оказался на скамейке. Однако Хенаро там не было. Он помахал мне на прощание с другой стороны площади и скрылся в толпе людей, спешивших на базар.

Дон Хуан очень оживился. Он неотрывно смотрел на меня. Он встал и начал ходить вокруг меня. Потом он снова сел и заговорил со мной, но сохранять при этом невозмутимость ему не удавалось.

Я понял, в чем дело. Я вошел в состояние повышенного осознания без помощи дона Хуана. Хенаро удалось заставить мою точку сборки сдвинуться самостоятельно.

Я невольно рассмеялся, увидев, с какой торжественностью дон Хуан засунул мой блокнот к себе в карман. Он сказал, что намерен воспользоваться моим состоянием повышенного осознания для того, чтобы продемонстрировать мне, что нет конца тайне, имя которой – человек, равно как и тайне, имя которой – мир.

Я полностью сосредоточился на его словах. Однако дон Хуан сказал нечто совершенно мне непонятное. Я попросил повторить. Он заговорил очень тихо. Я решил, что он понизил голос, чтобы не быть услышанным посторонними. Я внимательно вслушивался в его слова, но все равно не мог понять ни одного из них. Либо он говорил на каком-то непонятном мне языке, либо просто нес околесицу. Однако странным во всем этом было то, что нечто полностью приковало к себе мое внимание – то ли ритм его голоса, то ли мои отчаянные попытки понять. Я чувствовал, что ум мой не такой как обычно, хотя в чем именно заключается различие, вычислить не мог. Я напряженно думал, пытаюсь сообразить, что происходит.

Дон Хуан очень тихо говорил мне на ухо:

– Ты вошел в состояние повышенного осознания сам, без моей помощи. Это означает, что твоя точка сборки очень подвижна и податлива. И ты можешь заставить ее уйти еще глубже влево. Для этого ты должен расслабиться и впасть в полудремотное состояние прямо здесь, на этой скамейке. Тебе нечего бояться, потому что я рядом. Расслабься, отпусти точку сборки, пусть она смещается.

Я мгновенно ощутил тяжесть глубокого сна. В какой-то момент я осознал, что вижу сон. В нем был дом, который я уже когда-то видел. Я приближался к нему, словно идя вдоль по улице. Там были и другие дома, но обратить на них внимание я не мог. Мое осознание было зафиксировано чем-то только на том доме, который я видел. Это был большой оштукатуренный современный дом с лужайкой перед ним.

Когда я приблизился к дому, у меня возникло ощущение, что он хорошо мне знаком, потому что я видел его в снах не один раз. Посыпанная гравием дорожка вела к парадной двери. Дверь оказалась открытой, и я вошел. Я попал в темный холл. Справа была большая жилая комната с темно-красным диваном и креслами в углу.

Зрение мое явно имело тоннельный характер, и я мог видеть только то, что находилось прямо перед моими глазами. Возле дивана стояла молодая женщина, похоже было, что она встала при

моем появлении. Стройная и высокая, она была одета в отлично сшитый шикарный зеленый костюм. На вид ей было где-то под тридцать. У нее были каштановые волосы, горящие карие глаза, в которых, казалось, светилась улыбка, и прямой точеный нос изумительной формы. Кожа у нее была белая, но покрытая великолепным темным загаром. Красота этой женщины поразила меня. Похоже было, что она американка. Она кивнула мне с улыбкой и протянула руки ладонями вниз, как бы для того, чтобы помочь мне подняться.

Исключительно неуклюжим движением я ухватился за ее руки. Я испугался и хотел отпрянуть, но она держала меня – крепко, но в то же время так нежно. Она заговорила со мной по-испански с легким акцентом. Она просила меня расслабиться, чувствовать её руки, сосредоточить внимание на ее лице и следить за движениями ее губ. Я хотел спросить ее, кто она, но не мог выговорить ни слова.

Затем в ушах моих зазвучал голос дон Хуана. Он сказал:

– Ага, вот ты где, – как будто он только что меня отыскал.

Я сидел рядом с ним на парковой скамейке. Но я также слышал и голос молодой женщины. Она сказала:

– Иди сюда, посиди со мной.

Я выполнил ее просьбу, и началось совершенно невероятное смещение точек зрения. Я по очереди находился то рядом с доном Хуаном, то рядом с нею. И его, и ее я видел совершенно отчетливо, совсем как наяву.

Дон Хуан спросил, нравится ли она мне, нахожу ли я ее привлекательной, и успокаивает ли меня ее присутствие. Я не мог говорить, но каким-то образом мне удалось передать ему свои ощущения. Она нравилась мне бесконечно. Без какой-либо очевидной связи или причины я подумал, что она, должно быть, – образец доброты и ее участие в том, что дон Хуан проделывает со мной, совершенно необходимо.

Дон Хуан снова заговорил. Он сказал, что, если она действительно так мне нравится, то я должен проснуться в ее доме. Меня приведет туда чувство тепла и привязанности к ней. Я ощутил прилив веселья и безрассудства. Всепоглощающее возбуждение заструилось сквозь мое тело. Оно словно дезинтегрировало меня, но мне было все равно. И я радостно ринулся в черноту – черноту чернее черного, неопишущую словами – а затем обнаружил, что сижу на диване рядом с молодой женщиной в ее доме.

Когда первый приступ животной паники прошел, я почувствовал, что в каком-то смысле не являюсь полным. Чего-то во мне не хватало. Но угрозы я не чувствовал. В уме промелькнула мысль о том, что я сновидю и вскоре должен проснуться на парковой скамейке в Оахаке рядом с доном Хуаном, на том месте, которому я на самом деле принадлежу, где я на самом деле нахожусь.

Молодая женщина помогла мне подняться и отвела в ванную комнату. Ванна была наполнена водой. Тут я обнаружил, что на мне нет одежды – я был совершенно гол. Она осторожно помогла мне забраться в ванну и стояла рядом, поддерживая голову, пока я там плавал.

Через некоторое время она помогла мне выбраться из ванны. Я был слаб и чувствовал себя разбитым. Я лег на диван в жилой комнате. Женщина подошла ко мне. Она была совсем близко, мне было слышно, как бьется ее сердце, как кровь течет в ее теле. Глаза ее излучали нечто, бывшее не светом и не теплом, но чем-то странно промежуточным, сочетающим в себе свойства того и другого. Я знал, что вижу жизненную силу, исходящую из ее тела сквозь глаза. Все ее тело было как топка – оно светилося.

Все мое существо пронзила странная дрожь, словно нервы мои были обнажены, и кто-то дергал за них. Ощущение было подобно агонии. Потом я то ли упал в обморок, то ли уснул.

Проснулся я оттого, что кто-то прикладывал смоченное водой полотенце к моему лицу, затылку и шее. Я лежал на кровати. Молодая женщина сидела в изголовье, рядом стоял столик, на нем –

миска с водой. В ногах кровати стоял дон Хуан с моей одеждой, перекинутой через руку.

Я полностью проснулся и сел. Я был накрыт одеялом.

– Ну что, путешественник? – с улыбкой спросил дон Хуан. – Теперь ты уже собрался воедино?

Это было все, что я помнил. Рассказывая этот эпизод дону Хуану, я вспомнил еще один фрагмент. Дон Хуан смеялся надо мной и дразнил по поводу того, что обнаружил меня голым в постели той женщины. Меня это тогда жутко разозлило. Я оделся и в ярости ринулся прочь из дома.

Дон Хуан догнал меня на лужайке перед домом. Совершенно серьезно он заявил, что я снова стал отвратительно тупым самым собой, что своим смущением я собрал себя воедино, и это говорит ему, что моей самозначительности по-прежнему нет предела. Однако вслед за этим он примирительным тоном добавил, что сейчас все это не имеет значения, поскольку мне удалось главное – сдвинуть точку сборки очень глубоко влево и перенестись благодаря этому на огромное расстояние.

Он продолжал говорить о чудесах и тайнах, но мне было не до него – я попал под перекрестный огонь испуга и самозначительности. Я почти дымился. Ведь я был уверен, что дон Хуан загипнотизировал меня там, на скамейке, а затем переправил в дом этой женщины, и что вдвоем они проделали со мной что-то ужасное.

И тут мою ярость как отрезало. На улице было нечто ужасающее, нечто повергшее меня в состояние сильнейшего шока. Гнев мой мгновенно испарился. Но прежде, чем я успел разобраться в своих мыслях, дон Хуан ударил меня по спине, и от всего, что произошло, не осталось и следа. Я оказался в состоянии своей обычной блаженной повседневной глупости. Я радостно внимал дону Хуану, беспокоясь о том, нравлюсь я ему или нет.

О втором фрагменте я тоже рассказал дону Хуану. И, рассказывая, понял, что он не только сдвигал меня в состояние

повышенного осознания, но иногда и возвращал в нормальное состояние. Это позволяло ему управлять моим эмоциональным возбуждением.

– Забвение – вот единственное, что способно успокоить того, кто путешествует в неизвестном, – прокомментировал он. – Какое это облегчение – снова оказаться в обычном мире!

– В тот день ты совершил чудесный подвиг. Я мог тогда принять единственно трезвое решение: вообще не дать тебе на этом сосредоточиться. И, как только ты по-настоящему запаниковал, я сдвинул тебя в нормальное состояние осознания. Я сдвинул твою точку сборки туда, где нет сомнений. Для воина существует две позиции точки сборки, в которых нет сомнений. В одной из них сомнений нет потому, что ты знаешь все. В другой – позиции нормального осознания – сомнений нет потому, что ты не знаешь ничего.

– Тогда тебе еще слишком рано было знать о том, что случилось на самом деле. Но сейчас, я думаю, время пришло. Глядя на ту улицу, ты почти догадался, где находилась твоя позиция сновидения. В тот день ты преодолел огромное расстояние.

Дон Хуан разглядывал меня. В глазах его я видел некую смесь ликования и печали. Я изо всех сил старался не утратить контроль над странным возбуждением, неожиданно меня охватившим. Я ощущал, что нечто невероятно важное для меня затеряно где-то в моей памяти или, как сформулировал бы дон Хуан, в некоторых незадействованных эманациях, которые однажды подверглись настройке.

Моя борьба за сохранение спокойствия оказалась ошибкой. Колени мои неожиданно задрожали, вдоль середины тела пробежал нервный спазм. Я что-то бубнил, будучи не в состоянии выдать из себя вопрос. И только после того, как я с трудом сглотнул ком и несколько раз глубоко вздохнул, мне удалось восстановить спокойствие.

– Когда мы сегодня с тобой пришли сюда и сели на эту скамейку, я сказал, что рациональные предположения не должны

вмешиваться в действия видящего, – жестко продолжил дон Хуан. – Я знал, что для того, чтобы востребовать то, что ты совершил, ты должен обойтись без своей рациональности, но ты должен сделать это на том уровне осознания, на котором находишься сейчас.

Он объяснил, что рациональность мышления – не более чем состояние настройки, всего лишь результат позиции точки сборки. И подчеркнул, что я должен понять это, находясь в состоянии наибольшей уязвимости – в том, в котором я находился сейчас. Понимание этого тогда, когда моя точка сборки достигла места, где нет сомнений, бессмысленно, потому что подобного рода понимания там совершенно естественны. Настолько же бесполезно понимание этого и в состоянии нормального осознания, ибо там оно является лишь эмоциональными выбросами и сохраняется до тех пор, пока сохраняется эмоция.

– Я сказал, что в тот день ты преодолел огромное расстояние, – очень спокойно произнес он. – Я говорю так, потому что знаю наверняка. Ведь я там был, помнишь? Я весь вспотел от нервозности и беспокойства.

– Ты преодолел это расстояние потому, что проснулся в удаленной позиции сновидения, – продолжал он. – Перетянув тебя через площадь с этой самой скамейки, Хенаро проложил путь, по которому твоя точка сборки смогла сдвинуться из позиции нормального осознания в позицию, где появляется тело сновидения. Твое тело сновидения действительно перелетело огромное расстояние в мгновение ока. Но важно не это. Собственно тайна заключена в самой позиции сновидения. Ее сила достаточна для того, чтобы перетянуть всего тебя из одного места в другое, в самые разные концы этого мира или за его пределы. Древние видящие широко этим пользовались. Они исчезали из этого мира, потому что просыпались в позиции сновидения за пределами известного. Твоя позиция сновидения в тот день была в этом мире, однако далеко отсюда, от Оахаки.

– Но каким образом происходит такое путешествие? – спросил я.

– Это узнать невозможно, – ответил он. – Сильная эмоция, несгибаемое намерение или чрезвычайный интерес исполняют роль проводника, затем точка сборки прочно фиксируется в позиции сновидения и пребывает там достаточно долго для того, чтобы перетянуть туда все эманации, имеющиеся внутри кокона.

Дон Хуан сказал, что за все годы нашего с ним сотрудничества заставлял меня видеть неисчислимое множество раз, как из нормального состояния осознания, так и из состояния повышенного осознания. Я видел превеликое множество самых разных вещей, которые теперь начинают складываться для меня в более или менее связную картину. Связь эта не логическая и не рациональная, но, тем не менее, она довольно странным образом проясняет все, что проделал я, всё, что было проделано со мной и всё, что я видел за годы, проведенные с доном Хуаном. И теперь мне осталось уяснить себе лишь одно. Я должен прийти к вплетенному в общую картину, но совершенно иррациональному осознанию следующего факта: все, что мы научились воспринимать, неразрывно связано с позицией, в которой находится точка сборки. Если точка сборки сдвигается из этой позиции, мир перестает быть тем, чем он для нас является.

Дон Хуан заявил, что если точка сборки смещается за среднюю линию кокона, весь известный нам мир в одно мгновение исчезает из виду, словно его стерли – ибо устойчивость и материальность, столь свойственные ему в нашем восприятии, суть не более чем сила настройки. Определенные эманации, привычно настроенные жесткой фиксацией точки сборки в некоем определенном месте – это все, что имеет отношение к нашему миру.

– Прочность⁵¹ этого мира не есть мираж, – продолжал он. – Мираж есть фиксация точки сборки в определенном месте. Сдвигая точку сборки, видящий встречается не с иллюзией, но с другим миром. И этот другой мир столь же реален, сколь реален тот, который мы созерцаем сейчас. Однако новая фиксация точки сборки, породившая этот новый мир, – такая же иллюзия, как и прежняя ее фиксация.

⁵¹ Soundness – крепость, прочность; здравость, логичность

– Возьмем, к примеру, тебя. Сейчас ты находишься в состоянии повышенного осознания. И все, что ты способен в этом состоянии сделать – отнюдь не иллюзия, но вещи, такие же реальные, как мир, с которым ты встретишься завтра в своей обычной жизни. Однако мир, который ты видишь перед собой сейчас, завтра существовать не будет. Он существует лишь тогда, когда твоя точка сборки сдвигается в то определенное место, где ты находишься сейчас.

– Задача, с которой встречается воин после того, как его тренировка окончена суть интеграция. Воинов, особенно мужчин-нагуалей, в процессе тренировки заставляют сдвигать точку сборки в максимально возможное количество позиций. В твоем случае это количество огромно, их не счесть. И все их тебе придется когда-нибудь интегрировать в единое связное целое.

– Например, сдвинув точку сборки в некоторое особое положение, ты вспомнишь, кем была та женщина, – добавил он со странной улыбкой. – Твоя точка сборки бывала в той позиции сотни раз. И включить ее в целостную картину тебе будет проще простого.

И тут я начал припоминать, словно моя память зависела от того, что он предложит мне вспомнить. Смутные образы, неясные ощущения: чувство безграничной привязанности, которое, казалось, притягивало меня, дивная сладость, разлитая в воздухе, словно кто-то подошел сзади и брызнул на меня духами... Я даже оглянулся. А потом вспомнил. Это была Кэрл – женщина-нагуаль! Ведь я только позавчера с ней встречался. Как я мог о ней забыть?

Следующие мгновения невозможно было описать – мне показалось, что вихрь чувств всего моего психологического репертуара пронесся в моем уме. Я спрашивал себя: «Разве возможно, чтобы я тогда проснулся в ее доме в Туксоне, штат Аризона – за две тысячи миль от Оахаки?» И неужели моменты повышенного осознания настолько изолированы друг от друга, что человек не может помнить их? Дон Хуан подошел ко мне и положил руку мне на плечо. Он сказал, что ему в точности известны мои чувства. Его бенефактор заставил его пройти через точно такой же опыт. И так же, как он сейчас пытается успокоить меня, его бенефактор пытался успокоить его самого – словами. Он отдал тогда

должное попытке своего бенефактора, но сомневался — и сомневается до сих пор — в том, что возможно успокоить того, кто осознал путешествие тела сновидения.

Теперь я больше не сомневался. Что-то во мне действительно преодолело расстояние между мексиканским городом Оахакой и американским Туксоном в штате Аризона. Я ощутил странное облегчение, словно сбросил, наконец, с себя груз некой вины.

За годы, проведенные с доном Хуаном, в памяти моей накопилось изрядное количество разрывов. Один из них был связан с нашим пребыванием в Туксоне в тот день. Я помню, что никак не мог вспомнить, когда и как попал в Туксон. Однако я не обратил на это внимания. Я решил, что этот пробел является результатом моей работы с доном Хуаном. Он всегда очень осторожно обращался с моими рациональными подозрениями и старался не провоцировать их, когда я находился в состояниях нормального осознания. Там же, где они были неизбежны, он коротко объяснял неувязки природой того, что мы делаем, и свойством этого рода практики нарушать память.

Я сказал дону Хуану, что в тот день оба мы оказались в одном и том же месте, и спросил, означает ли это, что два или несколько человек могут проснуться в одной и той же позиции сновидения.

— Ну конечно, — сказал он. — Именно таким образом древние толтекские маги пачками отправлялись в неизвестное. Они следовали один за другим. Узнать, как один следует за другим, нет никакой возможности. Это просто происходит. Это делает тело сновидения. Его подталкивает к этому присутствие другого сновидящего. В тот день ты потянул меня за собой. И я последовал, потому что хотел быть с тобой рядом.

У меня было к нему столько вопросов, но все они казались излишними.

— Как получилось, что я не мог вспомнить женщину-нагуаля? — пробормотал я, и ужасная тревога и тоска охватили меня. Я пытался больше не чувствовать печали, но она вдруг пронзила меня, словно боль.

– А ты и не помнишь ее, – сказал он. – Ты вспоминаешь о ней только тогда, когда смещается твоя точка сборки. Она для тебя – как фантом. И ты для нее – тоже. Только один раз ты встречался с ней, находясь в нормальном состоянии осознания. А она в своем нормальном состоянии вообще ни разу тебя не видела. Ты для нее – такой же образ, как она – для тебя. С той лишь разницей, что ты можешь однажды проснуться и все интегрировать. У тебя может хватить для этого времени, у нее же его нет совсем. На пребывание здесь ей отведено совсем мало времени.

Мне захотелось восстать против столь чудовищной несправедливости. В уме я подготовил целый поток возражений, но так ничего и не сказал. Дон Хуан лучезарно улыбался. В глазах его светилось веселье и озорство. Я почувствовал – он ждет моих слов и знает, что я собираюсь сказать. И это ощущение меня остановило. Вернее, я ничего не сказал, потому что моя точка сборки опять сместилась сама собой. И я знал, что не стоит жалеть женщину-нагуаля из-за того, что у нее нет времени, как и мне не стоит радоваться тому, что у меня оно есть.

Дон Хуан видел меня насквозь. Он потребовал, чтобы я закончил разбираться со своим пониманием и сформулировал причину, по которой не стоит ни чувствовать жалость, ни радоваться. На миг я ощутил, что знаю, но потом утратил нить.

– Возбуждение, которое ты испытываешь оттого, что время есть, равно возбуждению, которое испытываешь оттого, что его нет, – сказал он. – Все это равнозначно.

– Чувствовать печаль не тоже самое, что чувствовать сожаление, – сказал я. – А я чувствую ужасную печаль.

– Кому какое дело до печали? – сказал он. – Думай о тайнах. Тайна – это всё, что имеет значение. Мы – живые существа; нам суждено умереть и сдать⁵² свое осознание. Но если нам удастся хоть чуть-чуть все это изменить, то какие тайны должно быть нас ожидают! Какие тайны!

⁵² To relinquish – сдавать, оставлять; отказываться (от права); уступать, передавать (кому-либо)

Глава 18

Разрушение барьера восприятия

Вечером, по-прежнему в Оахаке, мы с доном Хуаном неспешно прогуливались по площади. Подходя к его любимой скамейке, мы увидели, как люди, на ней сидевшие, поднялись и ушли. Мы поспешили к ней, чтобы успеть занять освободившееся место.

– Ну что ж, – произнес дон Хуан, когда мы сели, – вот мы и подошли к концу моего объяснения осознания. Сегодня ты самостоятельно соберешь другой мир, и навсегда отметишь все сомнения.

– Ты должен безошибочно отдавать себе отчет в том, что тебе предстоит сделать. Сегодня, используя преимущество состояния повышенного осознания, ты должен заставить свою точку сборки перемещаться, и в одно мгновение тыстроишь эманации другого мира.

– А через несколько дней все мы – ты, Хенаро и я – встретимся на вершине горы. И ты должен будешь сделать то же самое, однако там у тебя не будет никаких преимуществ, ибо на вершине ты будешь находиться в нормальном состоянии осознания. И сделать это тебе необходимо будет в мгновение ока. Если ты не сделаешь этого, то умрешь смертью обычного человека, который сорвался с обрыва.

Он намекал на последнее действие, которое он должен был заставить меня выполнить в своем обучении для правой стороны: прыжок с вершины в пропасть.

Дон Хуан заявил, что тренировка воинов заканчивается, когда им удастся без посторонней помощи разрушить барьер восприятия, начав из состояния нормального осознания. Нагуаль подводит воинов к этому порогу, но успех зависит от самого человека. Нагуаль просто испытывает их, постоянно подталкивая к тому, чтобы самим за себя постоять.

– Единственная сила, которая способна временно устранить настройку – это настройка, – продолжал он. – Тебе нужно будет устранить настройку, которая удерживает твоё восприятие повседневного мира. Намереваясь новой позиции своей точки сборки и намереваясь удержать ее фиксированной в ней достаточно долго, ты соберешь другой мир и ускользнешь из этого.

– Древние видящие и по сей день избегают смерти именно таким образом – намереваясь того, чтобы их точки сборки оставались фиксированными в позициях, которые помещают их в любой из семи миров.

– Что произойдет, если мне удастся настроить другой мир? – спросил я.

– Ты отправишься туда, – был ответ. – Как отправился туда Хенаро с этого самого места в тот вечер, когда он показывал тебе тайну настройки. Помнишь?

– Но где я буду, дон Хуан? – спросил я.

– В другом мире разумеется. Где же еще?

– А окружающие люди, и дома, и горы, и все остальное?

– От всего этого тебя будет отделять тот самый барьер, который ты разрушишь – барьер восприятия. И точно так же, как тех видящих, которые захоронили себя, чтобы не повиноваться смерти, тебя не будет в этом мире.

Услышав это утверждение, я ощутил, как внутри меня разворачивается настоящее сражение. Какая-то часть меня протестовала и кричала, что позиция дон Хуана не выдерживает никакой критики, другая же часть знала, что он, безусловно, прав.

Я спросил, что произойдет, если я сдвину свою точку сборки в Лос-Анджелесе – прямо на улице, среди людей и транспорта.

– Лос-Анджелес растает, как дым, – очень серьезно ответил он. – Но ты останешься.

– В этом и заключается тайна, которую я пытался тебе объяснить. Ты не раз испытывал это на себе, однако так и не понял. А сегодня – поймешь.

Он сказал, что пока еще я не сумею воспользоваться для сдвига в другую большую полосу эманаций толчком Земли. Пусковым моментом станет настоящая потребность в осуществлении сдвига.

Дон Хуан взглянул на небо. Он вытянул вверх руки, словно слишком долго просидел неподвижно и теперь хотел сбросить физическую закрепощенность. Потом он приказал мне остановить внутренний диалог и погрузиться в безмолвие. Затем он встал и пошел прочь с площади, знаком велел мне следовать за ним. Мы вышли на пустынную боковую улицу. Я узнал ее – это была та самая улица, на которой Хенаро демонстрировал мне настройку. Едва я это вспомнил, как тут же обнаружил, что шагаю рядом с доном Хуаном по пустынной равнине с желтыми дюнами из чего-то похожего не серу. Место это к тому времени уже было мне хорошо знакомо.

Я вспомнил, что дон Хуан заставлял меня воспринимать этот мир много-много раз. И еще я вспомнил, что за пустынными дюнами есть еще один мир, сияющий дивным, ровным, чистым, белым светом.

Когда в этот раз мы с доном Хуаном вошли в тот мир, я ощутил, что свет, исходивший отовсюду, не прибавляет сил, но успокаивает настолько, что производит впечатление священного. Священный свет омывал меня, и тут вполне рациональная мысль пришла мне в голову. Я подумал, что мистики и святые, должно быть, совершали это путешествие точки сборки. В человеческой матрице они видели Бога, в серных дюнах – ад, а в дивном прозрачно-белом свете они видели райское сияние небес.

Рациональная мысль немедленно сгорела под натиском того, что я воспринимал. Мое осознание было привлечено огромным количеством фигур мужчин, женщин, детей всех возрастов и других непостижимых образов, сияющих ослепительно белым светом.

Я увидел дона Хуана. Он шагнул рядом. Он смотрел не на явившиеся нам образы, а на меня. В следующее мгновение я увидел его, как шар светимости, качавшийся вверх-вниз в нескольких футах от меня. Неожиданно шар резко приблизился, и я увидел то, что было внутри.

Специально для меня дон Хуан принялся манипулировать своим свечением осознания. Это свечение неожиданно осветило четыре или пять нитеподобных волокон на его левой стороне и там зафиксировались. Мое внимание было полностью сосредоточено на этих ярких волокнах. Что-то медленно втянуло меня словно сквозь трубу, и я увидел союзников – три темные, длинные, прямые фигуры, дрожащие подобно листьям на ветру. Я видел их на почти светящемся розовом фоне. В мгновение, когда я сфокусировал на них свой взгляд, они приблизились ко мне. Они не скользили и не летели, но подтягивались на каких-то волокнах белизны, исходящих из меня. Эта белизна не была ни светом, ни свечением; она походила на толстые линии, нарисованные меловым порошком. Они рассеялись быстро, но не достаточно: прежде, чем это произошло, союзники уже на меня надели

Они теснили меня со всех сторон. Я почувствовал раздражение. Союзники немедленно, словно по внушению, от меня отодвинулись. Мне стало их жаль, и мои чувства тут же притянули их назад. Они придвинулись совсем близко и стали об меня тереться. И я увидел то, что уже видел в зеркале, погруженном в ручей. Союзники не обладали внутренней светимостью. В них не было внутренней подвижности. В них не было жизни. Но, тем не менее, было очевидно, что они живые. Странные гротескные фигуры, напоминавшие застегнутые на «молнию» спальные мешки. Посередине каждого из них проходила тонкая линия, похожая на шов.

Они не были мне приятны. Я ощущал их полную чужеродность. Это порождало чувство неудобства, какое-то нетерпение. Я видел, что союзники движутся, словно подпрыгивая вверх-вниз, и внутри них что-то еле-еле светится. Интенсивность этого свечения росла, пока, наконец, по крайней мере, у одного из них свечение не стало достаточно ярким.

В то мгновение, когда я это увидел, я обнаружил, что нахожусь в черном мире. Он не был темен как ночь, скорее просто все, что меня окружало, было черным, как смоль. Я взглянул на небо, но нигде не было видно света. Небо тоже было черным и буквально сплошь усеянным линиями и неправильными кольцами черноты разной плотности. Оно было похоже на черную древесину с рельефно выделенной фактурой.

Я посмотрел вниз, на землю. Она была пушистой. Казалось, она образована хлопьями агар-агара. Они не были матовыми, но и не блестели. Это было нечто среднее. Такого я никогда в жизни не видел: черный агар-агар.

Затем я услышал голос видения. Он сказал, что моя точка сборки собрала целостный мир в другой большой полосе эманаций – черный мир.

Я старался впитывать каждое услышанное слово. Но для этого мне пришлось разделить сосредоточение. Голос замолчал, фокусировка зрения восстановилось. Мы с доном Хуаном стояли на улице в нескольких кварталах от площади.

Я мгновенно почувствовал, что времени на отдых у меня нет и что бессмысленно идти на поводу у желания впасть в состояние шока. Собравшись с силами, я спросил у дон Хуана, удалось ли мне выполнить то, что он задумывал.

– Ты выполнил все в точности так, как от тебя требовалось, – заверил он. – Давай вернемся на площадь, я хочу пройти по ней еще раз – последний раз в этом мире.

Я не хотел думать об уходе дон Хуана, поэтому спросил его о черном мире. Мне смутно припоминалось, что я уже видел его раньше.

– Это – мир, который собирается проще всего, – ответил он. – И из всего, что ты пережил, внимания заслуживает только он. Чёрный мир – единственная полноценная настройка эманаций другой большой полосы, которой тебе когда-либо удавалось добиться. Все остальное – поперечный сдвиг в человеческой полосе, не выходящий

за пределы одной и той же большой полосы. Стена тумана, жёлтые дюны, мир призраков – все это результаты настроек, которые наша точка сборки осуществляет на своем пути к критической позиции.

Пока мы шли к площади, дон Хуан объяснил мне, что одним из свойств черного мира является отсутствие в нем эманаций, отвечающих за время в нашем мире. Вместо них там имеются эманации, дающие другой результат. Попад в черный мир, видящий может чувствовать, что прошла вечность, хотя в нашем мире за это время проходит лишь мгновение.

– Черный мир – ужасен, потому что тело в нем стареет, – убежденно добавил он.

Я попросил разъяснить. Он замедлил шаги и взглянул на меня. Он напомнил мне как Хенаро, со свойственной ему прямоотой, уже пытался как-то обратить на это мое внимание, когда говорил, что мы брели по аду целую вечность, хотя и минуты не прошло в том мире, который мы знаем.

Дон Хуан заметил, что в молодости он был какое-то время одержим черным миром. И однажды в присутствии своего бенефактора поинтересовался, что будет, если он отправится в черный мир и некоторое время там побудет. Но его бенефактор не был склонен к объяснениям. Он просто отправил дон Хуана в черный мир, предоставив тому самостоятельно выяснять, что из этого получится.

– Сила нагуаля Хулиана была настолько необычайна, что мне понадобилось несколько дней на то, чтобы оттуда выбраться, – продолжал дон Хуан.

– Ты имеешь в виду, что на возвращение точки сборки в нормальное положение у тебя ушло несколько дней? – переспросил я.

– Да, именно это я и имею в виду, – подтвердил он.

И он рассказал, что за несколько дней блуждания в черном мире он постарел по крайней мере лет на десять, если не больше. Эманации внутри его кокона почувствовали напряжение нескольких лет одинокой борьбы.

С Сильвио Мануэлем все было совсем по-другому. Его нагуаль Хулиан тоже погрузил в неизвестное, но Сильвио Мануэль собрал другой мир в другой большой полосе. В том мире тоже не было эманаций времени, но он действовал на видящего совершенно противоположным образом. Сильвио Мануэль отсутствовал целых семь лет, хотя ему показалось, что он провел в том мире всего мгновение.

– Сборка других миров – вопрос не только практики, но также намерения, – продолжил дон Хуан. – И это не просто упражнение по выскакиванию из других миров, как на резинке. Видящий должен обладать отвагой. Преодолев барьер восприятия, ты вовсе не обязан возвращаться в то самое место этого мира, откуда уходил. Понимаешь?

Смысл его слов начинал медленно до меня доходить. У меня возникло почти непреодолимое желание посмеяться над столь абсурдной идеей, но идея вдруг стала превращаться в уверенность, однако прежде, чем я успел вспомнить что-то еще, дон Хуан заговорил, не дав мне добраться до этого.

Он сказал, что для воина опасность собирания других миров заключается в том, что они захватывают так же, как и наш мир. Сила настройки такова, что точка сборки, однажды вырвавшись из своей нормальной позиции, становится фиксированной на других позициях, другими настройками. Поэтому воин рискует застрять в немыслимом одиночестве.

Рациональная часть меня отметила, что, пребывая в черном мире, я видел дона Хуана рядом с собой как шар светимости. Следовательно, есть возможность находиться в том мире не в одиночестве.

– Возможность есть, но только в том случае, если те, с кем ты намерен туда отправиться, сдвинут свои точки сборки одновременно с тобой, – сказал по этому поводу дон Хуан. – Я сдвинул свою, чтобы отправиться туда вместе с тобой, иначе ты бы оказался там один в обществе союзников.

Мы остановились. Дон Хуан сказал, что мне пора.

– Я хочу, чтобы ты миновал все боковые сдвиги, – объяснил он, – и отправился прямо в следующий целостный мир – в черный мир.

Через пару дней тебе предстоит проделать это самостоятельно. И тогда у тебя не будет времени на мелочи – если ты не сделаешь этого, ты умрешь.

И он объяснил, что разрушение барьера восприятия является кульминацией всего того, что делают видящие. С момента разрушения барьера человек и его судьба приобретают для воина совсем другое значение. Ввиду трансцендентального значения разрушение этого барьера, видящие используют акт его разрушения в качестве финального теста. Воин должен прыгнуть в пропасть с обрыва, находясь в состоянии нормального осознания. Если ему не удастся стереть мир повседневности и собрать другой мир до того, как он достигнет дна, он погибнет.

– Ты должен заставить этот мир исчезнуть, – продолжал дон Хуан, – но при этом отчасти остаться самим собой. Это и есть последний бастион осознания, на который рассчитывают новые видящие. Они знают, что, когда сгорят в осознании, то отчасти сохраняют ощущение того, что они остаются самими собой.

Он улыбнулся и указал на улицу, которая была видна с того места, где мы стояли – ту самую улицу, где Хенаро показывал мне тайны настройки.

– Эта улица, как и любая другая, ведет в вечность, – сказал он. – Тебе нужно только идти по ней в абсолютном безмолвии. Время пришло. Теперь иди! Иди!

Он повернулся и зашагал прочь. Хенаро ждал его на углу. Он помахал мне рукой и жестом велел идти. Дон Хуан удалялся, не оглядываясь. Хенаро пошел рядом с ним. Я двинулся было за ними. Но я знал, что поступаю неправильно. И я пошел в обратную сторону по темной пустынной унылой улице. Я не поддался ни чувству поражения, ни чувству неполноценности⁵³. Я шел, погрузившись в безмолвие. Точка сборки начала смещаться с бешеной скоростью. Я увидел троих союзников. Они словно широко улыбались своими линиями, протянувшимися поперек коконов. Я чувствовал, что был пустым, легкомысленным, незначительным⁵⁴. И тогда сила, подобная ветру, сдула прочь этот мир.

⁵³ Inadequacy – несоответствие требованиям, несоразмерность, неполноценность

⁵⁴ Frivolous – пустой, легкомысленный; фривольный; пустячный, незначительный

Эпилог

Спустя пару дней вся команда Нагуаля и все ученики собрались на плоской вершине горы, о которой говорил мне дон Хуан.

Дон Хуан сказал, что все со всеми уже попрощались, и что мы находимся в состоянии осознания, не допускающем никаких сантиментов. Для нас существует только действие; мы – воины в состоянии тотальной войны.

Все, кроме дона Хуана, Хенаро, Паблито, Нестора и меня отошли немного в сторону от вершины, чтобы дать возможность Паблито, Нестору и мне остаться одним и вернуться в состояние нормального осознания.

Но перед тем как мы сделали это, дон Хуан взял нас за руки и обошел вместе с нами плоскую вершину.

– Через минуту вам предстоит намереваться движения своих точек сборки, – сказал он. – И никто не поможет вам. Теперь вы одни. И вы должны помнить: намерение начинается с команды.

Древние видящие говорили: если уж воин собирается вести внутренний диалог, то это должен быть правильный диалог. Для древних видящих это означало, что диалог должен быть о магии и об усилении их саморефлексии (самоотражения). Для новых видящих это означает не диалог вообще, но отрешенное управление намерением посредством уравновешенных (трезвых) команд.

Дон Хуан несколько раз повторил, что управление намерением начинается с команды, данной самому себе. Затем команда повторяется до тех пор, пока не становится командой Орла. И в тот миг, когда воин достигает внутреннего безмолвия, его точка сборки сдвигается.

– Сам факт возможности осуществления такого маневра, – сказал дон Хуан, – имеет чрезвычайно большое значение как для

древних видящих, так и для новых, но по диаметрально противоположным причинам. Знание этого позволяло древним видящим сдвигать свои точки сборки в невообразимые позиции сновидения в неизмеримом неизвестном. Для новых видящих знание этого факта означает отказ от того, чтобы стать пищей. Оно позволяет им ускользнуть от Орла, сдвинув точку сборки в позицию сновидения, называемую «абсолютной свободой».

– Древние видящие обнаружили возможность сдвинуть точку сборки на границу известного и удерживать ее там в состоянии сверхповышенного осознания. Из этой позиции они увидели, что можно медленно и неуклонно сдвигать точку сборки дальше – в другие позиции за границей известного. Потрясающее достижение, исполненное отваги, но лишенное уравновешенности, ибо они никогда не смогли, а может и не захотели, вернуть свои точки сборки обратно.

Искатель приключений, поставленный перед выбором – умереть здесь, в обычном мире или умереть в одном из других неизведанных миров – неизбежно предпочтет второе. Новые видящие осознали, что выбор их предшественников заключался только в изменении места смерти. И они поняли тщетность всего этого: тщетность борьбы за власть над своими ближними, тщетность собирания других миров, и, прежде всего, – тщетность самозначительности.

Одним из самых удачных решений, принятых новыми видящими, было решение никогда не допускать устойчивых смещений точки сборки в какие бы то ни было позиции, отличные от позиции повышенного осознания. Из этой позиции им фактически удалось разрешить дилемму тщетности. Они обнаружили, что дело не в том, чтобы выбрать другой мир, в котором можно было бы умереть, а в том, чтобы выбрать полное осознание, полную свободу.

Дон Хуан заявил, что, выбрав полную свободу, новые видящие неосознанно продолжили традицию своих предшественников, по своей сути действительно став бросившими вызов смерти.

– Новые видящие открыли, – объяснил он, – что если заставить точку сборки непрерывно смещаться к границам неизвестного, но (затем) заставить ее вернуться в позицию на границе известного, то

затем, будучи внезапно освобожденной, она, как молния, проносится через весь кокон человека, настраивая все эманации внутри кокона одновременно.

– Новые видящие с силой настройки сгорают, – продолжал он, – с силой воли, которую они с помощью безупречной жизни превратили в силу намерения. Намерение – это настройка всех янтарных эманаций осознания, поэтому правильным будет сказать, что полная свобода означает полное осознание.

– Это то, что вы собираетесь сделать, дон Хуан? – спросил я.

– Мы совершенно точно сделаем это, если будем обладать достаточной энергией.

После этого дон Хуан заставил нас войти в состояние нормального осознания. На закате Паблито, Нестор и я прыгнули в пропасть. А дон Хуан и партия нагуалья сгорели в огне изнутри. Они вошли в полное осознание, так как у них было достаточно энергии, чтобы принять этот умопомрачительный дар свободы.

Паблито, Нестор и я не умерли на дне того ущелья, как и никто из тех учеников, которые прыгнули ранее, потому что каждый из нас под воздействием такого потрясающего и непостижимого действия, как прыжок навстречу смерти, сдвинул свою точку сборки и собрал другие миры.

Теперь мы знаем, что были оставлены здесь для того, чтобы вспомнить повышенное осознание и вновь обрести целостность себя. И мы знаем также, что чем больше мы будем вспоминать, тем более интенсивными будут наше восхищение, наше изумление, но также усилятся наши сомнения и наше беспокойство.

Это похоже на то, как если бы мы были оставлены лишь для того, чтобы испытывать танталовы муки по поводу далеко идущих вопросов о природе и судьбе человека до тех пор, пока у нас не будет достаточно энергии не только, чтобы подтвердить все то, чему дон Хуан учил нас, но и чтобы самим принять дар Орла.

